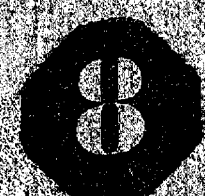
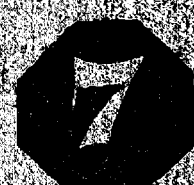

Исторический Журнал

ИДК
Издательство „Правда“
1941

Исторический ЖУРНАЛ

№ 7-8

Июль—август 1941 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. В. СТАЛИНА

3 июля 1941 года.

Товарищи! Граждане! Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей

территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны раз-

вернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная Армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрезались от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоя-

нием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной.

Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, — создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина—Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР И НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ тов. В. М. МОЛОТОВА

22 июня 1941 года.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же

ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

22 июня 1941 г. — дата разбойничьего, предательского нападения германского фашизма на Советский Союз.

И. В. Сталин 3 июля 1941 г. в обращении по радио ко всему советскому народу и бойцам Красной Армии и Флота разоблачил перед всем миром захватнические цели фашистских бандитов и указал, что нужно сделать для победы в этой вынужденной, священной войне народов СССР против фашистов.

Каковы цели германского фашизма, какую опасность он несет нашему государству и народам нашей родины?

«Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

Война навязана нам гитлеровской Германией, и наша страна вступила в смертельную схватку с ней. Товарищ Сталин с исключительной яркостью показал особый характер этой войны, в которой борьба идет не только между двумя армиями. «Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одиночками. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

Наш народ вступил во всенародную отечественную войну, чтобы уничтожить гитлеровскую Германию. Он борется за свое отечество, за свою родину, за свою честь, оказывая помощь народам, стонущим под германским сапогом.

22 июня 1941 г. — это начальная дата гибели фашизма, его уничтожения, его смерти. Вот почему будущие историки запишут эту дату как одну из величайших в истории человечества, как один из решаю-

щих, поворотных пунктов в борьбе за самые лучшие, самые прекрасные идеалы человечества.

Народы Советского Союза знают, что их руками, их героизмом, их кровью будет уготована могила врагу человеческой культуры, прогресса, свободы, счастья, врагу, пытающемуся повернуть ход истории назад, к мрачным векам средневековья, человеконенавистничества, грабежа и разбоя, пыток и казней, врагу, которому нет и не может быть пощады.

Советские народы в едином патриотическом порыве поднялись на великую отечественную войну. Не в первый раз в их истории священный клич «отечество в опасности» поднимает широчайшие народные массы, воодушевляет на героические подвиги и ведет к окончательной победе.

У народов Советского Союза героическое настоящее черпает из героического прошлого немало славных примеров, достойных подражания. История борьбы русского народа с ливонскими «псами-рыцарями», с татарскими завоевателями, с польскими интервентами в начале XVII в. вписала страницы, которыми по праву гордятся нынешние потомки героических предков.

В отечественной войне 1812 г., героической эпопее русского народа, не только было отражено нашествие «завоевателя мира» Наполеона, организовавшего поход «двунадесяти языков», но и предопределены его гибель и исчезновение с исторической арены. По странному историческому совпадению, 22 июня 1812 г. Наполеон подписал в Вильковицах приказ по армии о начале войны против России. Это было началом нашествия на Россию, было началом конца Наполеона.

Наполеон наступал на Россию, имея в своем распоряжении армию в 420 тыс. человек, в то время как русская армия не насчитывала и 225 тыс., т. е. была вдвое меньше наполеоновской. Но за этой армией стоял весь русский народ, и именно это обстоятельство, не учтенное Наполеоном, привело его к гибели. Весь народ был одушевлен единым патриотическим порывом. Завоеватель, гордо заявлявший, что он продиктует мир России в Москве и Петербурге, вынужден был бежать с жалкими остатками «великой» армии.

Герой-партизан Отечественной войны 1812 г. Денис Давыдов словами

«Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать»

выразил патриотические чувства русского народа во время Отечественной войны 1812 года.

И это восстание за родину тогда свершилось. Враг был разбит, а затем и добит.

Германский генерал Макс Гофман, создавший «план похода на Россию», план, затем воспринятый в основном гитлеровской фашистской бандой, писал, что «если бы Наполеон имел в 1812 г. железные дороги, моторизованный транспорт и телефоны, то он еще сегодня был бы в Москве». Жалкая, беспомощная болтовня! Ведь у русского народа во время Отечественной войны 1812 г. тоже не было ни железных дорог, ни моторизованного транспорта, ни телефонных проводов. Не отсутствие новейшей техники погубило Наполеона и его армию, а отсутствие справедливых целей войны, ее грабительский, завоевательный характер, а главное — восстание всего русского народа. Техника без людей мертва, а русские люди в Отечественную войну 1812 г. защищали свою родину, в их руках и тогдашняя техника творила чудеса.

Русский народ поднялся на великое патриотическое восстание против иноземного завоевателя. Отечество для русского народа было самым дорогим, самым ценным достоянием, и это несмотря на то, что в 1812 г. огромная часть народа была бесправной.

Патриотизм советских народов был проверен во время иноземного нашествия, разбойничьего наступления кайзеровских германских войск в феврале 1918 года и в течение всего периода гражданской войны. «Партия объявила страну военным лагерем и перестроила ее хозяйственную и культурно-политическую жизнь на военный лад. Советское правительство объявило, что «социалистическое отечество — в опасности» и призывало народ к отпору. Ленин дал лозунг — «все для фронта», и сотни тысяч рабочих и крестьян пошли добровольцами в Красную Армию, на фронт. Около половины всего состава партии и комсомола пошло на фронт. Партия подняла народ на отечественную войну против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов»¹.

И в этой отечественной войне мы победили. Враг бежал, освобождая одну за другой захваченные области и территории советского государства.

Нападение Гитлера на Страну советов 22 июня 1941 г. было совершено внезапно, но подготовка этого разбойничьего нападения имеет длинную историю. В официальной программе гитлеризма с самого его зарождения был пункт, в котором говорилось: «Мы требуем земель и почвы для питания наших людей и расселения нашего избыточного населения». В 1924 г. Гитлер в книге «Моя борьба» расшифровал это туманное «требование» 3-го пункта программы. Он писал: «Когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

Таким образом, направление агрессии германского фашизма было установлено. Грабеж «пространства» на Востоке — вот в чем заключалось это направление. К моменту прихода Гитлера к власти и еще задолго до этого военная часть «похода на Россию» была разработана уже упомянутым генералом Гофманом. В момент, когда германская армия была разгромлена на Западе, генерал Гофман, восторженный поклонник наполеоновского похода на Москву, разработал свой собственный «план»: немедленная кампания против России, концентрация новых армий на Висле и Двине по примеру Наполеона, молниеносный марш под германским командованием, занятие Ленинграда и Москвы в течение нескольких недель, занятие страны вплоть до Урала.

Гофман предлагал этот план союзникам. Он мечтал о том, что союзники дадут возможность разбитой на Западе Германии отыгаться на Востоке. Под предлогом «защиты» европейской цивилизации Германия сумеет захватить не только Украину, но и всю страну, вплоть до Урала. Тогда, опираясь на эту необъятную территорию, она стала бы разговаривать со своими победителями на Западе другим языком. Политическая сторона этого плана была столь же авантюрна, как и его военно-стратегическая сторона. План был отвергнут, и Гофман остался генералом без армий.

Отвергнутый союзниками план Гофмана был положен Гитлером и его приспешниками в основу собственных планов нападения на Советскую страну. Публичным агентом и проповедником этого нападения стали такие «деятели», как промышленник Арнольд Рейхберг, недоучившийся прибалтийский студент Розенберг, бежавший из России в Германию в 1918 г., и другие. В июле 1933 г. на мировой экономической

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 218. 1938.

конференции в Лондоне член гитлеровского правительства, крупнейший промышленник Гугенберг в своем выступлении прямо заявил, что Германия требует права колонизации советских земель и, в частности, Украины. Это была первая провокационная попытка прощупать общее настроение, попытка выяснить, как будет реагировать общественное мнение Европы и мира на подобные требования Германии. Гитлер и его окружение не переставали систематически готовиться к осуществлению похода на СССР.

Для всей стратегии и тактики Гитлера, как политической, так и военной, чрезвычайно характерным является сочетание беспримерной наглости с трусливым отступлением при сопротивлении его планам. На всем протяжении правления Гитлера это сочетание повторяется неоднократно. В 1934 г. Гитлер впервые попробовал осуществить захват Австрии при помощи внутреннего путча. Стоило, однако, Англии и Франции занять отрицательную позицию, стоило Муссолини пригрозить вводом итальянских войск в Австрию и послать на Бреннер несколько батальонов, как Гитлер немедленно ретировался. В 1936 г. Гитлер нарушил демилитаризацию Рейнской зоны и ввел туда свои войска. Лишь позже (по свидетельству Геббельса) стало известно, что все колонновожатые германских отрядов имели при себе секретные пакеты, которые они должны были вскрыть в момент появления первых французских патрулей. В этих пакетах находился приказ немедленно отступить на германскую территорию. Весной 1938 г. Гитлер организовал нападение на Чехо-Словакию. Война была на волоске. Стоило английскому и французскому послам решительно заявить германскому правительству, что их правительства не допустят нападения на Чехо-Словакию, как Гитлер немедленно отступил.

Разлагая тыл своих противников, жертвуя кровью и жизнью народных масс Германии во имя наживы кучки германских капиталистов за счет эксплуатации завоеванных территорий, задушив неслыханным террором сопротивление германского народа, Гитлер сумел захватить ряд европейских стран, подчинив их своей системе, грабя их и насилуя. Но он наткнулся на все возрастающее сопротивление английского народа, на все возрастающую помощь Англии со стороны Соединенных штатов Америки.

«Победа» Гитлера и захват германскими войсками Чехо-Словакии, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Греции, Югославии, равно как и фактическая оккупация территории своего итальянского союзника, логикой войны превращается в одну из основных причин неизбежного разгрома и гибели фашизма.

Разнузданный и оголтелый террор против населения оккупированных территорий, поголовный грабёж всех материальных ресурсов, бессмысленное подавление национальной культуры и языка, голод, эпидемии и физическое вымирание, на которые обрекается это население, — вот что оставил у себя в тылу Гитлер, предпринимая поход на Советский Союз.

Совершив вероломное нападение на СССР и предательски разорвав пакт о ненападении, Гитлер добился некоторых временных военных преимуществ для своих войск, но фашистская Германия, говорит товарищ Сталин, «проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора». Временный выигрыш гитлеровской Германии нельзя сравнивать с громадным политическим выигрышем СССР, «на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией». Силы Красной Армии крепнут, в бой вступают ее главные силы, растет сочувствие к СССР со стороны угнетенных фашистским террором народов.

Ненависть народов, стонущих под ярмом фашистской клики, рождает каждый день все новые и новые очаги саботажа, диверсионные акты и восстания против угнетателей. Красная Армия, осуществляющая в героическом порыве вместе со всеми советскими народами отпор вторгнувшимся на ее территорию гитлеровским войскам, несет освобождение народам, ставшим жертвами германского и итальянского фашизма. Их борьба в тылу Гитлера будет серьезным вкладом в дело общей борьбы против фашистского господства. Поражения, наносимые Красной Армией гитлеровским войскам, являются одновременно сигналом для более интенсивной борьбы норвежцев, датчан, чехословаков, голландцев, бельгийцев, французов, греков, югославов за собственное национальное освобождение, за свою свободу. В этой общей борьбе за освобождение человечества от фашизма Советский Союз, его народы, его Красная Армия являются передовым отрядом.

В борьбе против фашизма произошла консолидация сил СССР и Великобритании. 12 июля 1941 г. подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии. Это соглашение является документом крупнейшего исторического и политического значения. Карта Гитлера, рассчитывавшего разгромить своих противников поодиночке, бита. Заключение соглашения о совместных действиях СССР и Великобритании против гитлеровской Германии открывает новый этап в войне против фашизма. Создана коалиция двух могущественнейших государств, коалиция народов Европы, которая сплотит все народы в борьбе с гитлеровской Германией и доведет разгром гитлеризма до конца. Создана коалиция свободолюбивых и суверенных народов для борьбы против фашизма.

Провалилась попытка Гитлера изобразить свое разбойничье нападение на СССР как «коалицию европейских государств»; жалкие вассалы и холопы Гитлера — все эти Муссолини, Хорти, Тиссы, Антонеску, Маннергеймы втянули в войну Венгрию, Румынию, Словакию, Финляндию и Италию против воли и желания народов этих стран. Немецкие фашистские полчища несут смерть, нищету и порабощение народам этих стран, на которых они смотрят как на «низшую расу». Гитлеризм — враг всех народов, борющихся за свободу, за демократию, за независимость, против порабощения. Соглашение СССР и Великобритании неизмеримо усиливает мощь народов, ведущих борьбу против фашистского гнета и порабощения.

Военно-стратегическое положение гитлеровской Германии в результате соглашения СССР и Великобритании неизмеримо ухудшилось. Германия должна вести войну на два и более фронтов. Еще недавно германские военные специалисты писали, что в войне против Англии они не повторят роковой ошибки 1914—1917 гг., когда Германия воевала на два фронта. Своей политикой Гитлер поставил Германию в такое положение, что она оказалась в окружении фронтов, и это, несомненно, ускорит разгром гитлеризма.

Соглашение СССР и Великобритании советский народ встретил с большим удовлетворением. Оно вызвало также одобрение в Великобритании, США и других странах.

Гитлер уже проиграл битву за Англию, он не добился господства в воздухе над английскими островами. Доблестная Красная Армия, героически отражая вероломное нападение фашистских полчищ, уже разбила лучшие гитлеровские дивизии, за три недели войны Гитлер потерял в три раза больше, чем Наполеон в 1812—1813 гг., уже провалился план «молниеносного удара» на Восток, против СССР, где весь народ сплотился под руководством своего вождя товарища Сталина. Англия, опираясь на все возрастающую помощь Соединенных штатов, развертывает все более упорную борьбу против гитлеризма. Соглашение

Англии с СССР еще больше вдохновит английский народ и поработанные народы Европы, томящиеся под сапогом фашистских оккупантов, на борьбу против фашистских завоевателей, врагов человеческого прогресса и культуры.

Никогда народы Советского Союза не были так едины, так сплочены, так сильны, как сейчас. Внешняя и внутренняя политика партии Ленина—Сталина дала свои победоносные результаты.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала советским народам, всему многонациональному Советскому Союзу подлинное отечество, которое они защищали, защищают и будут защищать всеми своими силами, всем своим трудом, своей кровью, своей жизнью.

Германскому фашизму не удастся повернуть вспять колесо истории. Гитлеровская Германия будет сметена с лица земли, ибо она является душителем культуры и прогресса, препятствием для поступательного движения человечества вперед. И советским народам в этой грандиозной задаче уничтожения фашизма будет принадлежать почетная роль.

В минуту грозной опасности наступления на нашу родину озверелых полчищ фашистов Указом Президиума Верховного Совета СССР Народным Комиссаром Наркомата Оборона СССР поставлен товарищ Сталин — глава правительства СССР.

Это назначение вливает новые силы и бодрость в сердца доблестных бойцов Красной Армии и Флота, в сердца рабочих, колхозников и интеллигентов, с энтузиазмом борющихся в тылу и на фронте с фашистскими бандами. Это назначение является для всех советских патриотов призывом еще самоотверженнее бороться и работать до полного разгрома врага.

В годы гражданской войны с империалистами Центральный Комитет большевиков и великий Ленин всегда посылали Сталина на самые ответственные, самые решающие фронты: бои за Царицын, разгром Колчака, Юденича, Деникина, белополяков связаны с непосредственным участием великого Сталина. Его личное участие вносило крепкую организацию, четкость в работу советского аппарата, небывалую сплоченность партийной организации, замечательное единство бойцов, рабочих и трудящегося крестьянства. Сталин давал поразительно четкий и ясный анализ политической и военной обстановки и намечал самый кратчайший путь к победе. Враг был разбит под руководством великого Сталина, страна добилась невиданных в истории побед.

Под руководством организатора побед великой партии Ленина — Сталина, под гениальным водительством товарища Сталина злодейский фашизм будет уничтожен. Победа будет за нами!

СТАТЬИ

РОЖДЕНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ*

(Вопросы строительства РККА в первой половине 1918 г.)

С. Кляцкин

«...Господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией...»

(Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 122).

На другой день после взятия пролетариатом власти военный вопрос встал перед Советской республикой во весь рост. Для защиты молодой Советской республики необходимо было создать социалистическую армию, армию нового типа. «Первою заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой. Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию...; иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии...; иначе как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса»¹.

Это программное требование марксизма-ленинизма нашло свое выражение в декрете Совета народных комиссаров от 15(28) января 1918 г. о создании Красной Армии из рабочих и крестьян. Ленинский декрет определил принципиальные и организационные основы новой армии, армии социализма. Ввиду исключительного значения декрета мы позволим себе привести его целиком:

«Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии — всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей Социалистической революции в Европе.

I

В виду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием Рабоче-Крестьянская Красная Армия, на следующих основаниях:

1. Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов.

* Настоящая статья является кратким изложением кандидатской диссертации «Организация Рабоче-Крестьянской Красной Армии в СССР» (первая половина 1918 г.); защищенной автором в Институте истории АН СССР в феврале 1941 года.

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 378—379.

2. Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской Революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или по крайней мере двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование.

II

1. Воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и сверх сего получают 50 рублей в месяц.

2. Нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлениям местных органов Советской власти.

III

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в Комиссариате по Военным Делах в созданной при нем особой Всероссийской Коллегии.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов-Ленин».

Приняв решение о создании социалистической Рабоче-Крестьянской Красной Армии первоначально, как видно из декрета, на добровольческих началах, Совет народных комиссаров должен был организовать и специальный аппарат для проведения всей практической работы по организации и управлению РККА.

19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) Советом народных комиссаров была создана при Комиссариате по военным делам «Всероссийская коллегия по организации и управлению рабоче-крестьянской Красной Армии»¹. Законодательное оформление этого органа произошло 15(28) января 1918 года.

Задачи и функции Всероссийской коллегии были определены декретом Совета народных комиссаров следующим образом: «На указанную Коллегию возлагается направление и согласование деятельности местных областных и краевых организаций по формированию, учет вновь формируемых боевых единиц, руководство формированием и обеспечением новой армии вооружением и снабжением, санитарно-медицинская помощь, финансовое заведывание, разработка новых уставов, инструкций и т.д.»². В соответствии с поставленными задачами Совнарком определил и организационную структуру Всероссийской коллегии в составе 8 следующих отделов: 1) организационно-агитационного, 2) формирования и обучения, 3) мобилизационного, 4) вооружения, 5) снабжения, 6) транспортного, 7) санитарного и 8) финансового.

21 января (3 февраля) 1918 г. декретом Совета народных комиссаров за подписью Ленина была назначена специальная пятерка для руководства деятельностью Всероссийской коллегии³. На следующий день после утверждения состава Всероссийской коллегии были назначены

¹ Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 1917, оп. 22, д. 6, л. 8, 1918 год.

² Газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 1 (46) от 18 (31) января 1918 года.

³ Там же, № 5 (50) от 23 января (5 февраля) 1918 года.

ответственные комиссары в отделы коллегии, которым и было поручено их формирование¹. К концу февраля 1918 г. были созданы все отделы коллегии.

Одним из первых был создан организационно-агитационный отдел, во главе которого был поставлен тов. Каганович Л. М. Отдел начал функционировать через два дня после назначения комиссара, 24 января (6 февраля) 1918 года. 30 января (12 февраля) 1918 г. тов. Каганович доложил на специальном заседании Всероссийской коллегии о том, что отдел уже развернул свою работу². Позже других, лишь 26 февраля 1918 г., начал функционировать отдел вооружения³.

30 января (12 февраля) 1918 г. на специальном заседании Всероссийской коллегии комиссар организационно-агитационного отдела тов. Каганович выступил с докладом, в котором, развивая общие положения о задачах и структуре организационно-агитационного отдела, указал, что его задачей является: «а) руководство повсеместной работой по организации военных отделов при Советах и армейских комитетах, а по созданию таковых — руководство организационно-агитационными отделами и работой по вербовке добровольцев, б) распространением широкой агитации по вопросу об организации Красной Армии и удовлетворением культурно-просветительных потребностей красноармейских частей»⁴.

Соответственно с этими задачами организационно-агитационный отдел был разбит на два подотдела: организационный и агитационно-просветительный.

1. Создание военного аппарата на местах

Вскоре после опубликования декрета СНК о создании РККА Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА приняла «инструкцию для руководства Советам и Комитетам на местах для создания управления Красной Армии»⁵, которая была опубликована в № 10 газеты «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» от 28 января (10 февраля) 1918 года.

Инструкция указывала, что «создание Красной Армии и управление ею на местах возлагается на местные, уездные, губернские и областные (краевые) Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, для чего при этих советах создаются военные отделы; в армии на армейские (фронтовые), корпусные и дивизионные комитеты, для чего при них создаются штабы Красной Армии»⁶.

Определив таким образом роль и место советов и армейских комитетов в деле создания Красной Армии, Всероссийская коллегия указала, как должны строиться военные отделы и штабы Красной Армии: «Военный отдел Совета составляется из представителей местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, штабов Красной Гвардии, где таковые имеются, и военных штабов; штабы Красной Армии из пред-

¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 5 (50) от 23 января (5 февраля) 1918 года.

² Там же № 6 от 24 января (6 февраля) 1918 г. и № 14 от 2 (15) февраля 1918 года.

³ Там же № 24 (69) от 14 (27) февраля 1918 года.

⁴ Там же № 14 от 2 (15) февраля 1918 года. Организационно-агитационный отдел явился предтечей Политического управления РККА. С образованием Всероссийского бюро военных комиссаров (апрель 1918 г.) организационно-агитационный отдел был преобразован в агитационно-просветительный отдел Всероссийского бюро военных комиссаров (см. ЦАКА, ф. 4, оп. 2, д. 170/с (119—840) и ЦАОР, ф. 130, оп. 8, д. 125, ч. 1-я, л. 63, 1918 г.). Комиссаром агитационно-просветительного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров был назначен тов. Каганович Л. М. (ЦАОР, ф. 2316, оп. 2, д. 18, лл. 25, 27, 1918 г.).

⁵ ЦАОР, книгохранилище, инвентарь № 3849.

⁶ Там же.

ставителей армейских (фронтовых), корпусных и дивизионных комитетов»¹. В инструкции, далее, указывалось, что вся практическая работа по формированию Красной Армии в пределах района ложится на военные отделы советов и штабы Красной Армии.

Инструкция и директивные указания Всероссийской коллегии обобщили опыт местных партийных и советских организаций в деле строительства аппарата Красной Армии, ликвидировали имевшийся разноречивый, придали всей работе организованный характер.

Строительство военного аппарата на местах началось еще в январе 1918 года. Так в Гори-Горки Могилевской губернии 5 (18) января 1918 г. был создан военный отдел при совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Калуге 18 января (1 февраля) 1918 г. была создана коллегия по организации Красной Армии, в Сасове 20 января (3 февраля) 1918 г. был создан военный отдел при совете, в Сызрани, в Златоусте военные отделы возникли 22 января (5 февраля) 1918 года. В этот же промежуток времени (25—29 января — 8—12 февраля 1918 г.) военные отделы возникли в Скопине, Костроме, Рыбинске и ряде других городов².

До получения инструкций Всероссийской коллегии инициатива местных партийных и советских органов порождала разнообразие в строении (и названиях) военных органов. Так например кое-где создавались коллегии по организации Красной Армии (Калуга, Вятка и др.), в Бугуруслане было выделено бюро по организации Красной Армии; в Перми, Екатеринбурге, Балашове и других местах — штабы Красной Армии; в Бежецке, Рыбинске и Кашине — военные коллегии, а в Костроме — даже Народный комиссариат по военным делам, и т. д.

Ленин указывал, что «вопрос о строении Красной Армии был совершенно новым, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью... Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался... Мы шли от опыта к опыту...»³.

Февраль—март 1918 г. — месяцы, когда в основном были созданы и развернули свою работу военные отделы советов и штабы Красной Армии. Так, 22 февраля 1918 г. военный отдел Могилевского губисполкома сообщил Всероссийской коллегии: «Существуя вместе с губисполкомом всего две недели, военный отдел сформировал две тысячи человек всех трех родов оружия»⁴. 25—26 марта 1918 г. в Москве состоялась конференция представителей губернских военных отделов Московского военного округа под председательством тов. Фрунзе. Доклады с мест выявили яркую картину широко развернувшейся работы по строительству Красной Армии. Вот некоторые выдержки из докладов: «Воронежская губерния. Военный отдел существует с 4 марта. В две недели записалось 962 чел. Ежедневно записывается 30—40 человек. По уездам не менее 75 чел. в каждом. Все помещаются в казармах. Командный состав назначен. Москва. Красноармейцев 11 000 чел., на фронт отправлено 600 чел.»⁵.

Но в отдельных местах строительство военного аппарата затянулось до середины апреля 1918 года. Дело создания Красной Армии целиком зависело от инициативы и работоспособности местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

¹ ЦАОР, книгохранилище, инвентарь № 3849.

² Центральный архив Красной Армии (ЦАКА), ф. 2, оп. 1, № 1 (235—637), лл. 4—6, 12, 13, 1918 год.

³ Ленин: Соч. Т. XXIV, стр. 121.

⁴ ЦАОР, ф. 1917 г., оп. 22, д. 14, л. 1, 1918 год.

⁵ ЦАКА, д. 236—851, лл. 54—55, 1918 год.

2. Агитационная деятельность организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии

Создание местного военного аппарата происходило одновременно с развитием агитационной работы, направленной к созданию Красной Армии. Важнейшим предварительным условием развертывания агитационной деятельности организационно-агитационного отдела являлось разрешение проблемы создания кадров агитаторов-организаторов.

Как известно, еще до образования Всероссийской коллегии (мы имеем в виду декрет СНК от 15 (28) января 1918 г.) Первый общеармейский съезд по демобилизации армии, приняв решение о создании корпусов социалистической Красной Армии, выделил из своей среды агитаторов, которые развернули работу на местах.

Совершенно ясно, что задача обеспечения организационно-агитационного отдела агитаторами-организаторами могла быть разрешена только большевистской партией, ее организациями на местах. 16 февраля 1918 г. организационно-агитационный отдел обратился через печать с открытым письмом ко всем районным комитетам РСДРП(б) Петрограда, в этом письме говорилось: «Для разъяснения широким массам значения формирующейся Красной Армии необходимо организовать кадры агитаторов, которые могли бы поехать по всей России для агитации и организации Красной Армии. Все, кто за советскую власть, должны посвятить себя этой работе. Выделяйте из своей среды, сколько можете товарищей, вербуйте товарищей из частей, пусть не смущает вас, что мало знаете, как агитатор, пусть все товарищи, которые изъявят согласие быть агитаторами, явятся в Мариинский дворец, в организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. При отделе будут организованы кратковременные курсы, где товарищи, подготовившись, сумеют выполнить возложенное на них поручение.

Комиссар Каганович»¹.

Большевистские партийные организации отбирали из своей среды лучших работников и направляли их в распоряжение организационно-агитационного отдела. Так например 20 февраля 1918 г. Белорусская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) обратилась в организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии со следующим заявлением: «Белорусская социал-демократическая рабочая партия считает своим долгом откликнуться на ваш призыв и посылает на агитаторские курсы партийных товарищей, изъявивших желание принять самое горячее участие, приложить все знания и силы на создание революционного оплота советской власти — социалистической Красной Армии»². К заявлению был приложен именной список 13 членов партии, желающих стать агитаторами.

На призыв организационно-агитационного отдела откликнулись не только организации. Широким потоком потекли заявления и от отдельных передовых рабочих, крестьян и солдат с просьбой о зачислении в агитаторы. Приводим волнующий документ, свидетельствующий о высокой сознательности и патриотизме его автора: «Товарищи партия большевиков! (от инвалида Федора Артемовича Сопрыкина). Прошение. Имею честь просить принять меня на курсы по зачислению в кадры агитаторов, так как я, Сопрыкин, пробывши на позиции три года и оставшись без обеих ног, но с помощью искусственных ног желаю служить и поддерживать свою партию, так как я родился большевиком и должен умереть за свою партию.

Федор Сопрыкин»³.

¹ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 19, л. 2, 1918 год.

² Там же, лл. 15—16.

³ Там же, оп. 1, д. 19, л. 65, 1918 год.

Подобные заявления свидетельствуют о великой любви к родине, о самоотверженности и патриотизме лучших представителей советского народа.

Порядок зачисления в агитаторы-организаторы был опубликован в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 14 от 15 февраля 1918 г. и сводился к следующему:

«1. В агитационную коллегия может вступить каждый рабочий, солдат и крестьянин, имеющий рекомендацию революционно-социалистических организаций, стоящих на платформе советской власти, по крайней мере, 2-х членов таковых.

2. Каждый товарищ, записавшийся в агитационную коллегия, обязан прослушать кратковременный курс лекций по вопросам создания Рабоче-крестьянской Красной Армии.

3. По прохождении кратковременных курсов по подготовке агитаторы получают определенное назначение и уезжают на места назначения»¹.

Курсы для агитаторов организовывались как в центре, так и на местах. 28 марта 1918 г. организационно-агитационный отдел опубликовал извещение об открытии курсов «для подготовки в самое короткое время агитаторов из лиц не вполне подготовленных»². Программа курсов была разнообразна и охватывала весь необходимый для агитатора комплекс знаний.

За период с 14 февраля по 26 марта 1918 г. организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии направил на работу 286 агитаторов и 112 организаторов. Агитаторы-организаторы направлялись в различные города Советской республики: Царицын, Петрозаводск, Брянск, Жмеринку, Одессу, Кострому, Оршу, Псков, Оренбург, Гомель, Невель, Иваново-Вознесенск, Хабаровск, Муром, Луганск, Таганрог, Харьков, Вязьму, Симбирск и десятки других городов и населенных пунктов страны³.

Изучение личных дел агитаторов дает возможность установить, что за редким исключением все агитаторы-организаторы были большевиками из рабочих. Из 100 агитаторов было 70 большевиков, 6 левых эсеров, а в остальных делах сведений о партийной принадлежности не оказалось. Работа агитаторов-организаторов далеко выходила за рамки их функций, определенных специальной инструкцией. Не было такой области советской работы, в которой они не принимали бы в той или иной мере участия. Им приходилось организовывать военные отделы советов (а нередко и самые советы), вести агитацию, вербовать добровольцев, формировать отряды, разоружать разного рода авантюристов и т. д. Часто они возглавляли отряды Красной Армии в боевых действиях против врагов советской власти⁴.

Основную тяжесть агитационной и вербовочной работы в РККА вынесли на своих плечах большевистские организации и советы. В целях подготовки агитаторских кадров на местах была создана широкая сеть краткосрочных агитаторских курсов. За период февраль—апрель 1918 г. такие курсы были открыты в Туле, Гжатске, Вятке, Астрахани, Юзовке и других городах страны⁵. Кроме того на специально организованных курсах формировались значительные агитаторские группы непосредственно из наличных агитаторских кадров.

¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 14 от 2 (15) февраля 1918 года.

² «Гражданская война». Материалы по истории Красной Армии. Т. I, стр. 221. 1923 год.

³ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 17, лл. 23—30, 1918 год.

⁴ См. личные дела агитаторов-организаторов. ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, 1918 год.

⁵ См. ЦАКА, ф. 2, оп. 1, д. 1, лл. 17, 45—48; д. 3/194—209, л. 63; ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 4, л. 6, 1918 год.

Крупнейшее значение в деле создания РККА имели газеты «Правда», «Известия», «Солдатская правда», а также газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» — орган Народного комиссариата военных дел. Первый номер этой газеты вышел 18(31) января 1918 года. В этом номере на первой странице был напечатан декрет Совета народных комиссаров о создании Красной Армии. Газета вышла под лозунгом «Да здравствует Красная Армия!» Каждый день этот коллективный агитатор неустанно говорил народу, что «защита революции — Красная армия!», что без армии социалистическое отечество погибнет: «Стройте армию! Все в ряды Красной Армии! Не забывайте о Красной Армии!» Газета давала богатейший информационный материал о ходе формирования Красной Армии на местах, популяризировала опыт передовых районов. В специальных статьях она выясняла цели, задачи и принципы строительства РККА. Газета из номера в номер воспитывала в красноармейце волевого, дисциплинированного солдата революции, патриота советской родины. В газете публиковались правительственные постановления, приказы и распоряжения центральных, военных учреждений, велась разработка уставов.

«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» просуществовала с 18(31) января 1918 г. по 30 апреля 1918 года. Выпущено было 74 номера. Красноармейские газеты создавались и в частях, и в провинции.

Идея создания Красной Армии быстро проникла в сознание трудящихся Советской республики и нашла среди них полную поддержку.

3. Ход вербовки добровольцев в РККА

18(31) января 1918 г. газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» обратилась к революционному народу со специальной передовой статьей, посвященной развертыванию работы по вербовке добровольцев в Красную Армию. В этой статье было сказано: «Как и все в нашей революции, создание социалистической армии не должно дожидаться каких-либо указаний с верхов. Она должна создаваться снизу самим народом. Поэтому немедленно все организации: фабрично-заводские и волостные комитеты, местные организации партии, профессиональные союзы, местные советы со своими штабами Красной Гвардии должны немедленно взяться за организацию социалистической армии»¹. Руководствуясь положениями ленинского декрета, советы, профсоюзы и другие организации рабочих и крестьян под руководством партии, преодолевая большие трудности в условиях ожесточенной гражданской войны, развернули строительство Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Впереди всех шел красный Петроград. Трудящиеся Петрограда тысячами записывались в Красную Армию, создавались революционные полки, шло обучение добровольцев обращению с оружием. В Петрограде сразу же после принятия декрета о создании РККА развернулось формирование первого корпуса Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Начало формированию этого корпуса было положено приказом № 24 от 18(31) января 1918 г. по Петроградскому военному округу. В приказе говорилось: «Всем полковым комитетам и районным штабам Красной Гвардии немедленно учредить мобилизационные комиссии для записи и приема товарищей в ряды Рабочей и Крестьянской Красной Армии»².

Петроградский пролетариат и революционные части старой армии дали значительные силы в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Особую активность проявили Выборгский районный комитет РСДРП(б) и

¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 1 от 18 (31) января 1918 года.

² «Известия ВЦИК» № 16 от 21 января (3 февраля) 1918 года.

райсовет. К 14 февраля 1918 г. рабочие районы революционной столицы дали в Красную Армию до 20 тысяч своих лучших сынов¹.

Вербовка в Красную Армию началась и в других городах. Так, из Самары 4(17) января 1918 г. сообщали, что губернский крестьянский съезд постановил организовать на местах «Народно-революционную гвардию»². В г. Николаеве первый уездный съезд 14 февраля 1918 г. постановил «признать необходимым и немедленно создать социалистическую армию»³. Из Ревеля сообщали 23 февраля, что там формируется первый Ревельский красный полк в составе 12 рот с пулеметной командой и легкой артиллерией⁴. Поступали известия о формировании частей Красной Армии из солдат старой армии.

Призыв советского правительства создавать Красную Армию был подхвачен, и, как свидетельствуют факты, передовые слои старой армии несмотря на усталость от 42 месяцев империалистической войны добровольно шли в ряды молодой Красной Армии. В вербовочные пункты поступало огромное количество заявлений от отдельных граждан с просьбой принять их в ряды РККА.

В Красную Армию шли татары, латыши, эстонцы, осетины, чеченцы и др.— трудящиеся освобожденных народов бывшей царской России.

В № 9 газеты «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» от 27 января (9 февраля) 1918 г. напечатано сообщение о том, что в Минске сформирован 1-й польский революционный батальон, вошедший в состав революционного полка Минского совета. В стадии формирования находился и другой польский батальон Красной Армии. 15 февраля 1918 г. солдаты-поляки 1-го Прибалтийского конного полка постановили всем полком перейти в ряды Красной Армии⁵. Военный отдел Комиссариата по делам мусульман при СНК открыл запись добровольцев в ряды мусульманских частей Красной Армии⁶.

Съезд русских рабочих организаций в Америке в телеграмме Совнаркому в феврале 1918 г. писал: «Первый съезд русских организаций в Америке, состоявшийся 1—4 февраля, приветствует революционную Россию в лице ее Совнаркома. Мы с вами душой и телом. Готовы организовать революционные легионы для России. Телеграфируйте»⁷.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия была еще только в стадии организации, когда ей пришлось столкнуться лицом к лицу с полчищами германского империализма.

28 января (10 февраля) 1918 г. благодаря предательскому поведению Троцкого мирные переговоры в Брест-Литовске были сорваны, и 18 февраля 1918 г. германское правительство бросило в наступление против Советской республики вооруженные до зубов 70 пехотных и 3 кавалерийских дивизии.

«Германский империализм, вторгшись в Советскую страну, задался целью свергнуть советскую власть и превратить нашу родину в свою колонию»⁸. Натиску немецких войск, наступавших на тысячемильном фронте, Советская республика могла противопоставить лишь незначительные и разрозненные отряды Красной Гвардии и Красной Армии. Окончательно деморализованные, уставшие остатки старой царской армии, почти не оказывая сопротивления, откатывались; солдаты бросали оружие и бежали в тыл. Весь фронт Советской республики от Петро-

¹ «Известия военно-революционного комитета кавказской армии» № 7 за 1918 год.

² «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 2 от 19 января (1 февраля) 1918 года.

³ Там же № 21 от 10 (23) февраля 1918 года.

⁴ Там же № 13 от 1 (14) февраля 1918 года.

⁵ Там же № 18 от 7 (20) февраля 1918 года.

⁶ Там же № 21 от 10 (23) февраля 1918 года.

⁷ «Revolutionary Radicalism». Vol. 1, p. 635—636.

⁸ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 207.

града до границы с Украиной был обнажен, немцы свободно могли двигаться вперед. В таких условиях немецкий прорыв у Двинска получил быстрое развитие, в сравнительно короткий срок немцы были уже на линии Ревель — Псков, на подступах к Петрограду, угрожая столице Советской республики. Советская республика оказалась перед лицом смертельной опасности.

«Вооруженная интервенция немецких империалистов вызвала мощный революционный подъем в стране»¹.

21 февраля 1918 г. советское правительство приняло написанный Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!» В тот же день СНК обратился ко всем рабочим, крестьянам и солдатам с воззванием, в котором говорилось: «Совет народных комиссаров призывает все местные советы и армейские организации приложить все силы к созданию армии. Все свободные от производительной деятельности рабочие и крестьяне, сознательные и мужественные борцы революции должны немедленно строиться в ряды Красной Армии. Рабочие, крестьяне, солдаты, пусть знают наши враги извне и внутри, что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови»².

Пролетарии Петрограда ответили на призыв Совнаркома массовой записью добровольцев. По тревожным призывным гудкам поднялся рабочий Петроград, заводы целиком снимались и шли к революционному центру — к Смольному. Как всегда, впереди всего рабочего Петрограда шли металлисты. 21 февраля 1918 г. рабочие 7-го округа Путиловского завода на собрании постановили: «Немедленно вступить для всеобщей повинности в ряды Красной Гвардии на защиту нашей народной советской власти»³. Утром 25 февраля 1918 г. к Смольному пришел весь состав рабочих завода «Вулкан» с просьбой записать их в ряды Красной Армии. С той же просьбой рабочие приходили в одиночку, группами, присылали делегации от заводов и фабрик. Записывались юноши и девушки от 18 лет, мужчины и женщины.

Газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» 1 марта 1918 г., подводя итоги первым дням мобилизации рабочих, писала: «На многих фабриках и заводах рабочие встали под ружье в полном составе. Необычайна была исключительная быстрота мобилизации революционной рабочей армии. В какую-нибудь ночь после тревожных призывных гудков, например, в Петрограде была создана рабочая армия в 60 тысяч человек. Сразу же эта армия была двинута на революционный фронт навстречу первому отряду мирового империализма. Теперь наплыв добровольцев Красной Армии до того значителен, что нехватает оружия для их немедленного вооружения и перевозочных средств для их немедленной отправки навстречу германским бандам».

Широко развернулась работа по созданию Красной Армии в Москве. 25 февраля 1918 г. рабочие и работницы одного из московских трамвайных парков на общем собрании приняли такую резолюцию: «Заслушав доклад о текущем моменте и видя, что нашей революции грозит смертельная опасность, заявляем — мы, рабочие, готовы в рядах Красной Армии защищать наши завоевания до последней капли крови»⁴. К концу февраля 1918 г. в Москве в ряды Красной Армии записалось добровольцами до 20 тысяч человек. По всей стране рабочие показывали образцы самоотверженности. В Иркутске отряды Красной Армии насчитывали до 40 тысяч человек⁵. В Харькове состоялась многочисленная демон-

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 207.

² «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 19 от 21 февраля 1918 года.

³ «Правда» от 10 (23) февраля 1918 года.

⁴ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 25 от 15 (28) февраля 1918 года.

⁵ Там же № 32 от 23 февраля (8 марта) 1918 года.

страция рабочих, во время которой производилась запись добровольцев в Красную Армию¹. Подобные же известия поступали и из всех других городов.

Создавались специальные коммунистические отряды. Так например студенческая организация при Петроградском комитете РСДРП(б) организовала специальные студенческие коммунистические отряды Красной Армии. 28 февраля 1918 г. все большевики-студенты университета имени Шанявского в Москве записались в Красную Армию². Районный комитет РСДРП(б) Московского района Петрограда создал большевистский «отряд коммунаров»³.

Многие советы и профсоюзы объявили себя мобилизованными и в полном составе направились на фронт. Так, 5 марта 1918 г. совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов района Большой и Малой Охты объявил мобилизацию членов совета большевиков; уклонявшиеся от мобилизации объявлялись врагами революции. В середине февраля 1918 г. Московский комитет РСДРП(б) вынес постановление, обязывающее всех членов партии вступить в РККА⁴.

Крестьянские массы прифронтовой полосы, почувствовав, какую серьезную угрозу представляло немецкое нашествие, начали организовывать боевые партизанские отряды для борьбы с немецкими захватчиками. 27 февраля 1918 г. в гор. Луге состоялся крестьянский съезд, на котором присутствовали представители 14 уездов. Собрание постановило «немедленно приступить к созданию социалистической Красной Армии для защиты советской власти от немецких юнкеров и русской буржуазии»⁵. Крестьяне выносили решения (приговоры), обязывавшие всех способных носить оружие вступать в Красную Армию, а уклоняющихся лишать земли и выселять из общества. В столицу направлялись крестьянские ходоки для получения инструкций, указаний и оружия⁶.

Развитие партизанского движения было особенно сильно в районах, находившихся под непосредственной угрозой наступления противника. Так например в Курской губернии к концу февраля 1918 г. записалось в Красную Армию и партизанские отряды до 40 тысяч человек⁷. Крестьяне Ефросиньевской волости создали партизанский отряд, а крестьяне Вознесенской волости объявили поголовную мобилизацию от 18 до 50 лет. За оружием были направлены ходоки в Петроград, Невель и другие пункты⁸.

Многие армейские подразделения еще не демобилизованной старой армии принимали решения об отпоре немцам и вступали в ряды Красной Армии. 28 февраля 1918 г. на митинге всего петроградского гарнизона была принята резолюция, призывавшая солдат к отпору немцам⁹. Солдаты гарнизона гор. Нарвы на собрании 24 февраля 1918 г. постановили всем гарнизоном вступить в РККА. Из солдат 18-го пехотного полка, 179-го пехотного полка, 285-го запасного пехотного полка и артиллерийской бригады 45-й дивизии был составлен сводный отряд Красной Армии¹⁰.

8 марта 1918 г. военно-революционный комитет кавказской армии в приказе № 13 обратился к солдатам с призывом вступить в Красную

¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 33 от 24 февраля (9 марта) 1918 года.

² Там же № 27 от 17 февраля (2 марта) 1918 года.

³ Там же № 28 от 18 февраля (3 марта) 1918 года.

⁴ Там же № 29 от 20 февраля (5 марта) 1918 года.

⁵ Там же.

⁶ Там же № 51 от 21 марта (2 апреля) 1918 года.

⁷ «Московская газета Красной Армии» № 18 от 22 февраля (7 марта) 1918 года.

⁸ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 37 от 2 (15) марта 1918 года.

⁹ Там же № 26 от 16 февраля (1 марта) 1918 года.

¹⁰ Там же № 24 от 14 (27) февраля 1918 года.

Армию. В этом приказе говорилось: «Военно-революционный комитет кавказской армии призывает в ряды Красной Армии самых смелых и отважных борцов из ваших рядов, чтобы рука об руку с рабочими на-смерть биться с надвигающейся контрреволюцией»¹.

Матросы миноносцев «Генерал Кондратенко», «Пограничник», «Сokol» и «Михаил» 25 февраля 1918 г. приняли следующую резолюцию: «Мы, матросы... в тяжелую минуту испытания революции считаем необходимым пойти на ее защиту, образовать сводный морской красный отряд и биться за социализм до последней капли крови»².

Под руководством большевистской партии в условиях ожесточенной гражданской войны советский народ строил свою армию. Если до немецкого нашествия массы только раскачивались, то в момент, когда немецкие захватчики начали наступление на советскую землю, революционный народ, горя священной ненавистью к интервентам, отдавал своих лучших сынов в Красную Армию, посылал их на смертельный бой с армией Вильгельма II. Черчилль в своей книге отметил: «С поразительной энергией создавалась Красная Армия для защиты революции в России»³.

Под Нарвой и Псковом немецкие разбойники натолкнулись на сильнейшее сопротивление, их движение вперед было приостановлено. С лозунгами «За социалистическую родину!», «Смерть или победа!» сражались отряды молодой Красной Армии.

О первых боевых действиях ярко говорится в приказе командующего псковскими отрядами Красной Армии: «В ночь с 23 на 24 февраля тревожные гудки петроградских заводов призывали к оружию всех сознательных граждан, всех идейных борцов за советскую республику, всех защитников завоеваний революции. По зову советской власти к вокзалам начали стекаться отряды бойцов, твердо решивших своей грудью прикрывать столицу. Первым на Варшавский вокзал прибыл 1-й красноармейский полк..., за ним 6-й туккумский полк..., 2-й запасный пулеметный полк..., батарея Михайловского артиллерийского училища..., красногвардейцы заводов «Розенкранц» и «Вулкан»... Все прибывающие немедленно отправлялись в направлении на Псков. Эти части составили ядро псковских отрядов, к которым по мере готовности присоединялись все новые и новые части: красногвардейцы Шлиссельбургско-кронштадтского района, путиловцы, рабочие завода «Речкина».

В исключительно короткий срок сформировался и организованся отряд, небольшой по числу штыков, но сильный духом и сознательной решимостью бойцов, и смело стал на пути германских полчищ.

Первые же удачные для нас столкновения с неприятельскими передовыми частями у селений Черняковицы и Яхново показали немцам, что кончилось их триумфальное шествие и в дальнейшем каждый шаг им придется продвигаться с боем, каждую версту завоевывать кровью. Оппор, неожиданно встреченный немцами со стороны псковских отрядов, заставил их не только приостановить дальнейшее наступление, но после целого ряда стычек и боевых столкновений у селений Черняковицы, Углы, Яхново и др., где нашими отрядами были захвачены пленные, самокаты, оружие и амуниция, а также сбиты два неприятельских аэроплана, обнаглевшие хищники принуждены были оттянуть свои передовые части к Пскову»⁴.

Так молодая Красная Армия на призыв Ленина «Социалистическое отечество в опасности!» ответила мощным ударом по зарвавшимся пол-

¹ «Известия военно-революционного комитета кавказской армии» № 27 от 26 февраля (11 марта) 1918 года.

² «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 25 от 15 (26) февраля 1918 года.

³ Черчилль «Мировой кризис», стр. 51, М. 1932.

⁴ Сборник «Профсоюзы СССР в создании Красной Армии», стр. 50—51. 1939.

чищам немецкого империализма, приостановив их движение на Петроград. «День отпора войскам германского империализма—23 февраля—стал днем рождения молодой Красной Армии»¹.

Кадеты, эсеры и меньшевики со своей стороны развернули активную борьбу против создания Красной Армии. Контрреволюционная агитация против Красной Армии велась в широких масштабах. Из Шенкурска 13 апреля 1918 г. телеграфировали, что «ввиду хорошо развитой меньшевистской агитации организация Красной Армии протекает медленно»². Из Чугуева 13 апреля 1918 г. сообщали, что «организация Красной Армии идет с трудом ввиду контрреволюционной агитации»³. Такие же сведения поступали из Тулы, Архангельска, Ижевска, Саратова, Сре-тенска и многих других городов страны.

Не меньшими были трудности, связанные с обеспечением Красной Армии продовольствием, обмундированием, оружием и боеприпасами. Продовольственное положение страны было исключительно тяжелым. Страна голодала. Голодала и Красная Армия. Отсутствие денег, продуктов, обмундирования и оружия не только тормозило дело организации Красной Армии, но нередко срывало намечавшиеся успехи. Так, со станции Батецкая 19 марта 1918 г. сообщали, что «временно запись в новую армию приостановлена ввиду недостатка съестных продуктов»⁴. 11 апреля 1918 г. из Новгорода телеграфировали: «Красная Армия голодает... Пришлите продукты, иначе придется распустить Красную Армию»⁵. В Мценске 2 мая 1918 г. был расформирован батальон РККА, который нечем было кормить.

Большое значение в обеспечении РККА продовольствием и одеждой имели сборы и пожертвования для бойцов Красной Армии, проводившиеся по инициативе рабочих и трудящихся крестьян в довольно широких размерах. Рабочие и трудящиеся крестьяне считали делом чести обеспечить всем необходимым формируемые отряды Красной Армии. Из Юрьев-Польского 21 апреля 1918 г. сообщали, что «средства, на которые существует Красная Армия,—добровольные пожертвования. Существенную поддержку Красной Армии оказывает деревенское население»⁶. В актах подобного рода сказывался патриотизм рабочих и крестьян, моральное и политическое единство трудящихся тыла с красноармейскими массами на фронте. 3 апреля 1918 г. белгородские крестьяне обратились ко всем крестьянам Советской республики с призывом приступить к сборам в помощь Красной Армии. И, в то время как враги злорадствовали, смеясь над тем, что крестьяне призвали жертвовать лапти и армяки, голодная, разутая, почти безоружная молодая армия социализма, воодушевленная великими идеями большевизма, громила врагов, укрепляла власть советов.

Не лучше обстояло дело и с обеспечением Красной Армии оружием и боеприпасами. Огромные потери оружия и боеприпасов во время мировой империалистической войны истощили склады и арсеналы страны. В результате наступления немцев 18 февраля 1918 г. Советская Россия потеряла огромное количество оружия и боеприпасов. Расхищали оружие и солдаты демобилизуемой старой, царской армии. Сильнейший удар делу обеспечения РККА оружием, амуницией и боеприпасами нанесли враги советского народа, организовавшие целую серию диверсий, выводившие из строя военные заводы, взрывавшие артиллерийские склады и т. д. В телеграмме на имя Ленина со станции Сербиновцы

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 207.

² ЦАКА, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 34, 1918 год.

³ Там же.

⁴ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 16, лл. 7—8, 1918 год.

⁵ ЦАОР, ф. 130, оп. 8, д. 125, ч. 1-я, л. 26, 1918 год.

⁶ ЦАКА, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 43, 1918 год.

23 февраля 1918 г. сообщалось, что на этой станции было покушение взорвать склад¹.

Если на станции Сербиновцы враги только покушались на взрыв артиллерийского склада, то в ряде других мест им удалось осуществить целую серию диверсий: взрыв калужского склада, казанского порохового завода, взрыв тамбовского склада, взрыв на Рязанском вокзале². Из Киева 22 июня 1918 г. сообщили, что на станции Раздельная были взорваны три временных артиллерийских склада³. В Калуге был взорван артиллерийский склад, причем погибли миллионы патронов и сотни тысяч снарядов⁴. Все это привело к тому, что молодая Красная Армия была лишена необходимого ей оружия. Оружие приходилось добывать в бою, громя и разоружая врага.

4. Численность Красной Армии

В литературе, посвященной истории РККА⁵, численность Красной Армии к середине мая 1918 г., т. е. в то время, когда ее комплектование было основано на добровольческом принципе, определяется в 300 тысяч человек. Середина мая 1918 г. вовсе не является датой перехода к новому принципу комплектования Красной Армии — к всеобщей воинской повинности. Как известно, первый призыв трудящихся в РККА (мобилизация) был проведен по постановлению советского правительства от 12 июня 1918 года. Следовательно, именно эта дата может считаться известным рубежом между периодом набора на основе добровольческого принципа и периодом набора на основе воинской повинности.

Нельзя согласиться также с мнением о том, что численность Красной Армии в момент перехода к новому принципу формирования составляла 300 тысяч человек, включая сюда до 35 тысяч красногвардейцев и до 22 тысяч партизан. В рядах Красной Армии к середине марта 1918 г. только по 91 населенному пункту 35 губерний насчитывалось 222 817 добровольцев РККА, не считая существовавшей тогда Красной Гвардии, но с учетом немногочисленных партизанских отрядов. Поэтому цифра 300 тысяч скорее может быть отнесена к численности Красной Армии в середине марта, а не в середине мая 1918 года.

Ни один из историков, приводящих 300 тысяч как цифру численности Красной Армии к концу добровольческого периода, к сожалению, не указывает источника, откуда эта цифра взята. В Центральном архиве Красной Армии хранится «Краткий отчет о деятельности революционного Военного совета республики» (за период с конца 1917 г. по 1919 г.). В этом документе, между прочим, сказано: «К концу 1918 года мы имели армию в составе около 300 000 человек»⁶. Возможно, что именно из этого источника цифра о численности Красной Армии перешла в литературу.

На основе изучения сводок, посылавшихся с мест во Всероссийскую коллегия, нам удалось более точно установить численность Красной Армии по всем 11 военным округам. В результате подсчетов получились следующие итоги. К моменту перехода от добровольческого принципа комплектования Красной Армии ко всеобщей воинской повинности для трудящихся⁷ в Красной Армии насчитывалось 377 927 добровольцев,

¹ ЦАОР, оп. 12, д. 22, ч. 1-я, лл. 34—35, 1918 год.

² ЦАКА, ф. 8, оп. 7, д. 34 (369—732), лл. 60—63, 1918 год.

³ «Красная Армия» № 5 от 14 (27) июня 1918 года. Москва.

⁴ ЦАОР, ф. 130, оп. 8, д. 125, ч. 1-я, л. 127, 1918 год.

⁵ См., например, журнал «Историк-марксист» № 1 за 1938 год, статья Н. Подвойского «От Красной Гвардии к Красной Армии», стр. 31, а также журнал «Большевик» № 4 за 1938 год, статья И. Минца «Как зарождалась Красная Армия», стр. 39.

⁶ ЦАКА, д. 119—228, лл. 30—59.

⁷ Всеобщая воинская повинность начала осуществляться 12 июня 1918 г. в связи с постановлением СНК РСФСР о проведении первой мобилизации трудящихся, но оформлена в законодательном порядке V всероссийским съездом советов в июле 1918 года.

а если прибавить сюда 38 031 красногвардейца и 21 987 партизан и бойцов других революционных отрядов, боровшихся за советскую власть, то общая численность советских войск, которыми располагало советское государство, составляла 437 945 человек¹.

Настоящая цифра основана на подсчете сведений, поступивших во Всероссийскую коллегию из 360 городов и населенных пунктов Советской республики². Но если учесть слабую постановку учета и неналаженность связи центра с далекими окраинами, в результате чего Всероссийская коллегия не располагала цифровыми данными о численности Красной Армии во многих населенных пунктах, то неизбежен вывод, что действительная численность РККА была еще выше. Можно смело утверждать, что к моменту перехода от добровольческого принципа ко всеобщей воинской обязанности вооруженные силы советского государства (Красная Армия, партизаны и Красная Гвардия) превышали 450 тысяч человек.

Формирование Красной Армии шло неодинаковыми темпами во всех военных округах. Впереди всех по численности добровольцев РККА шел Ярославский военный округ, который дал стране (вместе с красногвардейцами и партизанами) 109 192 бойца. Это объясняется тем, что в составе Ярославского военного округа находилась Петроградская губерния, давшая 61 869 добровольцев, причем один лишь рабочий Петроград выделил в Красную Армию 49 554 своих лучших сынов. В стране не было такого города, который мог бы сравняться по численности добровольцев РККА с Петроградом. Рабочие красного Петрограда, первыми поднявшие знамя социалистической революции, грудью стали на защиту своей родины и по призыву партии Ленина—Сталина показали пример героизма, самоотверженности, создав в исключительно короткие сроки мощные боевые единицы Красной Армии.

Вторым шел Московский военный округ, в котором только Московская губерния дала стране 31 077 бойцов (вместе с красногвардейцами и партизанами). Столица Советской республики — красная Москва — выделила 25 616 добровольцев РККА.

Из остальных военных округов следует отметить Северо-Кавказский военный округ. Численность советских войск, размещенных в пределах Северо-Кавказского военного округа, составляла 70 878 бойцов (из них 17 тысяч красногвардейцев). Такое значительное сосредоточение советских войск в этом районе объясняется тем, что в составе СКВО находились районы, в которых, как известно, складывался первый очаг контрреволюционной войны против советского государства (Ставропольская и Черноморская губернии, область Войска Донского, Кубанская, Терская и Дагестанская области).

Значительные силы советской армии были созданы в полосе Урала. Так, Приуральский военный округ располагал 39 067 бойцами (из них 13 977 красногвардейцев и партизан). Такое значительное скопление сил Красной Армии на востоке объясняется тем, что в районе Урала складывался второй очаг контрреволюционной войны против советского государства. Таким образом, в распределении вооруженных сил советского государства отразилась объективная действительность. Там, где угроза антисоветской войны была более реальной, Красная Армия

¹ Сведения о численности РККА составлены на основании следующих фондов: ЦАКА, ф. 2, оп. 1, д. 1, 3 (194—209), 119—228, 234—518. ЦАОР, дела 1918 года — ф. 130, оп. 8, д. 125, ф. 130, оп. 7, д. 58, ф. 1917, оп. 3, д. 52, ф. 2316, оп. 2, д. 4, ф. 2316, оп. 1, д. 43, 60, 72, 73, 80, 82, 85, 87, 88, 98, 149, 150, 151, 152, 194, 195, 200, 202, 205, 230, 54.

² Подсчет сделан к началу июня 1918 года. Следует оговорить, что в информационных сводках Всероссийской коллегии отмечается строительство РККА больше чем в 500 городах и населенных пунктах, но конкретные цифры даны только по указанным 360 городам и населенным пунктам.

возникала значительно быстрее, чем в относительно спокойных районах Советской республики. Красная Армия создавалась в огне гражданской войны и в борьбе с иностранными интервентами.

5. Условия вербовки добровольцев, самообязательства, дисциплина и боеспособность первых формирований РККА

Отбор добровольцев в Красную Армию был весьма строг. Не каждого желающего принимали в отряды Красной Армии. Бойцы РККА рассматривали свою службу как дело чести, как свой революционный долг. Часто сами отряды при приеме добровольцев устанавливали определенные требования, которые каждый вступающий в отряд обязан был принимать безоговорочно, в противном случае ему отказывали в приеме. Эти требования вырабатывались в самих отрядах и являлись законом для членов отряда и для тех, кто в него вступал. Формируя в июне 1918 г. в Тамбове советскую дивизию, тов. Киквидзе выставил следующие условия для добровольца при вступлении:

«Приглашаются добровольцы всех родов оружия в советскую дивизию отрядов Киквидзе... Дисциплина строжайшая. Предлагается записываться только храбрейшим, безукоризненно честным, лучшим сынам России, Великой родины трудового народа. Дивизия должна быть образцом советских войск. Революционеры, в ком еще не заглох огонь революции, Вас мы прежде всего ждем. Требование к солдату: безукоризненная честность, беспрекословное подчинение и повиновение в строю и в бою, выправка, лихость, стройность на учении»¹.

Красноармейцы «Особого полка» (сформированного из бывших солдат 55-го пехотного запасного полка в Петрограде) ставили каждому поступающему в отряд следующие условия: «1) Не роптать; 2) не предъявлять никаких требований и 3) подчиняться всем приказаниям»².

Высокая сознательность, патриотизм и великая любовь к родине — эти замечательные качества бойца Красной Армии получили отражение в своеобразной клятве, которую добровольцы давали при вступлении в отряд. Вот обязательство (клятва), которое давали красноармейцы Петрограда: «Вступая в семью Рабоче-Крестьянской Красной Армии добровольно и сознательно, принимая на себя свою долю тяжелой и святой борьбы угнетенного и обездоленного народа, даю обещание перед братьями по оружию, перед всем трудящимся народом и перед революционной совестью своей — достойно, без измены, без страха и колебаний бороться за великое дело, которому отдали свою жизнь лучшие дети рабочей и крестьянской семьи, за дело победы Советской власти и торжества социализма. Обязуюсь пробыть в рядах РККА не менее 6-ти месяцев и точно, без отступлений исполнять все обязанности красноармейца. Ясно сознаю, что получивший оружие из рук народной власти берет на себя великие обязанности и несет огромную ответственность. Ясно сознаю и твердо помню, что не исполнивший своих обязанностей член РККА карается суровым судом революционной власти и навсегда изгоняется из среды вооруженных защитников рабочей революции»³.

Красноармейцы часто не довольствовались подобного рода торжественными обещаниями и старались придать своему отряду особый характер, присвоив ему особое наименование: в Петрограде были созданы «Железный отряд защиты пролетарской революции», «Особый

¹ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 28, л. 5, 1918 год.

² «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 32 от 23 февраля (8 марта) 1918 г., стр. 3.

³ Там же № 50 от 18 (31) марта 1918 г., стр. 1—2.

отряд Красной Армии»¹; в Самаре был организован «Железнодорожный полк»²; в Уфе был создан из коммунистов «Боевой отряд смерти»³ и т. д. Каждый такой отряд стремился к тому, чтобы отличаться от других отрядов не только своим названием, но и взятыми на себя обязательствами.

Торжественные обещания, даваемые красноармейцами добровольческих отрядов, сплачивали их в одну семью, горящую одним стремлением победить, выковывали высокую сознательность, дисциплину воина революции, готового отдать жизнь за дело социализма.

Товарищ Сталин так объяснял успехи Красной Армии в боях с Красновым под Царицыном: «Успехи нашей армии объясняются прежде всего ее сознательностью и дисциплиной. Солдаты Краснова отличаются поразительной тупостью и невежеством, полной оторванностью от внешнего мира; они не знают, за что воюют; «нам приказали и мы вынуждены драться», говорят они на допросах, попадая в плен. Не то наш красноармеец. Он гордо называет себя солдатом революции, он знает, что воюет не за барыши капиталистов, а за освобождение России, он знает это, и смело идет в бой с открытыми глазами».

Проходимцы, авантюристы и классовые враги почуяли в Красной Армии огромную силу и пробирались в ее отряды, одни — с целью легкой наживы, другие — с целью подрыва ее изнутри. Этому немало способствовали искривления при проведении ленинского декрета в жизнь, которые имели место в отдельных районах страны.

Пользуясь ретозейством и политической беспечностью некоторых военных работников на местах, враг, умело маскируясь, проникал в Красную Армию. Так, 26 апреля 1918 г. в Вязьме петроградским отрядом Красной Армии было разоблачено и расстреляно 7 «красноармейцев»-изменников, оказавшихся бывшими офицерами⁴.

После вступления в Красную Армию враждебные элементы некоторое время, тщательно маскируясь, ничем себя не выявляли, а, наоборот, стремились к тому, чтобы завоевать авторитет храбрых бойцов, но при первой же возможности они показывали свое подлинное лицо. Так было, например, с пресловутыми «армиями» Петрова и Ремнева. «Армия» Петрова при выезде из Москвы на Украину для борьбы с немцами насчитывала в своих рядах 800 человек пехоты, 200 человек кавалерии, одну батарею, 3 броневика и 75 человек коннопрожекторной бригады. В оперативной сводке эта «армия» характеризуется следующим образом: «После отхода от Полтавы, где армия не оказала должного сопротивления немцам и гайдакакам, некоторая часть достигла Воронежа, где была ее база. Части, прибывшие в Воронеж, были совершенно небоеспособны, в особенности броневой дивизион, который, по словам воронежского военного комиссара, в боевых действиях почти не участвовал, отговариваясь неисправностью машин, и всегда находился в тылу, где занимался лишь грабежами, чем восстановил против советской власти все население. Во время беспорядков в Воронеже в ночь с 11 на 12 апреля (1918 года.—С. К.) остатки армии Петрова произвели целый ряд возмутительных поступков не только по отношению к населению, но и по отношению к членам местного исполкома. Сам командующий армией вместо того, чтобы прекратить беспорядки, способствовал их продолжению, освободив арестованных по приказа-

¹ «Рабочая и Крестьянская Армия и Флот» №№ 64, 72 от 5 (18) и 14 (27) апреля 1918 года.

² ЦАОР, ф. 130, оп. 8, ш. 125, ч. 1-я, л. 24, 1918 год.

³ Там же, ф. 1917, оп. 3, л. 52, л. 34, 1918 год.

⁴ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 263, лл. 12—13, 1918 год.

нию исполкома зачинщиков и явившись в Совет для дачи объяснений с вооруженным отрядом»¹. Разумеется, этот бандитский отряд не имел ничего общего с героической Красной Армией.

25 апреля 1918 г. из штаба Брянского района в Высший военный совет пришла телеграмма, в которой указывалось, что необходимо арестовать Ремнева и членов его штаба. Ремнев обвинялся в том, что его отряды не являются революционной армией, а бандой, занимающейся грабежами и погромами. Отряды Ремнева бросили фронт, когда узнали, что Ремнев и его «сподвижники» будут арестованы. Ремневские отряды были разоружены, причем, как сообщалось в сводке, «у многих солдат, арестованных нами, находим при обыске до 100 000 рублей. Крестьянство озлоблено этими бандитскими отрядами»².

В настоящих красноармейских отрядах положение было иное. Красноармейцы, воодушевленные великими идеями коммунизма, сами вводили в отрядах строжайшую дисциплину.

Стремление к дисциплине у бойцов было настолько велико, что всякое нарушение ее преследовалось самым строжайшим образом. Так, когда взводный командир 1-й роты Волынского 5-го номерного батальона Красной Армии пришел в расположение батальона в пьяном виде, это вызвало взрыв негодования. Красноармейцы потребовали обсуждения этого факта на общевзводном собрании. 3 марта 1918 г. состоялось собрание красноармейцев батальона, на которое были приглашены бойцы 1-го партизанского отряда питерских печатников. После долгого обсуждения вопроса красноармейцы и партизаны вынесли следующее решение: «Чтобы впредь все знали, что пьянство, картежная игра, туеядство и прочие пороки, наносящие смертельный удар великому делу спасения завоеваний революции, будут беспощадно искореняться, — взводного отдать в распоряжение революционного суда при 1-м городском районе Совета Р. и С. Д. Каждый уличенный в пьянстве, картежной игре и т. д. будет объявлен «контрреволюционером»³.

В своей борьбе за дисциплину красноармейцы не останавливались и перед более решительными мерами; когда в городе Сычевке красноармейцы уличили в грабеже нескольких человек, затесавшихся в армию, общее собрание отряда 6 июня 1918 г. судило этих людей и вынесло приговор следующего содержания: «Мы, красноармейцы гор. Сычевки, на общем собрании, обсудив вопрос о своих товарищах красноармейцах: Алексее Гарфине, Илье Шматове, Якове Удалове, Михаиле Батенкове и Василии Ефимове, которые отобрали у гражданина сахар и продали, мы, как сыны революции и защитники всех эксплуатируемых, громко и гласно заявляем и постановляем, что нет места вора́м, грабителям и всем прихлебателям в рядах Красной Армии, и накладываем свою революционную карающую руку, вплоть до расстрела»⁴.

Высокая воинская дисциплина, основанная на политической сознательности и преданности делу социалистической революции, — такова одна из характерных черт Красной Армии на протяжении всей ее истории, от момента возникновения и по настоящее время.

Стихийно возникшее стремление бойцов РККА ознаменовать свое вступление в ряды армии социализма торжественной клятвой вскоре было облечено в форму советского закона. 22 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова была утверждена формула торжественного обещания для красноармейца, которую обязан был принять, подписав, каждый боец РККА. Этот документ был

¹ ЦАКА, д. 234—519, л. 22.

² ЦАКА, ф. 2, оп. 2, д. 1 (189—322(у)), л. 1.

³ Газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 33 от 24 февраля (9 марта), 1918 г., стр. 2—3.

⁴ ЦАОР, ф. 2316, оп. 1, д. 195, л. 15, 1918 год.

встречен красноармейскими массами с энтузиазмом. Многие отряды принимали сверх этой присяги дополнительные обязательства.

Строительство Красной Армии шло в ожесточенных боях с армиями внутренней и международной контрреволюции.

12 июня 1918 г. декретом СНК за подписью Ленина был объявлен первый призыв на военную службу рабочих и трудящихся крестьян рождения 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. Симбирской, Саратовской, Самарской, Уфимской и других губерний, всего в 51 уезде района, где оперировал чехословацкий корпус¹. Этот декрет знаменовал переход от добровольческого принципа в строительстве Красной Армии к осуществлению всеобщей воинской повинности для трудящихся советского государства. 10 июля 1918 г. V всероссийский съезд советов закрепил новую систему формирования РККА — на основе всеобщей воинской повинности для трудящихся. Съезд в своем решении сказал: «Приветствуя призыв рабочих двух возрастов в Москве и Петрограде, а также приступ к мобилизации на Волге и на Урале и принимая во внимание стремление мировых хищников снова вовлечь Россию в империалистическую войну, Съезд считает необходимым в самый короткий срок произвести мобилизацию нескольких возрастов рабочих и трудовых крестьян по всей стране... Окруженная со всех сторон врагами, лицом к лицу с контрреволюцией, опирающейся на иноземных наемников, Советская Республика создает крепкую армию, которая охранит рабочую и крестьянскую власть».

Рожденная в боях с полчищами германского империализма, с врагами социалистического государства, Рабоче-Крестьянская Красная Армия — детище великого советского народа, — созданная большевистской партией, окруженная любовью и вниманием рабочих и крестьян, росла и крепла в боях за коммунизм и выкристаллизовалась в великую непобедимую силу.

Сейчас в результате индустриализации страны и побед социализма Красная Армия оснастилась передовой техникой, самолетами, танками и представляет по своей технической оснащенности и боевой выучке лучшую армию в мире.

Красная Армия обладает еще одним качеством, которого нет и не может быть у разбойничьих армий Гитлера. В нашей стране ликвидированы эксплуататорские классы, рабочие, колхозное крестьянство и интеллигенция составляют единую семью трудящихся СССР, страна являет миру невиданное морально-политическое единство всего советского народа. Этим единством пронизано и сознание каждого красноармейца, краснофлотца и командира всей Красной Армии и Красного военного флота. Каждый красноармеец и краснофлотец знают, что они бьются за независимость своей социалистической родины, что за их спиной стоит весь советский народ, и это сознание вливает в них мужество, отвагу, делает их непобедимыми.

Могучая Красная Армия, поддержанная всем 200-миллионным народом и всем передовым, прогрессивным человечеством, сражаясь за Родину, за свободу, уничтожит гитлеровскую чуму в Европе.

В священной отечественной войне советского народа против фашистских извергов Гитлер и его кровавая клика найдут свою могилу!

ЕР_1941_OFO_251

¹ ЦАКА, ф. 2, оп. 4, д. 3 (199—533), л. 231.

ПРОЛЕТАРСКАЯ МОСКВА В ФЕВРАЛЕ 1918 ГОДА

(Всенародный подъем в дни предательского набега германских захватчиков на Советскую Россию)

Б. Волин

Советская страна не раз стояла перед лицом грозных опасностей, не раз коварный германский империалистический зверь нападал на нее.

Советский народ не забыл, как 11 февраля 1918 года германский хищник двинул вероломно свои войска против молодой Советской России, как всей своей вооруженной до зубов кровожадной стаей германские шакалы ринулись на социалистическую землю рабочих и крестьян.

Армия кайзеровской хищнической Германии, использовав подлое предательство троцкистско-бухаринских изменников, напала тогда на безоружную Советскую страну, захватила опромную территорию, ряд городов от Полоцка до Пскова; страшная угроза нависла над революционным Петроградом.

Чего хотели германские империалистические разбойники? Они задались целью уничтожить власть рабочих и крестьян, восстановить царизм, власть помещиков и капиталистов, а свободную, социалистическую страну превратить в свою колонию.

Это был опаснейший период в жизни Советской республики. «...хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию, России...» Это были опасные, жестокие враги. «Разбойники германского империализма... ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов... побили рекорд по зверству своих военных расправ...»¹, — писал Ленин в письме к американским рабочим.

21 февраля 1918 года Совет народных комиссаров выпустил написанное Лениным воззвание «Социалистическое отечество в опасности!» Советское правительство призвало народ и его революционные организации «защищать каждую позицию до последней капли крови».

«Германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве», — говорилось в воззвании.

Советское правительство открыто и мужественно предупредило народ:

«Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является без-

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 179, 180.

заветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии»¹.

Большевистская «Правда» предупреждала трудящиеся массы Советской России о всей глубине опасности, которая нависла над советской страной.

«Немецкие генералы,— писала «Правда»,— организовали ударные батальоны и врасплох, без предупреждения, напали на нашу армию, мирно приступившую к демобилизации.

Но уже сопротивление организуется. Оно растет и будет расти с каждым днем. Все наши силы отдадим на отпор германским белогвардейцам!

Ибо они идут, чтобы вернуть помещикам отобранные крестьянами земли. Они идут, чтоб восстановить хозяйские права и хозяйский произвол на фабриках и заводах. Они идут, чтоб вернуть бывшим помещикам и хозяевам Романовым— трон, земли и миллиарды.

Рабочие, крестьяне, солдаты! На защиту советской республики! Все, немедленно, в ряды Красной армии социализма!»².

Разбойничий набег германских белогвардейцев вызвал огромный революционный подъем. «Отовсюду идут телеграммы,— писал Ленин в «Правде» от 1 марта 1918 года,— о готовности стать на защиту советской власти и сражаться до последнего человека. Иного отношения к своей рабоче-крестьянской власти и нельзя было ожидать»³.

Вслед за Петроградским советом, призвавшим к мобилизации всех сил, на защиту революции и ее завоеваний выступил Московский совет рабочих и солдатских депутатов.

Московский комитет большевиков и Московский совет призывали «всех трудящихся к сплочению вокруг СНК и к самой решительной поддержке его...»⁴.

Московский комитет большевиков постановил: «Все члены партии состоят членами Красной Армии»⁵.

Конференция всех фабрично-заводских комитетов Москвы, собравшаяся специально для обсуждения создавшегося грозного положения, наметила ряд практических мер по мобилизации трудящихся масс Москвы на борьбу с коварным врагом.

Московский совет профессиональных союзов призвал московских рабочих напрячь все силы своих организаций в борьбе против набега германских разбойников. Он со всей решительностью предупреждал, что кровью добытым завоеваниям грозит гибель, что оккупанты готовят разгром пролетарских организаций. «К оружию, сыны революции — дело социализма в опасности! Все в ряды Красной Армии».

Московский пролетариат, поднятый советской властью и партией большевиков на борьбу «против наступающих хищников немцев» (Ленин), на отечественную войну, за социализм, единодушно встал на защиту своей родины.

Среди рабочих Москвы началось боевое патриотическое движение, направленное к увеличению сил и к укреплению недавно рожденной Красной Армии — армии революционного народа.

Ленин не раз отмечал, что металлисты являются авангардом революционного пролетариата. Так было в революцию 1905 года, так было

¹ «Известия ЦИК» № 31 за 1918 год.

² «Правда» № 33 за 1918 год.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 304.

⁴ «Социал-демократ» от 23 февраля 1918 года.

⁵ Партархив МК и МГК ВКП(б).

в период революционного подъема в 1912—1914 годах, так было в февральские и октябрьские дни 1917 года. Московские металлисты на призыв советского правительства ответили мощным подъемом боевого патриотизма и героическими делами.

«Мы, рабочие и служащие завода бывш. Гужон, в количестве 4000 человек,—говорилось в резолюции, принятой 25 февраля,—выслушав ряд ораторов и признавая настоящее положение критическим для рабоче-крестьянской России, постановили: немедленно приступить к организации партизанских отрядов Красной Армии для посылки на фронт. Поручить заводскому комитету немедленно организовать отряд».

Рабочие Московской электрической станции призывали всех трудящихся к сплочению вокруг Совета народных комиссаров, к самой решительной его поддержке и обращались ко всем, «кому дороги завоевания революции, немедленно записываться в Красную Армию».

Рабочие фабрики бывш. Иокиш, горячо приветствуя обращение Совета народных комиссаров, заявили на общем собрании, что будут до последнего бороться против немецких разбойников, что они готовы все, как один, «вступить в ряды Красной Армии». «Умрем в бою с империалистами,—говорилось в резолюции рабочих,—но не отдадим своих завоеваний».

Рабочий народ дружно подымался на борьбу со злобным германским хищником. Орган Московского комитета большевиков — «Социал-демократ» — за один только день 23 февраля 1918 года сообщал:

«Во всех полках митинги. Настроение твердое и решительное. Несмотря на демобилизацию, воинские части формируют отряды, которые непрерывно эшелонами отправляются на фронт.

Кожевники в один день выделили отряд в 500 человек. Сформирован отряд из рабочих Миусского парка. То же происходит и в других районах и заводах.

Формируются также отряды латышских стрелков, польского революционного полка — пехота и кавалерия.

В редакцию «Деревенской правды» явилось несколько человек из деревни с просьбой дать инструкции для организации Красной гвардии. В районах формируются районные штабы».

В Москве в связи с создавшимся положением был образован Чрезвычайный штаб Московского военного округа. Штаб обратился ко всем трудящимся Москвы с призывом к оружию:

«26 февраля 1918 г.

Всем трудящимся! К оружию!

Враг у ворот. Нельзя медлить ни дня, ни часу. Передовые отряды германских захватчиков заняли Псков. Угрожают Петрограду. Петроград мобилизован.

Трудовая Москва! От нас ждут помощи. Мы должны дать эту помощь. Немедленно организуйте отряды социалистической армии. Сегодня же идите в районные штабы Красной Гвардии, идите в полковые комитеты, записывайтесь в добровольческие отряды.

К оружию, трудящиеся!

Завоевания социалистической революции в опасности. Захватчики растопчут ее. Им помогут враги трудящихся в нашей стране.

Нам грозит постыдное рабство.

Рабочие, солдаты, крестьяне! Мы не должны допустить, чтобы трудящихся сделали рабами.

Все к оружию!

Все под знамена социалистической армии!

Чрезвычайный штаб Московского военного округа».

В эти дни во всех районах Москвы стали создаваться чрезвычайные комиссии по охране района. Инициатива организации таких комиссий

принадлежала Рогожскому району. Совет Рогожского района предложил всем районным советам Москвы, «ввиду чрезвычайности обстоятельств переживаемого момента, когда не исключена возможность открытого контрреволюционного выступления», создать подобные комиссии и просить Московский совет образовать общемосковскую чрезвычайную комиссию, куда входили бы и представители от районов.

Революционная инициатива мест проявлялась в разных видах. Районные советы работали не покладая рук, поднимая мобилизационную готовность рабочего населения Москвы на борьбу с германским империалистическим хищником.

Совет рабочих и солдатских депутатов Благушинско-Лефортовского района обратился с большим политическим воззванием к трудящимся своего района.

«Буржуазия,—говорилось в воззвании,—призвала нового союзника — германский империализм — германскую буржуазию, она с восторгом встречает отряды германских белогвардейцев, присоединяется к ним, чтобы разбить народную, советскую власть, чтобы отнять землю у крестьян и отдать ее помещикам, чтобы уничтожить все завоевания рабочего класса, чтобы возродить старую армию с офицерами и генералами в эполетах»¹.

«Хищник и давит и душит и рвет на части Россию»,— писал Ленин и звал на решительную борьбу с разбойничьим нашествием германских варваров.

Московские большевики и московские пролетарии, как и вся Советская Россия, принимали все меры для создания такой подлинно боевой, хорошо организованной, по-новому построенной силы, которая смогла бы дать отпор зарвавшемуся врагу. Этой силой должна была стать создаваемая Лениным и Сталиным Красная Армия.

Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов Москвы и области 27 февраля 1918 года обратился с горячим воззванием:

«Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, организуйте свои силы. Стройте свою Красную Армию!

Германское правительство осадным положением задавило на время рабочее движение, бросило свою белую гвардию на наши деревни и города. К ней присоединились легионы польской шляхты. Под ее покровительством стала Украинская Рада... Эти силы быстро двигаются вперед, они спешат,—пока еще не разразилась революция в Германии, пока на место демобилизованной армии мы не развернули батальоны новой Красной Армии».

На улицах Москвы, на заводах, фабриках и в учреждениях лозунги-воззвания звали трудящихся и их авангард—коммунистов—к овладению военными знаниями:

«Ты можешь обращаться с оружием? Товарищ коммунист, ты умеешь обращаться с оружием? Ты прошел курс обучения? Ты можешь не только зарядить винтовку, но и работать в общем строе: передвижение цепи, выставление застав, устройство окопа,—это тебе хорошо известно? Ты справишься с пулеметом, с ручной бомбой, с минометом? Если нет, то немедленно иди в свой комитет и запишись на обучение. Коммунист должен быть готов во всеоружии защищать дело социализма!»

Товарищи! Грозный час настал. Каждый час дорог. Стройте свои батальоны, записывайтесь в ряды Красной Армии!»².

Ленин учил, что «одного энтузиазма недостаточно для ведения войны с таким противником, как германский империализм. Было бы величайшей наивностью, даже преступлением легкомысленное отношение к данной, настоящей, упорной, кровавой войне»³.

Московский совет профессиональных союзов вместе с правлениями

¹ Партагхив МК и МКГ ВКП(б).

² «Социал-демократ» № 34 за 1918 год.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 304.

всех союзов 27 февраля 1918 года снова обратился к московскому пролетариату с энергичным воззванием, в котором говорилось:

«...Непосредственной задачей дня является немедленное создание революционной Красной Армии и организация важнейших отраслей промышленности. ...необходимо всем членам профессиональных союзов, которые не являются безусловно необходимыми для данного производства вступить в ряды Красной Армии. ...Необходимо ввести строжайшую трудовую дисциплину, ибо только в организации и дисциплине спасение революции»¹.

Мобилизация московских рабочих продолжалась. Ненависть к подлым германским хищникам подымала на борьбу даже наименее организованные и политически еще не достаточно сознательные слои московского пролетариата.

Так, рабочие хлебопекарни № 2, вступившие в ряды Красной Армии, в принятой ими резолюции заявляли:

«Мы всеми имеющимися у нас силами решили дать достойный отпор германскому империализму за посягательство на завоевания Русской Революции»².

Вслед за московским пролетариатом поднялась на борьбу наиболее демократическая, всего более связанная с народом интеллигенция. Поднялось на помощь борющейся против жестоких германских варваров Советской стране московское студенчество и прежде всего авангард его — студенты-большевики.

В воззвании от того же числа «К красному студенчеству» написано:

«Товарищи студенты и студентки!

Бьет последний решительный час!

Социалистическая революция в опасности.

Фракция большевиков шанявцев организует Красный Студенческий Батальон. Тов. студенты и студентки, все, кому дорого социалистическое отечество, стройтесь в непобедимые красные ряды.

Тов. студентки могут пополнять кадры санитаров и сестер милосердия.

*Немедленно становитесь под священные знамена борьбы за социализм!»*³.

В те грозные дни, полные опасностей для молодой Советской республики, еще продолжался саботаж реакционной части интеллигенции, в частности врачей. Но наиболее демократическая часть врачебного персонала — Союз союзов помощников врачей — сломала преступный, антинародный саботаж и обратилась с призывом:

«В настоящее время все фельдшера и фельдшерицы должны вступить в состав медицинских отрядов для обслуживания армий, ведущих борьбу против германского нашествия».

Патриотический подъем охватил рабочую молодежь столицы. Началось формирование особых батальонов молодежи, вливавшихся в состав Красной Армии.

Одно из патриотических воззваний юных пролетариев Москвы о помощи фронту гласило:

«К рабочей молодежи.

Товарищи! Записывайтесь в Красный Батальон Союза Рабочей Молодежи «III Интернационал».

Все на защиту революции!

*Молодежь никогда не изменяла делу рабочего класса. К оружию, юные пролетарии!»*⁴.

¹ «Социал-демократ» № 34 за 1918 год.

² Там же.

³ «Социал-демократ» № 35 за 1918 год.

⁴ Там же.

Революционный подъем в Москве продолжал нарастать с громадной, неудержимой силой.

В своем призыве рабочие завода «Поставщик» от 28 февраля заявляли, что они понимают всю опасность момента и будут до конца защищать революцию. «Мы все встаем на защиту нашей революции».

Чувства преданности московского пролетариата замечательно выражены в выступлении рабочих фабрики Акционерного общества «Волк» и «Ватерпруф»:

«...Германский империализм в единении с русской буржуазией затеяли кровавый поход против пролетариата и его завоеваний...

Власть пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров все время защищала интересы революции и ее шаги были направлены к углублению и расширению русской революции. Поэтому:

1) Мы выражаем им полное доверие и заявляем, что грудью будем защищать нашу революцию от всяких нападений.

2) С этой целью призываем всех рабочих немедленно организовать отряды Красной Армии»¹.

Районы систематически информировали о ходе добровольной записи в Красную Армию. Так, Рогожский районный штаб Красной Армии сообщал о том, что запись добровольцев в Красную Армию протекает успешно. Рабочие Курских железнодорожных мастерских, которые клялись «всем, как одному, испить чашу до дна, но не стать рабами», к концу февраля выделили отряд в 250 человек, отправившийся на фронт.

Патриотический подъем московского пролетариата, устремившегося в Красную Армию для беззаветной борьбы с немецкими оккупантами, дал свои плоды. Велико было количество записавшихся добровольцами на фронт. К концу февраля оно достигло свыше 20 тысяч человек.

25 и 26 марта 1918 года в Москве происходила под председательством М. В. Фрунзе конференция представителей губернских военных отделов Московского военного округа. Там было отмечено: «Москва. Красноармейцев — 11.000 человек на фронт отправлено».

Боевые отряды московского пролетариата, отправившиеся на борьбу против озверелых полчищ германских хищников и влившиеся в ряды Красной Армии, выполняли с честью клятву, которую они давали перед лицом советской Москвы, перед лицом всей Советской России.

18 марта 1918 года на общем собрании Блатушинско-Лефортовского районного совета рабочих и солдатских депутатов один из депутатов докладывал о боевых действиях Лефортовского революционного отряда на западном фронте, в районе Толочина и Коханова. Депутаты с глубоким патриотическим чувством слушали сообщение о том, что их районный «Отряд проявил высокую революционную доблесть в борьбе с немецкими войсками»².

Одновременно с записью добровольцев на фронт шла мобилизация коммунистов для нужд фронта, в помощь Красной Армии. Шла усиленная отправка коммунистов-агитаторов на фронт, в ряды Красной Армии. В одной из справок, выданных Рогожским районным комитетом РСДРП, говорится: «Тов. С. утверждена общим собранием партии, как агитатор на фронт».

На заседании Московского комитета большевиков от 2 марта 1918 года представители районов сообщали о настроениях рабочих в районах. Докладчики отмечали дружную поддержку на предприятиях Москвы большевистских предложений: «Резолюции проходят наши», «В армию записываются совсем пожилые, седые, семейные»³.

Московский комитет, признав момент чрезвычайно серьезным и

¹ «Социал-демократ» № 35 за 1918 год.

² Парпархив МК и МК ВКП(б).

³ Там же.

опасным для революции, предложил президиуму Московского совета привести в полную боевую готовность весь советский аппарат. МК постановил, что активные работники, как и все члены партии, должны поголовно записываться в Красную Армию, что должна быть немедленно введена красногвардейская повинность.

Весь народ Советской России поднялся на борьбу с коварным германским врагом.

И вместе со всеми патриотами молодой Советской России в первых рядах был в те дни передовой московский пролетариат во главе с московскими большевиками.

В следующем, 1919 году на первомайском параде Ленин, подводя итоги истекшему году, говорил, обращаясь к трудящимся Москвы: «В прошлом году 1 мая мы были под угрозой германского империализма. Теперь он сломлен и повергнут в прах»¹.

Решительный отпор, данный немецким кайзеровским захватчикам под Нарвой и Псковом, приостановление наступления германских полчищ на Красный Петроград не охладили германских оккупантов.

Германские хищники, несмотря на заключенный мир, «делали все возможное и невозможное для того, чтобы изолировать, ослабить и погубить Советскую страну»².

При содействии и по просьбе белогвардейской Украинской рады они оторвали от Советской России Украину, ввели в нее свои насильнические войска. Эти грабители и палачи издевались над украинским народом, грабили его, вешали и расстреливали героический народ Украины, вывозили украинское добро: хлеб, скот, металлы, уголь, жиры.

Вольнолюбивый украинский народ при братской помощи и поддержке великого русского народа и других народов Советской России встретил германских разбойников народной, отечественной войной.

«Империалисты Австрии и Германии,— писал товарищ Сталин в своей статье «Украинский узел»,— несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского,— таков смысл нашествия с Запада».

«...Против иноземного ига, идущего с Запада, советская Украина подымает освободительную отечественную войну,— таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит — каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом»³.

Это была подлинная отечественная народная война, война украинского народа, имевшего за собою поддержку всей Советской России, против «обожравшегося империалистического зверя», как назвал товарищ Сталин германских варваров.

Отечественная всенародная война против кровавых кайзеровских псов кончилась победой советского народа над палачами украинского народа. Под неустанными ударами Красной Армии и украинских партизан кайзеровские стервятники бежали, усеяв украинские степи своими трупами.

Германские погромщики, поднявшие против себя ярость всего советского народа, получили по заслугам.

Наш великий советский народ снова ведет священную отечественную войну. Он ведет эту всенародную войну против извергов рода человеческого, против злейшего и коварного врага — германского фа-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 268.

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 217.

³ И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 40.

шизма,— против гитлеровских стервятников, за свою Родину, за свою честь, за свою свободу. Но он ведет эту новую священную войну при совершенно иных условиях.

С тех пор, с февральских дней 1918 года, прошло двадцать три исторических года существования советской власти. За эти годы неузнаваемой стала наша страна и вместе с ней ее красная столица — Москва.

Тогда разоренная, безоружная, Советская Россия теперь стала могущественнейшей социалистической державой, великим Союзом Советских Социалистических Республик. Создана сильнейшая в мире Красная Армия, оснащенная первоклассной техникой, сильная своим патриотизмом, объединенная пламенной любовью к социалистической Родине, глубокой преданностью к советской власти, к партии большевиков, к великому вождю народов — товарищу Сталину.

И эту, овеянную славой, народную Красную Армию думает сокрушить гитлеровский хищник! И этих героических советских людей хочет закабалить германский фашистский варвар!

Этому не бывать!

Теперь еще больше, чем когда бы то ни было раньше, советский народ грозен в своем гневе, силен в своей организованности, велик в своем морально-политическом единстве, непобедим в своей надежнейшей броне — Красной Армии.

Весь советский свободолюбивый народ поднялся на борьбу, «чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом» (Сталин).

Трудящиеся Москвы снова в часы грозной опасности, нависшей над Родиной, поднялись в патриотическом порыве на защиту своей Родины, великого Советского Союза. Огнем беззаветной любви к Родине и смертельной ненависти к фашистским извергам горят сердца советских патриотов.

«Советские люди до последней капли крови будут бороться за родную, свободную советскую землю», — поклялись рабочие Московского автозавода имени Сталина и вместе с ними все трудящиеся Москвы.

В беспредельной материнской любви к Родине и неиссякаемой ненависти к фашистским людоедам работница Трехгорной мануфактуры имени Дзержинского заявила: «Ради отечества мы готовы на все, даже на смерть».

Колхозное крестьянство Московской области, вместе со всем колхозным крестьянством нашей страны, с сердцем, полным гнева и ненависти к гитлеровским убийцам и разорителям, дало великую клятву товарищу Сталину — грудью защищать свою землю.

Героические традиции добровольчества в Красную Армию, священные традиции московского народного ополчения сказались с особой силой у трудящихся Москвы в эти грозные исторические дни.

Ряды могучего народного ополчения растут. В Москве и в районах Московской области формируются батальоны и полки из людей, готовых до последней капли крови защищать каждую пядь Советской земли и разгромить фашистских налетчиков.

Советская Москва, как и вся наша великая Советская держава, полна решимости навсегда сокрушить и уничтожить фашистских стервятников. Силы Советской Москвы, как и всего Советского Союза, неисчислимы.

Москва — великая кузница победы!

РАЗГРОМ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В 1918 г.

Ф. Нотович

Военный баланс 1917 г. казался очень благоприятным для Германии и ее союзников. На восточном фронте Германия захватила Ригу и острова Эзель, Даго, Моон и др. и сделалась почти хозяином в Балтийском море. Австро-Венгрия вернула себе Буковину и полностью всю Галицию. Обе союзницы крепко держали в своих руках обширные территории в России, Румынии и Франции, всю Бельгию, Сербию, Черногорию и Албанию. К их услугам была румынская нефть и хлеб, лес и иное сырье в оккупированных землях.

Россия вышла из империалистической войны революционным путем, и германские империалисты воображали, что революция в России пойдет им на пользу.

Победа австро-германских армий при Капоретто в октябре 1917 г. сделала Италию небоеспособной до самого конца войны. Итальянское поражение ослабило также и англо-французский фронт. Спасая свою союзницу от гибели, Франция и Англия перебросили на итальянский фронт 12 лучших своих дивизий. Англо-французские дивизии остановили продвижение немцев, но эти дивизии остались скованными на итальянском фронте. Итальянская армия без их помощи была не в состоянии удерживать фронт. Это ослабило англо-французскую армию и вынудило ее оставаться пассивной. Перевезенные во Францию войска США еще не закончили своего боевого обучения и не могли быть использованы. Германские подводные лодки все еще топили ежемесячно сотни судов.

Правда, были некоторые зловещие симптомы, которые могли заставить призадуматься более проницательных военных и политических руководителей Германии, чем Гинденбург и Людендорф, державших фактически в своих руках всю военную и политическую власть в Германии. Победа при Капоретто далась австро-германским армиям без больших потерь. Однако они не смогли использовать в полной мере победу над итальянцами до прибытия англо-французской помощи в Италию. Австро-германские армии не обладали необходимой подвижностью из-за недостатка лошадей в артиллерии и обозе. Не хватало кавалерийских масс для преследования врага и для расширения прорыва фронта.

Подводные лодки достигли весьма эффективных успехов, но эти успехи, как оказалось, не имели решающего значения. Жизнь опровергла иллюзии, создаваемые морскими властями Германии в начале 1917 г., будто подводные лодки потопят в пучине морской всех американских солдат. В течение всего 1917 г. и до конца войны германским подводным лодкам не удалось потопить ни одного американского военного транспорта. Американцы беспрепятственно перевозили под охраной военных кораблей свои войска во Францию. Не удалась и голодная блокада Англии. Подводные лодки затруднили, конечно, подвоз в Англию продо-

вольствия и сырья для промышленности, но не прервали его. На чем же базировалась уверенность в победе у союзников и предчувствие проигрыша войны у германских империалистов? Прежде всего на материальном истощении Германии и почти полном исчерпании людских резервов четверного союза, с одной стороны, и постоянном и непрерывном пополнении сил в странах Антанты, с другой стороны.

Германия могла бы победить лишь в молниеносной войне, рассчитанной на короткий срок — 3 — 4 месяца. Вместо молниеносной получилась затяжная война, которая за 3½ года до крайности истощила Германию. Германия и ее союзники не могли долго ждать развязки. Они должны были форсировать победу, не взирая ни на какой риск. Политика германского империализма в связи с этим становится все более авантюристической.

В сентябре 1917 г. в ставке верховного главнокомандующего германской армии происходило совещание, посвященное обсуждению военного, политического и экономического положения страны. В совещании принимали участие Гинденбург, Людендорф, имперский канцлер, военный министр, министр иностранных дел и представители всех важнейших ведомств. Результаты совещания Гинденбург резюмировал в записке от 10 сентября, которая дает ясную картину экономического и материального истощения страны. Совещание констатировало, что положение противников Германии улучшается. В их распоряжении имеются громадные человеческие резервы и неисчерпаемые материальные средства Соединенных штатов Америки. Германии приходится бороться с объединенными армиями союзников и с мировой промышленностью. Трудно указать тот момент, когда подводная война ослабит силы противников, поэтому вероятно, что они попытаются до наступления этого момента одержать решающую победу. Германия может одержать верх лишь в том случае, если она полностью обеспечит: 1) людские пополнения для фронта, 2) бесперебойную работу военной промышленности и 3) выкажет непреодолимую волю добиться победоносного мира¹.

Совещание констатировало, что в устранивающей степени обнаружилась нехватка обученных пополнений для всех родов оружия. Неважно обстояло дело и в военной промышленности. Не хватало большого количества различных важных предметов военного снаряжения. Получался своеобразный заколдованный круг: недостаток солдатских кадров диктовал необходимость отозвания с заводов военнообязанных рабочих, а потребность расширения военной промышленности делала неизбежным отозвание с фронта квалифицированных рабочих. «Германия и Австрия задыхались в тисках войны и продовольственного кризиса. В то время как Англия, Франция и Северная Америка разворачивали все новые и новые резервы, у Германии и Австрии иссякали последние скудные резервы. Дело шло к тому, что истощенные до последней степени Германия и Австрия должны были в ближайшее время потерпеть поражение»².

Однако печальное экономическое и продовольственное положение центральных держав не оказало сдерживающего влияния на германскую политику, в которой «вообще взяла верх после Бреста военная партия»³. Людендорф и Гинденбург, опиравшиеся на крайние элементы финансового капитала и юнкерство, очертя голову бросались в новые авантюры.

Германские империалисты считали себя после заключения брест-литовского договора хозяевами Центральной, Восточной и Юговосточной

¹ «Die Ursachen des Zusammenbruches der Offensive im Jahre 1918». Reihe 4 Bd. II, S. 125—128. Anlage 2. В дальнейшем — «Die Ursachen...».

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 220.

³ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 383.

Европы. Они надеялись получить недостававшее им сырье, продовольствие и лошадей на Украине. Но для этого необходимо было предварительно «уничтожить» большевизм, поработить народы России, в первую очередь русский, украинский и белорусский народы. Крайние элементы германского империализма стояли и после заключения брест-литовского мира... «за немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения советской власти»¹. Но «такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, объятых восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.»². Эти соображения сдерживали до некоторой степени и аппетиты пангерманистов.

Решить все три грандиозные задачи одновременно: покорить Восток, «уничтожить» большевизм и сокрушить Антанту — казалось невозможным даже Людендорфу и Гинденбургу. Тем не менее они были уверены, что смогут добиться поочередного решения этих задач.

Осуществляя свои разбойничьи планы на Востоке, германский империализм держал на Украине и в других захваченных им областях на Востоке больше полумиллиона солдат и не мог перебросить даже временно хотя бы часть этих сил на Запад. Вместо ожидавшегося увеличения ресурсов для ведения войны на Западе авантюра на Украине привела к ослаблению сил германского империализма и быстрому революционизированию германской армии.

Все указанные выше причины побуждали германское командование спешить вырвать «окончательную победу» у союзников, пока немцы еще располагали количественным превосходством войск на Западе и пока войска еще повиновались. Анализ всех известных сейчас документов приводит к выводу, что германское командование, ослепленное «успехами» на Востоке, шло на авантюру и на Западе. «Наступление было продиктовано общим положением. Другого выхода у нас не было»³, — писал эксперт комиссии рейхстага ген. фон Куль.

Более серьезные наблюдатели считали, что Германия не может добиться победы военными средствами, и старались в этом убедить верховное командование, чтобы предотвратить катастрофу. В этом отношении заслуживает большого внимания записка швейцарского военного историка Штегемана: «Мысли о положении Германии» от 16 февраля 1918 г., которую тот прислал канцлеру⁴. Штегеман осторожно советовал отказаться от Бельгии и попытаться заключить мир, ибо «Германия должна считаться с возможностью потерять в пути Австрию и Болгарию, не говоря уже о Турции»⁵. Но все напоминания и призывы, исходившие от умеренных кругов буржуазии, были гласом вопиющего в пустыне. Верховное командование, вдохновляемое ост-эльбскими помещиками, Тиссенами, Стиннесами, Крупнами, банковским капиталом и юнкерством, было занято организацией сокрушительного удара против Антанты, наивно воображая, что оно уже «победило» большевизм.

Такова была обстановка, когда Людендорф во второй половине марта 1918 г. начал серию кровавых битв, которые должны были дать «быстрое решение».

21 марта 1918 г. Людендорф начал наступление между Аррасом и Сен-Кантенем на Амьен с целью прорыва неприятельского фронта, разъединения французской и английской армий и уничтожения их поодиночке. На участке намечавшегося прорыва немцы имели двойное

¹ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 384.

² Там же.

³ «Die Ursachen...» Bd. II, S. 87—89.

⁴ Hausmann Conrad «Schlaglichter». S. 171. Berlin. 1924.

⁵ «Die Ursachen...» Bd. II, S. 96—97.

превосходство сил. Продолжавшаяся до 4 апреля битва причинила союзникам крупные потери, но не дала германскому командованию стратегического успеха. Ценой потери 150 тыс. бойцов немцы значительно продвинулись вперед, захватили много сотен орудий и пулеметов, но не достигли ни одной из поставленных ими целей. Амьен остался в руках французов. Был момент, когда английский главнокомандующий фельдмаршал Хейг хотел оставить Амьен и отступить за Сомму, к портам Ла-Манша, а Петэн дал приказ французской армии отступить на юг. Спасла положение твердость, проявленная ген. Фошем. 4 мая на конференции союзников в Бове Фош был назначен главнокомандующим всеми союзными армиями. Объединение всех сил союзников и установление единого командования имело громадное значение для исхода войны и ускорило победу союзников: «Катастрофа 21 марта, — пишет Ллойд Джордж, — спасла союзников»¹.

9 апреля Людендорф начал второе наступление во Фландрии по обеим сторонам реки Лис с целью прорыва английского фронта и уничтожения английской армии, захвата побережья, надеясь этим принудить Англию к капитуляции. И в этой битве, длившейся до 30 апреля, превосходство сил было на стороне немцев. Но она стоила им 140 тыс. бойцов и также не дала желаемых результатов. Эта неудача не отрезвила германское командование и не убедила его в безнадежности попыток «прорыва» фронта. 27 мая немцы начали третье наступление, на сей раз в направлении на Шато-Тьери и Париж. Сражение разгорелось по всему фронту и продолжалось до 4 июня. И в этом большом наступлении перевес сил все еще был на стороне Германии. Она имела 204 пехотных дивизии против 181 дивизии у союзников. На фронт между Реймсом и Суассоном немцы бросили 45 пехотных дивизий и 4500 орудий против 20 пехотных дивизий и 1500 орудий у французов. Они добились крупного тактического успеха: захватив сильные позиции на плато Шмен-де-Дам, они продвинулись на 60 км вперед, взяли около 60 тыс. пленных и 600 орудий, перешли Марну и вновь очутились там, где они были разбиты 6—9 сентября 1914 года. Петэн решил 4 июня перенести левый фланг союзников на р. Сомму. Это отдавало немцам все побережье Ла-Манша от Дюнкерка до устья Соммы. То, чего не смогли сделать германские войска, — это хотел за них сделать французский главнокомандующий Петэн. Своевременное вмешательство Фоша вторично помешало выполнить малодушное решение Петэна. Потеряв 130 тыс. человек, немцы и на этот раз решающего удара союзным армиям не нанесли. Их стратегическая цель не была ими достигнута.

Верховное командование германской армии даже и после этого сражения было настолько уверено в окончательной победе, что Людендорф стал подсчитывать, сколько ему еще нужно новых дивизий, чтобы добиться желаемых целей на Востоке и Западе. Оказалось, по его расчетам, не так много: нужно было всего еще 200 тыс. человек. Решено было взять 7 дивизий у австрийцев, отозвать некоторые немецкие войсковые части из Турции, набрать добровольцев среди немецких колонистов на... Украине, послать на фронт легкораненых. После проведения в жизнь этих мероприятий, писал Людендорф 30 июня канцлеру Гертлингу, он «закончит победоносно войну в этом году»².

Совсем иначе оценивали военную обстановку другие военачальники. Баварский кронпринц Рупрехт, командовавший армейской группой на западном фронте, считал, что эта битва была «началом конца». Под ее непосредственным впечатлением он писал 1 июня 1918 г. Гертлингу, что германская армия может еще нанести некоторые удары врагу, но «решительной победы над ним одержать не сможет». Рупрехт советовал

¹ Ллойд Джордж «Военные мемуары». Т. V, стр. 244. М. 1938.

² Hertling K. von «Ein Jahr in der Reichskanzlei. Erinnerungen an die Kanzlerschaft meines Vaters», S. 111—112. Berlin. 1939.

канцлеру начать мирные переговоры, пока еще имеются в руках козыри — угроза нового наступления. Однако и этот «прозревший» аннексионист, требовавший раньше присоединения Бельгии и Северо-восточной Франции к Германии, все еще верил, что германский империализм сможет сохранить все свои завоевания на Востоке. Ради их сохранения он, собственно, и соглашался на «уступки» на Западе. «Я так думаю, что мы должны будем удовлетвориться достигнутым на Востоке», — писал он.

15 июля 1918 г. Людендорф начал свое последнее наступление по обеим сторонам Реймса. Французы проделали тот же маневр, что немцы весной 1917 г.: они намеренно отступили, вследствие чего наступательный порыв немцев бесцельно выдохся. Немцам все же удалось продвигнуться несколько вперед и форсировать реку Марну у Дормана на протяжении 20 км. Растерявшийся Петэн приказал приостановить подготовку к намечавшемуся на 18 июля контрнаступлению, намереваясь использовать эти войска для задержки продвижения противника на Эперно.

Но Фош поправил дело тем, что 18 июля на рассвете начал внезапно для немцев контрнаступление из леса Виллер-Коттере между Нуэрон-Венгрэ (4 км севернее р. Эн и Шато-Тьерри на р. Марне) во фланг образовавшемуся германскому выступу. 10-я французская армия ген. Манжена, подкреплённая 250 танками, разбила наголову 7-ю германскую армию кронпринца, после чего начали отступать и соседние германские армии. Подготовленное Людендорфом наступление во Фландрии, которому он придавал решающее значение, так и не состоялось. Все резервы были израсходованы у Реймса. Последняя попытка Людендорфа вырвать победу стоила Германии 160 тыс. бойцов, из них 40 тыс. пленными; кроме того немцы потеряли больше тысячи пушек и 6 тыс. пулеметов.

Наступление Людендорфа и контрнаступление Фоша явились переломным моментом в войне. Истощив все свои силы, германская армия теперь уже была неспособна к наступлению. Ближайшие недели показали, что она стала неспособна даже к длительной обороне.

Однако и в это тяжелое для германского империализма время агрессивно-империалистические круги Германии все еще настаивали на аннексиях на западе и востоке. В поданной Людендорфу полковником Гейтоном записке с изложением основ «политического наступления» имелся пункт о восстановлении Бельгии. Людендорф вычеркнул этот пункт, перед тем как послать записку Гертлингу. Невзирая на неудачи на западном фронте, а может быть, именно по этой причине, верховное командование выработало в начале июня новую программу «восточной политики». Она состояла в завоевании всей европейской части Советской республики и в «уничтожении» большевизма. В записке от 9 июня 1918 г. Людендорф писал Гертлингу, что военные потребности принуждают его перебросить часть дивизий с востока на запад. Оставшихся там войск могло оказаться недостаточно для проведения в жизнь его политики, ввиду этого «нам необходимо искать дальнейших союзников на Востоке». Такими союзниками, по мнению Людендорфа, являлись Финляндия и Украина, которую нужно «оберегать» ради имеющегося там сырья. «В Грузии представляется возможность, так же как и в Финляндии, умножить нашу мощь посредством незначительных военных сил... Если мы получим в Грузии опорный пункт, то следует надеяться, что Кавказ постепенно успокоится, и мы сможем получить оттуда столь нужное нам сырье». Людендорф предлагал использовать для этой цели пребывание в Берлине члена меньшевистского грузинского правительства Чхенкели¹.

¹ Ludendorff E. «Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918», S. 488. Berlin. 1921.

Признание «самостоятельности» меньшевистской Грузии являлось, по мнению Людендорфа, «единственным средством держать жадную Турцию вдали от Грузии». Но, чтобы все же не раздражать своих союзников, Людендорф милостиво предоставлял в распоряжение турок железную дорогу Батум — Тифлис — Джульфа для перевозки турецких войск: их руками он, повидимому, хотел захватить Кавказ. Железная дорога Тифлис — Баку должна была остаться в немецких руках: «Там турки должны нам оставить первенство. Баку также не должен быть выдан туркам». Что Украина, Финляндия, Грузия, Баку, а следовательно, и нефтяные богатства России попадут в руки германского империализма, в этом верховное командование было уверено. Все же оно сознавало, что все эти марионеточные «государства» не в состоянии бороться против Советской республики. Наоборот, для их поддержки требовалось несколько десятков германских дивизий. Поэтому Людендорф считал необходимым связаться с кубанскими и терскими казаками и привлечь их на свою сторону¹. С контрреволюционной верхушкой донского казачества германский империализм уже был связан давно и оказывал ей помощь. Германский империализм накануне своего разгрома попытался приступить к осуществлению этих планов. «От этого советского правительства нам нечего ожидать, — писал Людендорф. — Оно является для нас постоянной опасностью... Поэтому мне кажется все еще уместным сильное и беспощадное выступление против советского правительства».

Для облегчения борьбы с большевиками решено было также связаться с русскими монархическими группами, оказать им соответствующую помощь и добиться того, «чтобы монархическое движение действовало целиком в желательном нам направлении»².

Была ли Германия в военном и в других отношениях в состоянии хотя бы только сопротивляться готовившемуся генеральному натиску союзников? Дисциплина в германской армии, как это видно из официальных документов, начала падать уже в 1917 году. Солдаты с трудом переносили окопную войну. На западном фронте, по свидетельству Людендорфа, появилось «много трусов», т. е. людей, не желавших воевать. Солдаты самовольно отлучались из эшелонов во время перебросок войск с восточного на западный фронт и устраивали «беспорядки» на вокзалах. 5 апреля имели место крупные выступления на станции Берба. По сообщению штаба одной дивизии, в мае 1918 г. из эшелона в 555 нижних чинов и 76 унтер-офицеров самовольно ушли и не вернулись 80 солдат и 3 унтер-офицера. Из окон вагонов солдаты обычно бросали камнями в комендантов станций и кричали: «Бейте его!» Поведение солдат на остановках «походило на бунты». «Из поездов бросали на станцию даже ручные гранаты».

О политическом настроении солдатской массы в июне и июле 1918 г. в материалах следственной комиссии рейхстага говорится следующее: «На вагонах одного эшелона в Лимбурге 13 июня 1918 г. были надписи: «Мы воюем не за честь Германии, мы воюем за миллионеров». Нижние чины, по сообщению коменданта штеттинского вокзала, выставляли из окон вагонов красные флаги с надписями: «Долой войну!», «Да здравствует Франция!». 14 июня 1918 г. заместитель командующего военным округом в Алленштейне доносил: «Большое количество прибывающих из русского плена нижних чинов, а также и унтер-офицеров, благодаря пережитой революции, потеряли всякую дисциплину и принесли с собой столько большевистских идей, что они оказы-

¹ Ludendorff. Op. cit., S. 488.

² Ibidem, S. 489.

вают роковое влияние на своих товарищей»¹. В поданной в июле начальником операционного отдела штаба верховного главнокомандующего полковником Бауэром записке кронпринцу Вильгельму говорится, что в армии наблюдаются весьма «нежелательные» явления: «Это бесспорно можно установить по увеличению числа перебежчиков, усилению шкурничества (Drückebergerei), все учащающихся случаев провинностей против военной дисциплины, из писем с фронта»².

Эти факты, сообщенные лицами, занимавшими высокие посты в ставке верховного главнокомандующего, свидетельствуют о далеко зашедшем разложении германской армии. При этом надо учесть, что германская армия считала себя победительницей. «Победителям,— подчеркивал Бауэр,— как правило, присуще хорошее настроение. Тем серьезнее надо оценивать приведенные явления разложения»³.

Несмотря на нараставший политический кризис в стране, военное командование и слышать не хотело о «компромиссном» мире. Когда в ответ на заявление ген. Сметса, что под победой союзников не следует понимать полный разгром Германии и заключение мира в Берлине, статс-секретарь по иностранным делам фон Кюльман 24 июня заявил в рейхстаге, что «одними военными средствами, без дипломатических переговоров, едва ли можно добиться безусловного конца войны», то Гинденбург и Людендорф добились его отставки, хотя против нее были канцлер Гертлинг и кайзер. На совещании в ставке 1 июля 1918 г. Гертлинг, как школьник, защищался перед генералами и объяснял «неудачное выражение» фон Кюльмана тем, что тот «устал и не имел времени позавтракать», на что Гинденбург ему грубо возразил: «Статс-секретарь должен найти время, чтобы подготовиться к такой важной речи»⁴. На место Кюльмана был назначен фон Гинце. В середине июля фон Гинце поставил Людендорфу вопрос, уверен ли он, что в этом наступлении он решительно и окончательно победит врага. Генерал заявил: «На это я отвечаю определенным «да»⁵. Германское командование не видело и не понимало той опасности, которая с неотвратимой силой надвигалась на германский империализм.

Армии союзников Германии находились в еще худшем состоянии. После неудачного наступления против Италии в июне 1918 г. силы австро-венгерской армии совершенно иссякли. Она еще держала итальянский фронт, но лишь потому, что перед ней был враг особого рода—никуда негодная итальянская армия, которая не решалась наступать. Кроме того австрийцы все еще думали, что германская армия, столько раз выручавшая их из беды, все еще сильна и придет к ним на помощь. Австро-венгерская армия представляла после поражения на Пиаве оборванный и голодный сброд, неспособный ни к наступлению, ни к обороне. Началось массовое дезертирство. Дезертиры образовали целые вооруженные «зеленые отряды», с которыми регулярные войсковые соединения завтрашних дезертиров вели форменную войну, особенно в южных и юговосточных лесных районах.

8 августа Фош начал первое крупное наступление в районе Амьена, т. е. там, где Людендорф хотел в марте уничтожить союзные армии. В первый день битвы между реками Соммой и Авр были полностью разбиты и почти уничтожены 16 германских пехотных дивизий. Война, к которой германский империализм готовился годами, теперь кончилась. Вместо нее началась та страшная война, которой, по словам

¹ «Die Ursachen...» Bd. IV, S. 14, 15.

² Bauer «Der grosse Krieg um Feld und Heimat», S. 222. Tübingen. 1921.

³ Bauer. Op. cit., S. 222.

⁴ Ludendorff. Op. cit., S. 491.

⁵ «Aemtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes 1918», № 2, S. 7. Berlin. 1928. В дальнейшем «Aemtliche Urkunden...»

Ллойд Джорджа, германский империализм не хотел, но которую зато хотели его противники. 8 августа ген. Людендорф назвал «черным днем в истории германской армии». К 25 августа немцы потеряли 100 тысяч пленными и 4 тыс. пушек¹. Исход мировой войны для германского империализма был предрешен. Его армии были еще в состоянии некоторое время сопротивляться, но задержать армии Фоша хотя бы на один день они уже не могли.

После первых крупных поражений немецкие войска стали выходить из повиновения командирам. Дальнейшее затягивание войны грозило революцией. Тогда Людендорф и Гинденбург искали целесообразным добиться дипломатическим путем военной передышки с целью дать отдых утомленным армиям, обучить свежие пополнения, а затем снова начать борьбу. 14 августа состоялось заседание коронного совета² под председательством кайзера. Совет был созван для обсуждения международного внутриполитического и военного положения в связи с поражением на фронте. На совете было вскрыто резкое ухудшение международного положения Германии, падение ее авторитета в нейтральных государствах и у собственных союзников, истощение сырьевых, материальных и людских резервов. «Австро-Венгрия,—докладывал статс-секретарь фон Гинце,—достигла предела своих сил»; Болгария истощила себя и больше ни на что не способна. Людендорф признал, что «нельзя больше надеяться на то, что мы сломим волю наших врагов военными действиями», но он считал все еще возможным постепенно парализовать волю врагов «стратегической обороной». Кронпринц и кайзер согласились с оценкой Людендорфа и Гинце. Гинденбург, наоборот, доказывал, что «удастся закрепиться на французской территории и таким способом, наконец, навязать врагам нашу волю». В связи с этим было решено не «уменьшать» военных целей, принять репрессивные меры по отношению к «крамольным» элементам внутри страны и поручить военным властям «навести порядок», позаботиться о пополнениях для фронта, учитывая, как выразился Вильгельм II, что «в Берлине еще шагаются толпы молодых людей». Коронный совет решил также изыскать подходящий момент, «когда мы сможем прийти к соглашению с врагами». В качестве посредников имелись в виду испанский король или голландская королева. Под «подходящим моментом» подразумевался крупный успех на фронте. Сначала считали, что этот момент наступит «после нашего ближайшего успеха на западном фронте». А когда «наш успех» вылился в новое поражение, то и момент начала переговоров был отодвинут.

В это же время германское правительство получило и другой удар. Прибывшие в ставку на совещание австрийский император Карл и министр иностранных дел Буриан потребовали непосредственного обращения ко всем воюющим державам с предложением приступить к обсуждению условий мира. Немцы настаивали на том, что принятом на коронном совете решении.

Вместе с тем в эту тяжелую для них минуту обе союзницы спорили до хрипоты о том, кого — Габсбурга или Гогенцоллерна — посадить на польский трон. Еще в конце августа Германия требовала при любом разрешении вопроса присоединения польского каменноугольного бассейна, Беловежской луцы и других польских районов в качестве «прусской государственной вотчины»³. В Германии целый месяц тянулись бесплодные переговоры между Берлином и Венной по вопросу о заклю-

¹ Prinz Max von Baden «Erinnerungen und Dokumenten», S. 314. Berlin. 1927.

² В заседании принимали участие Вильгельм II, кронпринц Вильгельм, Гертлинг, Гинце, Гинденбург, Людендорф, ген. Алесан, начальник гражданского кабинета кайзера Берг, начальник военного кабинета Маршал.

³ Ludendorff. Op. cit.

чении мира. Эти переговоры кончились 14 сентября сепаратным предложением Австро-Венгрии начать переговоры о мире¹.

Но и после того, как выяснилось катастрофическое положение Австро-Венгрии, верховное командование германской армии все еще настаивало на полном сохранении своих аннексионистских военных целей. Людендорф заявил статс-секретарю Гинце 21 августа относительно Бельгии, что он «не может согласиться на восстановление *status quo ante bellum*». Когда 24 августа Гертлинг и Лайер приготовили декларацию, в которой было сказано, что Германия откажется после войны от Бельгии, то Людендорф отказался ее одобрить, и она была похоронена².

Между тем разложение германской армии после первых поражений шло все ускоряющимися темпами. В докладной записке полевой почтовой цензуры при 6-й армии от 4 сентября 1918 г., в которой были подведены итоги просмотра 53 781 письма за время от 21 по 31 августа, приведены выдержки из писем солдат и офицеров, которые показывают настроение на фронте.

«Сейчас,— говорится в одном письме,— наше положение хуже чем когда бы то ни было, хуже чем во время битвы на Сомме в 1916 г., когда следовало уже по праву говорить о внутреннем разложении войска. Тогда настроение можно было поднять новыми успехами... Такое настроение, которое имеется сейчас у войска, когда люди рады попасть в плен,— очень часто говорят о перебежчиках,— дольше оставаться не может. Что-то должно случиться, чтобы наших ребят опять направить на правильный путь»³.

«Дальнейшие успехи Германии только удлинит войну, поражение принесет нам желанный мир»,— писали солдаты.

К концу войны солдаты стали разбираться в причинах войны, стали правильно судить о том, за чьи интересы они отдают свою жизнь. В некоторых письмах высказывался такой взгляд: «Кто выражает воинственный образ мыслей, тот заинтересован в войне и получает от нее прибыли и выгоды». Многие солдаты желали потерять левую руку, лишь бы избавиться «от бесполезного смертоубийства». Общее намерение солдат было таково: «Незаметно уйти с фронта, как только можно будет это сделать». Солдаты усиленно обсуждали английские листовки: «За что вы отдаете свою шкуру» и др. — и отвечали позаимствованным из английских же брошюр изречением: «Wir kämpfen nicht für Vaterland, auch nicht für unsere Ehre, wir kämpfen nur als Unterstand für die grossen Millionäre»⁴.

Разложение армии захватило в некоторой степени и офицерский состав. «И у наших офицеров нет никакой охоты (воевать),— отмечали солдаты.— Они этого не должны открыто высказывать, но тут и там они отпускают словечки, которые выдают их»⁵.

Солдаты крайне отрицательно отзывались в письмах о специально издававшихся германскими властями солдатских газетах «Бельгийский курьер», «Лилльская военная газета» и «Кельнская народная газета». Но зато они с жадностью читали все, что попадалось им в руки вопреки бдительности начальства. В последний год войны английский, французский и американский пропагандистские центры буквально засыпали немецкие передовые линии и ближайший тыл листовками, брошюрами и книгами, отпечатанными на тончайшей папиросной бумаге. Революционизирующее действие этих листовок было столь велико, что

¹ Текст австро-венгерской ноты см. там же, стр. 517—520.

² «Die Ursachen...». Bd. III, S. 236.

³ Thimme H. «Weltkrieg ohne Waffen. Anhang, Aktenbeilagen», S. 266—267.

⁴ Ibidem, S. 269.

⁵ Ibidem, S. 271.

в целях борьбы с ними военные власти стали выдавать денежные премии, согласно утвержденной верховным командованием тарифной шкале, за каждый доставленный по начальству экземпляр листовки, прокламации, брошюры и т. д.

В первой половине сентября столь долго ожидавшееся «дипломатическое наступление» было открыто выступлением вице-канцлера фон Пайера в Штутгарте. В это время Германия еще защищала завоевательную программу. Пайер прямо заявил: «На Востоке мы уже имеем мир, и он остается для нас миром, нравится ли это нашим западным врагам или нет». Судьба Бельгии была поставлена в зависимость от целого ряда условий. Германия соглашалась «восстановить» Бельгию только при условии, если союзники возвратят Германии ее колонии, английские войска не останутся в Бельгии, а Бельгия заключит с Германией соглашение о разделе страны на две части: на Валлонию и Фландрию,— отдав Германии почти половину своей территории. Пайер милостиво выразил свое согласие поддержать идею создания Лиги наций, соглашался признать арбитраж в международных делах, но «в обмен» требовал обеспечения «свободы морей»¹. Это была речь победителя, а не побежденного.

Через два дня австро-венгерское правительство обратилось непосредственно к правительствам всех воюющих государств с предложением собраться в нейтральной стране с целью «обсуждения принципов заключения мира»².

Для широкой публики и даже для лидеров политических партий это выступление явилось громом с ясного неба и было воспринято как «начало конца». Сепаратное выступление Австро-Венгрии показало, что дело близится к концу. Доверие к правительству и верховному командованию сразу пошатнулось. 15 сентября армии союзников под командованием ген. Франше д'Эспре начали, как предвидел Людендорф, «маленькое наступление» в Македонии, прорвали болгарский фронт у Доброполя и через 10 дней разгромили болгарскую армию и взяли в плен 11-ю германскую армию, после чего Болгария капитулировала.

Ситуация стремительно изменилась в пользу Антанты, и последняя не имела никаких оснований торопиться с заключением мира. Отвечая Берлину и Вене, Бальфур назвал 16 сентября оба предложения «нечестными»: «Это не попытка договориться о мире, это попытка ослабить наши силы»³. Через день американское правительство отвергло предложение Австро-Венгрии и заявило, что США не желают вступать в переговоры о конференции по вопросам, относительно которых они уже столь ясно определили свою позицию⁴ (имелись в виду известные 14 пунктов Вильсона).

Хотя упадок духа болгарской армии и ее ужасное продовольственное положение давно были известны, однако болгарская катастрофа явилась совершенной неожиданностью для германского и австрийского верховного командования и дипломатии. Находясь в полном заблуждении относительно истинного положения вещей, верховное командование решило 26 сентября послать армию из 5 германских и 3 австрийских дивизий в Болгарию — не столько против армий Антанты, сколько для войны против болгарского народа. До прибытия главных сил генералу Шольцу было приказано стянуть все находившиеся германские войска на Балканском полуострове западнее Софии, на линии София —

¹ «Chronik der Friedensverhandlungen von N. Krauss und G. Röniger», S. 82. Berlin. 1920.

² «Aemtliche Urkunden...», № 5, S. 20—25.

³ Ллойд Джордж Д. «Военные мемуары». Т. VI, стр. 132. М. 1937.

⁴ «Chronik der Friedensverhandlungen...», S. 84.

Пирот. С циничной откровенностью об этом говорится в одном документе: «Официально эти войска должны служить опорой для отступающей болгарской армии, фактически же они должны защищать короля против его правительства»¹.

Это были совершенно напрасные потуги: авантюра не могла быть приведена в исполнение. 29 сентября Болгария подписала полную и безоговорочную капитуляцию, сдавшись на милость победителя. Находящаяся в Македонии германская армия капитулировала 30 сентября. Тем временем на западном фронте союзные армии безостановочно продвигались вперед, забирая пленных, военные материалы и не давая ни одного дня передышки утомленным и дезорганизованным германским войскам.

Процесс разложения германской армии после поражения ускорился не по дням, а по часам. О том, что собой представляла в сентябре — октябре 1918 г. примыкавшая к фронту боевая зона, выразительно говорят документы комиссии рейхстага. Характерен следующий случай. Альпийский корпус прибыл на позиции западнее Несля. Едва появились альпийцы, как солдаты находившихся там ранее дивизий хлынули в большом беспорядке назад. Энергичные попытки альпийцев заставить людей остановиться и вернуться в бой были безуспешны. Солдаты кричали, обращаясь к альпийцам: «Удлинители войны!» («Kriegsverlängerer!»). Немецкий офицер, как сообщается в официальном документе, видя, что два англичанина увели 20 немцев в плен, схватил винтовку и убил одного из англичан, на что из среды немцев раздались возгласы: «Выбейте винтовку из рук этого нахала»².

На западном фронте находились две австрийские дивизии и австрийская тяжелая артиллерия. Германские солдаты встречали их ругательствами и негодующими вопросами: «Зачем вы здесь воюете, зачем вы удлиняете войну?»³. 12 октября 1918 г. начальник станции Лишниц видел надписи на вагонах эшелонов: «Долой войну!», «Убивайте толстопузых!», «Да здравствует революция!». 27 октября 1918 г. один солдат произнес речь перед эшелоном в Острове и провозгласил ура в честь Либкнехта и Гаазе.

25 октября на вагонах одного эшелона нашли надписи: «Долой войну!», «Да здравствует Франция!», «Да здравствуют большевики!» и т. д. В непосредственном тылу бродили сотни и тысячи солдат, которые захватывали поезда, грабили военные склады и дезорганизовывали транспорт. Для восстановления порядка, разгрузки пробок на узловых станциях и упорядочения эвакуации боевых материалов командованию приходилось наряжать офицерские карательные экспедиции, так как на нижних чинов оно уже не могло положиться в таком ответственном деле. Начальник офицерского карательного отряда, читаем мы в материалах комиссии рейхстага, доносил 2 ноября из Намюра, куда отряд был отправлен для наведения порядка, что там солдаты «шлялись» тысячами. «Только незначительное число изъявило согласие возвратиться в свои части. Большинство же состояло из дезертиров, шкурников и грабителей, о которых сообщалось, что они напали на поезд с провиантом и разграбили его, а ружья продали бельгийцам»⁴.

5 ноября прикомандированный к штабу верховного главнокомандующего капитан Лоозе доносил о состоянии армейских групп ген. Гальвица и герцога Альбрехта. «Настроение здесь очень скверное. Войска более небоеспособны. В Меце один полк уже бунтовал. Нельзя больше показывать в кино портретов императора, Гинденбурга и Людендорфа: свищут. При показе портрета Гинденбурга в одном кор-

¹ «Aemtlliche Urkunden...», № 6 und № 7, S. 26—28.

² «Die Ursachen...». Bd. VI, S. 21—22.

³ Bibl. V. «Der Zerfall Oesterreichs». Bd. II, S. 543.

⁴ «Die Ursachen...». Bd. VI, S. 14, 15, 16, 17.

пуще раздался голос: «Тушите огни, беритесь за ножи, принесите две кухонные посудыны для крови» («Licht aus, Messer aus, zwei Kochgeschirre zum Blutfangen»). Одному оркестру, который играл «Германия превыше всех...» («Deutschland, Deutschland über alles»), кричали: «Вон с этими песнями» и т. д. Такое же настроение этот офицер нашел и у войск армейской группы Альбрехта. «Солдаты желают мира во что бы то ни стало», — доносил он.

Таково было положение в прифронтовой полосе в сентябре и октябре 1918 года. На самом фронте солдаты отступали под непосредственным давлением армий Фоша, гибли массами и хотя еще не разбежались, но также были настроены против войны.

В гораздо худшем положении находилась австро-венгерская армия. Офицер связи при армии, действовавшей на Изонцо, доносил в начале октября в главную квартиру: «Верховному командованию известно, что из 15 дивизий армии Изонцо 7 располагают меньше чем одной третью, 3 — больше половины и только 5 дивизий — больше чем двумя третями полагающегося огнестрельного оружия». Болезни уменьшали ежедневно армию на 600—800 человек. В артиллерии не хватало людей для обслуживания пушек.

Армия была раздета и без обуви. «Каждый человек имеет в среднем одну смену белья. Однако бывают случаи, когда эта смена неполная: недостает рубашки или кальсон. Надо только видеть это белье, чтобы получить представление о нищете. В одной рубашке недостает рукава, в другой — нет спинки. Тяжело больные в лазаретах и в дивизионных санитарных учреждениях носят запущенное, рваное белье. Больные малярией должны ждать голыми, пока их лохмотья не будут выстираны и не высохнут. Не может быть и речи о чувстве солдатского достоинства, здесь оскорбляется простое человеческое достоинство»¹. Тот же офицер генерального штаба сообщал: «В фронтовом полку каждому третьему человеку не хватает шинели». Армия голодала.

Солдаты знали и видели во время пребывания в отпуску, как обогащалась и спекулировала буржуазия, как окопавшиеся в тылу маменькины сынки занимались округлением своего капитала.

В Германии и Австро-Венгрии зрела гражданская война. 28 сентября Гинденбург и Людендорф пришли к заключению, что надо кончать проигранную внешнюю войну для того, чтобы попытаться выиграть «внутреннюю войну». В записке от 31 октября Людендорф писал о последних днях сентября месяца: «Я оказался перед фактом, что родина не дала армии достаточно людей и бодрого настроения. Меня охватывало горькое чувство покинутости, чувство одиночества... Родина недостаточно сделала для своей армии...»². Это была, конечно, наглая ложь. «Родину» германский империализм заставлял в течение четырех лет все отдавать фронту. И она отдала все. Больше взять было нечего. Иссякли все материальные ресурсы, люди были перебиты и перекалечены. «Родина» стала прозревать и больше не верила своим палачам. В другом месте он писал: «Наш боевой механизм уже больше не был полноценным. 8 августа показало падение нашей боеспособности, и такое состояние укомплектования лишило меня надежды найти стратегические мероприятия, которые снова укрепили бы положение в нашу пользу... Войну надо было кончать»³.

С конца сентября победное настроение в господствующих кругах сменяется унынием. Растет и крепнет решимость отделаться от западного фронта и быстрым заключением мира сохранить костяк армии для «борьбы с большевизмом», т. е. для удержания русских областей и пора-

¹ Kerchnawe Hugo «Der Zusammenbruch der Oesterr-Ungar. Wehrmacht im Herbst 1918», S. 28.

² «Die Ursachen...» Reihe 4, Bd. 2, Anlage 11, S. 363.

³ Ludendorff E. «Meine Kriegserinnerungen», S. 531.

бощения их народов. А если руководители Антанты будут так глупы и соблазнятся выброшенным белым флагом, то после, поправив дела у себя дома и на Востоке, можно будет еще раз попробовать счастья на Западе. Эта нехитрая «идея» овладела теперь верховным командованием, кайзером, всеми буржуазными партиями, вплоть до руководства социал-демократической партии. Если уж надо будет отдать все захваченное на Западе, то нельзя ли попытаться закрепиться на Востоке? Этой навязчивой «идее» были подчинены все действия и мероприятия правительства и верховного командования.

После 8 августа союзные армии ген. Фоша беспрерывно теснили германские войска и не давали им времени отдохнуть, — собраться с силами для отпора. С 8 августа по 8 сентября союзные армии взяли в плен 150 тыс. немцев, захватили больше 2 тыс. орудий и 13 тыс. пулеметов. Германская армия разлагалась и таяла. Несмотря на все принятые меры, пополнить потери на фронте не удавалось. С апреля по сентябрь численность батальонов уменьшилась с 800 до 540 человек несмотря на расформирование 22 пехотных дивизий и пополнение ими оставшихся дивизий. Количество рот было уменьшено с четырех до трех в батальоне, а количество батальонов в полках уменьшено с трех до двух¹. Военные власти брали для фронта людей, где только можно было: из числа возвращавшихся из Советской России пленных, с железнодорожного транспорта, из авиации, из «окопавшихся» в учреждениях и в многочисленных штабах так называемых «незаменимых». «Но эти элементы, — констатирует Людендорф в записке от 30 октября 1918 г., — были часто не на высоте положения. Войсковые части их брали неохотно. Они не хотели идти в пехоту и там драться»².

Как только Гинденбург и Людендорф пришли к заключению, что войну надо кончить и что другого выхода нет, в Спа состоялось заседание коронного совета, в котором приняли участие фон Гинце и канцлер Гертлинг.

Гинце и помощники статс-секретарей министерства иностранных дел Розенберг, Берген и Штумм наскоро выработали 28 сентября план реорганизации правительства, состоявший в следующем: 1. Немедленная отставка Гертлинга и образование «парламентского» правительства и 2. Обращение к Вильсону с предложением начать переговоры о мире на основе его 14 пунктов³. 29 сентября, в 10 часов утра, в Спа состоялось важное совещание для обсуждения военного и внешнего положения. На этом совещании присутствовали Гинденбург, Людендорф, полк. Гей и фон Гинце. Гинце предложил на выбор два решения: либо диктатуру во главе с диктатором, имя которого обещает победу, или «революцию сверху», включение широких кругов в правительство и переложение на большее количество плеч ответственности за исход войны.

Людендорф высказался против военной диктатуры, так как «победа исключена, а состояние армии требует немедленного заключения перемирия». Оба генерала одобрили «революцию сверху» и предложили обратиться к Вильсону с просьбой о перемирии. Но Гинденбург забыл, что он уже не победитель, а побежденный. Он настаивал на предъявлении Вильсону определенных условий: «Генерал-фельдмаршал поставил условием перемирия аннексию Брие и Лонгви, однако ген. Людендорф полагал, что теперь это уже не ко времени».

Вслед за тем состоялось заседание коронного совета у императора Вильгельма. Доклад Гинденбурга сводился к следующему: «Армия нуждается в немедленном перемирии». Было решено начать «революцию

¹ «Die Ursachen...». Reihe 4, Bd. II, Anlage 11, S. 362 und «Aemtliche Urkunden...», № 28, S. 67.

² Ibidem, S. 363.

³ «Aemtliche Ursachen...», № 12, S. 47.

сверху»¹, т. е. ввести в Германии парламентарный режим. Эта «идея» сейчас же получила одобрение Людендорфа, Гинденбурга и кайзера. Тут же было решено обратиться к Вильсону с просьбой взять в свои руки восстановление мира на основе 14 пунктов, просить немедленно прекратить военные действия и заключить перемирие. Так как было хорошо известно, что Вильсон не станет разговаривать с существующим правительством, то было решено отставить Гертлинга, а пост канцлера предложить принцу Максу Баденскому.

Находясь уже на краю гибели, германский империализм все еще думал о захвате чужих земель. Он все еще надеялся присоединить французскую железную руду к рурскому и саарскому углю. «Это был противник,— говорит Ллойд Джордж,— который даже в своем поражении тянулся еще своими когтями к чужим землям». Военное поражение заставило верховное командование пожертвовать и Гертлингом и Гинце, что означало при создавшихся военных и внутривполитических условиях фактическую потерю политической власти, ибо, по меткому выражению Мюллер-Мейнингена, оба руководителя — внутренней и внешней политики — были рабочими инструментами Людендорфа и Гинденбурга: «Людендорф управляет, Гинце его правая рука, которая бреет (barbiert), Гертлинг его левая рука, которая намазывает»².

Генералы сразу превратились в пылких приверженцев «парламентарного» строя. Они так буйно напирали и торопили с образованием парламентского министерства, что кайзер, которого они достаточно вымуштровали за время войны и научили быстро поворачиваться, не поспевал. Образование нового правительства Макса Баденского требовало длительных переговоров с партийными лидерами. Торг о распределении портфелей между партиями затянулся на несколько дней, а между тем Людендорф телеграфировал 1 октября исполнявшему обязанности канцлера Пайеру, что мирное предложение должно быть немедленно отправлено: «Сегодня войска еще держатся, нельзя предвидеть, что будет завтра». В тот же день Гинденбург телеграфировал, что если Макс Баденский сформирует правительство до 8 часов вечера, то он согласен с отсрочкой отправки мирного предложения до следующего дня; в противном случае он требовал его отправки этой же ночью.

В то время как происходила вся эта суматоха в ставке и в правительственной верхушке, страна ничего не знала и не догадывалась, что война окончательно и бесповоротно проиграна. 2 октября майор фон дер Буше информировал, по поручению верховного командования, партийных лидеров рейхстага о положении на фронте и о причинах предстоящего обращения к Вильсону³. Все, что они узнали, явилось для них полной неожиданностью. Один из присутствовавших на совещании сделал следующие зарисовки словно ошарашенных дубиной депутатов: «Эберт был смертельно бледен и не мог произнести ни одного слова; депутат Штреземан выглядел так, как будто с ним что-то приключилось; один граф Вестарп протестовал против безоговорочного признания 14 пунктов; министр Владов покинул зал со словами: «Теперь осталось только пустить себе пулю в лоб»⁴.

Макс Баденский принял предложение сформировать новое, парламентское правительство с определенным намерением — спасти монархию и воспрепятствовать отправке предложения о перемирии. При всей своей неопытности этот, по словам князя Бюлова, «владельческий дилетант» и «княжеский неврастеник» все же лучше разбирался в политических вопросах чем Гинденбург и Людендорф. Он прекрасно знал, что такое

¹ «Die Ursachen...» Bd. VIII: Niemann A. Revolution, von oben. Umstürz von unten, S. 105—109, Berlin. 1927.

² Hausmann Conrad «Schlaglichter», S. 220.

³ «Aemthliche Urkunden...», № 28, S. 66—68.

⁴ Prinz Max von Baden «Erinnerungen und Dokumente», S. 342. Berlin. 1927

обращение раскроет карты противникам и они потребуют безоговорочной капитуляции, что в действительности и случилось. Принц в течение нескольких дней прилагал все усилия к тому, чтобы сломить натиск генералов¹. Он хотел наметить в своей программной речи в рейхстаге условия мира и предложить их всем воюющим странам на обсуждение, не обращаясь с просьбой о перемирии. Когда он 2 октября вечером заявил на коронном совете: «Я противник предложения», — то кайзер его прервал словами: «Верховное командование считает это необходимым, а ты сюда не за тем пришел, чтобы создавать затруднения верховному командованию»².

В то время престиж Гинденбурга и Людендорфа все еще был высок, их требования выполнялись беспрекословно. Желая спасти монархию, Макс фон Баденский решил подчиниться генералам, но предварительно письменно запросил Гинденбурга, отдает ли он себе отчет в том, что немедленное обращение к Вильсону означает: 1) потерю колоний, 2) потерю Эльзас-Лотарингии и чисто польских областей в восточных провинциях³. Фельдмаршал в тот же день ответил: «Верховное командование настаивает... на немедленном отправлении мирного предложения нашим врагам»⁴.

4 октября 1918 г. была отправлена через швейцарское правительство нота президенту Вильсону, которая заканчивалась следующими словами: «Во избежание дальнейшего пролития крови германское правительство просит о немедленном заключении перемирия на суше, на воде и в воздухе»⁵. В тот же день австро-венгерское правительство обратилось через шведское правительство к Вильсону с такой же просьбой, мотивируя желание перемирия все теми же гуманными соображениями — «положить конец кровопролитию»⁶.

Вильсон в своем ответе от 8 октября заявил, что он понимает германское предложение так: Германия признает безоговорочно 14 пунктов, а также и остальные условия будущего мира, сформулированные им в разных его посланиях к конгрессу. Следовательно, на мирной конференции надо будет лишь договориться о способе проведения в жизнь всех этих условий. Президент Вильсон далее заявил, что он не может передать своим союзникам предложения о перемирии, пока войска центральных держав находятся на их территории. Переговоры о перемирии невозможны до тех пор, пока «войска центральных держав не будут уведены из всех оккупированных областей»⁷. В конце ноты Вильсон спрашивал, от чьего имени говорит Макс фон Баденский, говорит ли он от имени тех властей империи, которые до сих пор вели войну, и прибавил, что ответ на этот вопрос он считает очень важным.

Между 8 и 12 октября происходили совещания нового правительства с Людендорфом и Гинденбургом о том, какой ответ дать Вильсону. 11 октября Гинденбург и Людендорф представили свой проект ответной ноты Вильсону, заключительный пункт которого гласил: «Эвакуация занятых областей бывшей Российской империи, принимая во внимание неуверенность тамошнего положения, невозможна в интересах населения»⁸.

Правительство принца Макса Баденского, однако, не включило это заявление в ноту, которую оно отправило Вильсону 12 октября, приняв все поставленные Америкой требования⁹. Ответ на сей раз не заставил

¹ Ludendorff E. Op. cit., S. 335—345.

² Ibidem, S. 346.

³ «Aemtlliche Urkunden...», № 32, S. 72.

⁴ Ibidem, № 33, S. 73.

⁵ Ibidem, № 34, S. 74.

⁶ Chronik der Friedensverhandlungen», S. 88.

⁷ «Aemtlliche Urkunden...», № 37, S. 85.

⁸ Ibidem, № 38, S. 86—88.

⁹ Ibidem, № 41, S. 96.

себя долго ждать. Вильсон уже добился того, что его условия мира, выраженные в разных посланиях конгрессу, были безоговорочно приняты. 14 октября Лансинг ответил от имени президента, что необходимым условием перемирия является «создание удовлетворительной уверенности и гарантии сохранения современного превосходства армий США и союзников на фронте»¹. Это был удар в сердце германского империализма.

Вся история с немедленным перемирием была затеяна исключительно ради изменения в ближайшее время соотношения сил в пользу Германии. Пангерманская, а позже фашистская историография пыталась и пытается доказать, фальсифицируя факты, что прямодушная «просьба все еще непобежденной Германии о мире и перемирии» была хитростью Вильсона «превращена в безусловную капитуляцию»². Насколько это утверждение не вяжется с фактами, свидетельствуют нота Лансинга от 14 октября и последовавшие после нее совещания в совете министров. Лансинг предупредил, что с Гогенцоллернами и милитаристами союзники разговаривать не будут. «У германского народа имеется выбор. Он может изменить это положение, но пока это не произойдет, не может быть и речи о перемирии»³.

Лишь теперь германская военщина поняла, что перехитрить ей никого не удалось, а сама она попала в руки умного и полного сил врага. Усвоенная фашистами легенда о том, что германская армия «лобедоносно отражала все атаки союзных армий» и даже «победила», но революция вонзила ей нож в спину, после чего она, так и не побежденная якобы на поле брани, должна была сдаться на милость врага, была создана еще осенью 1918 года. Авторами этой легенды были Гинденбург и Людендорф — два генерала, проигравшие войну. Эта легенда была разоблачена 17 октября 1918 г. на заседании правительства министрами Зольфом, Гребером и Шейдеманом.

Нота Лансинга ставила во весь рост очень серьезную проблему, которая показала, что «революция сверху» оказалась бесполезной. Вильсон устами Лансинга говорил: если Германия хочет получить мир, то пусть она прогонит Гогенцоллернов, пусть посадит на цепь прусский милитаризм и обуздает юнкерство. До тех пор, пока он не порвет с навязанным ему прошлым, не может быть и речи о мире. Гинденбургу и Людендорфу нужно было добиться как можно скорее перемирия. Антанта, почувствовав свое превосходство, решила добиться полной — военной и политической — капитуляции Германии. Вильсон требовал полной эвакуации всех территорий, немедленного прекращения подводной войны и свержения Гогенцоллернов еще до начала переговоров о перемирии.

На историческом заседании кабинета министров 17 октября Людендорф, Гофман и Гей нарисовали мрачную картину состояния германской армии. Страна не могла дать необходимых пополнений. Большевицкие идеи охватили солдат в тылу, на фронте и в оккупированных областях на востоке. Генерал Людендорф заявил, что офицеры, сопровождающие солдат на фронт, говорят: они иной раз не знают, кого они сопровождают — германских солдат или русских большевиков⁴. «Это настроение, — продолжал Людендорф, — пришло в армию с родины, и я уверен, что сейчас, наоборот, отпускники приносят с собой домой очень скверное настроение». Людендорф настаивал на том, что «люди со скверным настроением» нам не нужны». Один штаб дивизии ему сообщил: «Они

¹ «Aemtliche Urkunden...», № 48, S. 109.

² Westarp Graf «Konservative Politik im letzten Jahrzehnt des Kaiserreichs». Bd. II.

³ «Aemtliche Urkunden...», № 48, S. 109—110.

⁴ Ibidem, № 57, S. 135.

спять отправили своих людей с востока на запад, их нельзя больше пускать в дело»¹. Других же людей Германия не имела.

Совет министров согласился с Шейдеманом, что можно еще мобилизовать сотни тысяч людей, но изменить их настроение невозможно.

Верховное командование требовало, чтобы были приняты такие условия перемирия, которые позволили бы Германии через 2—3 месяца возобновить войну². Это был исключительный по своей бессовестности шантаж, рассчитанный на дешовый эффект и беспочвенную надежду, что удастся переложить ответственность за поражение и тяжелые условия мира на правительство и народ. Припертый к стенке, Людендорф не мог, конечно, ответить, какими средствами он заставит Вильсона исполнить его волю. В его распоряжении находился лишь довольно шаткий аргумент, высмеянный в свое время Суворовым. «Солдатское счастье,— сказал Людендорф,— является частью войны, может быть, к Германии опять вернется, хотя бы еще один раз, солдатское счастье»³. Он при этом забыл, что «солдатское счастье» бывает лишь у сильных. К тому, кто потерял силу, оно уже не возвращается. Лишь по одному пункту повестки дня было достигнуто трогательное единогласие между правительством Макса Баденского и верховным командованием — по восточному вопросу.

Совет министров, Людендорф и Гофман единодушно доказывали, что находящиеся на востоке войска крайне нужны на западе, но считали, однако, что необходимо сохранить оккупацию территорий на востоке. «Украину,— говорил Людендорф,— необходимо сохранить потому, что она нам, безусловно, нужна в экономическом и военном отношении. Мы не смогли бы вести войну на западе без лошадей с Украины»⁴. Нужен был и украинский хлеб и все то, что там имеется в изобилии. «Восточные провинции» необходимо оставить в руках Германии потому,— говорили представители министерства иностранных дел,— что в результате ухода немецких войск вновь воспламенится большевизм со всеми его последствиями. Исчезнет кристаллизационный пункт умиротворения русской смуты, вся Россия будет тогда отдана большевизму, и наши связи с Южной Россией будут разорваны»⁵.

В результате обсуждения вопросов, поставленных Максом Баденским, пришли к заключению, что сопротивление Антанте безнадежно и невозможно, что во избежание худшего необходимо принять требования Вильсона.

Чувство обреченности нависло над господствующими классами Германии. В эти дни либеральный депутат рейхстага Гекшер писал князю Бюлову: «Прозвонил похоронный звон Германской империи... мы проиграли мировую войну». Говоря о политических настроениях, Гекшер писал: «Кое-где ужасный конец предпочитали все-таки ужасу без конца, может быть, и почувствуют первое время некоторое облегчение». Но «настоящая опасность,— продолжал он,— наступит тогда, когда герои устремятся из окопов на родину в поисках жилища, работы и хлеба. На этот момент все осмотрительные люди уже сейчас должны обратить свое внимание, чтобы предупредить внутреннюю катастрофу»⁶.

20 октября германское правительство отправило третью ноту Вильсону с извещением, что оно принимает безоговорочно все его требования: подводная война прекращена, и все подводные лодки отозваны в отечественные гавани; было дано заверение, что отступающая армия не будет опустошать оставляемые ею местности. Правительство просило президента «создать условия для урегулирования мирного договора»

¹ «Aemtlliche Urkunden...», № 57, S. 136.

² Ibidem, S. 150.

³ Ibidem, S. 129.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem, S. 142.

⁶ Бюлов Бернгард «Воспоминания», стр. 514—515. М. 1935.

и выражало надежду, что он «не одобрит никаких требований, которые были бы несовместимы с честью германского народа и со справедливым миром»¹.

Нотой от 23 октября Лансинг известил германское правительство о том, что ввиду принятия всех предварительных требований США и заявления, что новое правительство просит начать переговоры о перемирии не от имени тех, «которые до сих пор определили германскую политику и которые от имени Германии ведут настоящую войну», а от имени большинства германского народа, президент передаст просьбу о перемирии своим союзникам. Чтобы не было никаких неясностей, в ноте подчеркивалось, что Германия может получить лишь такое перемирие, которое сделает невозможным возобновление военных действий с ее стороны². До тех пор пока действительная власть остается в руках старых властителей, «Германия не может вести переговоры об условиях мира, а должна капитулировать»³, т. е. сдаться на милость победителя. Вильсон заявлял, что юнкерство, милитаристы, кайзер и пруссачество являются препятствием к миру, что до тех пор, пока германский народ сам не устранил их с пути, ему нечего надеяться на снисхождение.

Сомнения Вильсона в искренности германского «парламентского» правительства и в его реальной власти над военщиной оказались правильными. 24 октября Гинденбург без ведома правительства обратился с воззванием к армии, в котором он назвал ноту Вильсона «недостойной Германии». «Вмешательство Вильсона в наши внутренние дела,— писал Гинденбург,— неприемлемо». Оно является «для нас, солдат, призывом к продолжению сопротивления до крайнего напряжения сил»⁴.

Армейский приказ Гинденбурга вызвал открытый конфликт между верховным командованием и правительством. Как только требования Вильсона сделались известными широкой публике, стали раздаваться голоса в пользу отречения от престола Вильгельма II и всей династии Гогенцоллернов. Народные массы и армия стали требовать от правительства занятия четкой позиции по отношению к форме государственного правления. Они требовали немедленного отречения кайзера Вильгельма и объявления республики. Постепенно политическая борьба против монархии была перенесена из министерских приемных и салонов в рабочие массы. А между тем верховное командование решило настаивать на отклонении ноты Вильсона и возвращении себе свободы действий⁵. Оно старалось убедить правительство, что необходимо прервать переговоры, так как «наше войско находится непообежденным на вражеской земле и оно не должно капитулировать». Требуя разрыва, Людендорф и Гинденбург возлагали надежды не на германскую армию, а на... «революцию во Франции»⁶.

26 октября ген. Людендорф получил отставку, а на его место был назначен находившийся в то время на Украине ген. Гренер. Желая предотвратить отпадение Австро-Венгрии и заключение ею сепаратного мира, германское правительство сообщило нотой от 27 октября Вильсону, что власть находится всецело в его руках и что ему «подчинены также и военные власти», а «германское правительство ждет предложений для перемирия, которое откроет собой мир справедливости»⁷.

Таким образом, германский империализм капитулировал еще за две недели до подписания перемирия.

В середине октября была разгромлена англичанами турецкая армия в Сирии, а 30 октября Турция сдалась на милость победителя, а все на-

¹ «Aemtliche Urkunden...», № 64, S. 167.

² Ibidem, № 76, S. 190.

³ Ibidem, S. 192.

⁴ Ibidem, № 76b, S. 196; № 81, S. 204.

⁵ Ibidem, № 79, S. 201.

⁶ Ibidem, № 82, S. 205.

⁷ Ibidem, № 85, S. 210.

ходившиеся в Турции германские войска и весь военно-технический персонал были интернированы.

24 октября началось наступление на итальянском фронте, а 3 ноября австро-венгерское командование подписало в Падуе продиктованные союзниками условия полной капитуляции. Австро-Венгрия — эта многовековая тюрьма десятков народов — была разрушена и перестала существовать.

В начале ноября, после разгрома германской армии, в Германии победила революция. 11 ноября германская делегация подписала в Компьенском лесу продиктованную Фомем полную капитуляцию. По условиям перемирия, германская армия выдала победителям всю боевую авиацию (1700 самолетов), 5000 тяжелых пушек, 25 000 пулеметов, 3000 минометов, весь линейный, крейсерский и подводный флот, все боевые миноносцы и т. д., 5000 паровозов, 150 000 вагонов, 5000 грузовых машин и т. д.

Ценой этих условий «непобедимая», и «непобежденная» в 1918 г., по утверждениям германских фашистов, германская армия купила себе возможность вернуться без оружия домой и избежать пленения. Только этой ценой германские империалисты избавили страну от вторжения победоносных союзных армий и от оккупации Германии.

Таковы исторические факты. Против них не устоят никакие фашистские легенды о «непобедимости» германской армии.

«История показывает, — сказал товарищ Сталин 3 июля 1941 г. по радио, — что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии».

КАННИБАЛЬСКАЯ РАСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В ФАШИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проф. З. Неядлы

В 1933 г. в Германии путем кровавых провокаций и вероломнейшего обмана мелкобуржуазных масс, при непосредственной и обильной финансовой поддержке магнатов крупнейшего капитала дорвался, наконец, к власти гитлеровский фашизм.

Уже первые шаги нового разбойничьего «правительства» ознаменовались таким разнузданным и диким террором, какого еще не знала человеческая история. Некогда культурнейшая страна превратилась в палаческий застеноч средневекowego образца. Геринг, один из самых кровавожадных фашистских людоедов, уже в первые дни пребывания фашистского зверья у власти дал приказ своим штурмовикам: «Убивайте каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я,— поэтому убивайте!»

Послушная гитлеровско-геринговская банда с садистским остервенением выполняла этот приказ в Германии, пока в ней не был установлен такой «новый порядок», перед которым побледили самые мрачные времена инквизиции. Но это была лишь подготовка для осуществления той главной цели, ради которой германский империализм перешел к открытой фашистской диктатуре и к террористическим методам управления страной. Эта главная цель заключалась в том, чтобы установить свою мировую гегемонию и создать фашистский «новый порядок» во всем мире.

Физически уничтожить и истребить целые народы и превратить в германский рабочий скот миллионы людей — такова была задача, которую фашистские людоеды начали выполнять с осатанелым цинизмом и методичностью.

Для облегчения реализации этой задачи и была пущена в ход старая, давно потерявшая какой бы то ни было кредит в науке расовая «теория».

Расовая «теория» Гитлера—Геббельса—Розенберга, приспособившая туманное понятие «расы» к целям германского фашизма, давала необходимую для его кровавых целей «философию». Она создавала некоторое «идеологическое» основание для той каннибальской политики и практики, какую проводил германский фашизм с первых дней своего прихода к власти.

Расистская «теория», положенная германскими фашистами в основу всей их научной и политической спекуляции, знаменует попятное движение, упадок в истории буржуазной науки. Расистская «теория» была много раз разоблачена и опровергнута передовыми представителями буржуазной науки как совершенно антинаучная, выдуманная «теория», бесстыдно унижающая человеческое достоинство, как одна из позорнейших теорий, появившихся в течение веков. В руках германских фашистов эта «теория» преследует одну цель — оправдать кровавые планы Гитлера, несущие

щего войну и порабощение всем другим народам мира. Только этой цели служит утверждение расистов о неравенстве рас, о превосходстве одной из них, северной, нордистской расы над всеми другими.

Научная несостоятельность расистской «теории» была доказана виднейшими буржуазными антропологами с абсолютной точностью. Есть расы — это верно. Природа дала отдельным частям человеческого рода, живущим в различных условиях, в частности в различных климатических поясах, неодинаковый внешний вид; особенно различаются они по цвету кожи. Эти расовые различия расисты увековечивают, фетишизируют. Между тем передовая буржуазная наука признает единство всего человеческого рода: основные признаки человека у всех рас одинаковы, а внешние признаки рас стираются при перемещении людей из одной климатической области в другую, а также при смешении людей различных рас.

Что касается психического различия между отдельными расами, на котором тоже настаивает расистская «теория», то об этом различии прекрасно сказал товарищ Сталин: «Раньше «принято было» думать, что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские»¹.

Но для безграмотных фашистских ефрейторов безразличны выводы антропологии или истории, безразличны выводы передовой науки. Они извлекают из пыли отвергнутую, выброшенную за борт расистскую «теорию» для своих каннибальских целей, они поднимают дикий вой по поводу «расистских различий» внутри белой расы и внутри германского народа. Они и здесь начинают с того, что искажают и вульгаризируют выводы буржуазной антропологии, которая признает и среди европейских народов наличие пяти рас: нордистской, восточной (балтийской), южноевропейской, альпийской и динарской (адриатической), — но вместе с тем утверждает, что ни один европейский народ не является народом одной только расы. У всех народов есть представители этих пяти рас. С этой точки зрения правильней было бы говорить не о расах, а об антропологических типах, которые характеризуют не целые народы, а отдельные лица. Если германские фашисты настаивают на этих расах, то только для того, чтобы поднять крик о превосходстве одной из рас — нордистской, которую они называют «германской расой». Насквозь гнилой, фальшивой доктриной о «чистоте» нордистской расы эти вырожденки стремятся лишь создать почву для агрессии против большинства германского народа, точно так же как своим диким, бессмысленным бредом о превосходстве нордистско-германской расы над всеми другими народами Европы они стремятся создать предлог для агрессии против всех других народов земного шара.

Когда национал-социалисты появились после первой империалистической войны на политической арене Германии, они ухватились за расистскую «теорию» как за средство утешения, залечивания ран немецкой буржуазии после проигранной войны. Буржуазию утешала мысль о том, что

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 178. 11-е изд.

немцы как нордистская раса превосходят другие народы, что они выше всех. Это превосходство, внушали расисты, не могло быть потеряно из-за проигранной войны, потому что оно являлось следствием самой биологической природы немцев.

Расистская «теория», по крайней мере в Германии, отвечала самым низменным инстинктам преимущественно мелкой буржуазии. Она оправдывала ненависть к другим расам, к другим народам и в самой Германии — к передовым отрядам германского народа. Гитлеровская демагогия была больше всего рассчитана на темные инстинкты мелкой буржуазии, привлечь которую для Гитлера было очень важно, когда он шел к власти.

Немецкие нацисты отравили ядовитой расистской доктриной самый темный слой немецкого народа — немецкую мелкую буржуазию. Они вместе с тем сделали эту доктрину и идеологической основой своего империализма, самого кровожадного империализма, который в конце концов стал страшной угрозой для всего мира.

Распространению расистской «теории» немецкие нацисты придавали огромное значение. Они насаждали ее не от случая к случаю, не через отдельных лиц, а через специальные органы, задачей которых было систематически пропагандировать эту «теорию» как немецкую национальную науку, как основной принцип мировоззрения немецких фашистов-нацистов. Первые такие органы были созданы еще до прихода нацистов к власти для агитации среди мелкой буржуазии и связанных с ней слоев интеллигенции. Были основаны прежде всего журналы, а также специальные общества для этой цели. Когда же Гитлер в 1933 г. добрался до власти и вся Германия подпала под иго фашизма, фашисты использовали государственный аппарат для распространения расистской «теории», которая стала официальной наукой всей Германии. Расистские бредни стали преподаваться во всех школах, от начальных до высших, до университетов и академий.

Все немецкие школы были поставлены так, чтобы систематически отравлять немецкую молодежь расистским ядом, чтобы молодежь уже с ранней юности научилась ненавидеть все другие народы и в своем народе тех, кого фашистский режим не признает представителями немецкой нордистской расы. Многочисленные немецкие университеты, прусская академия наук в Берлине и баварская академия в Мюнхене были превращены в гнезда фашистского расизма. Из университетов были изгнаны все настоящие ученые и назначены профессорами фашистские агитаторы. Можно себе представить, чем является «наука» этих «профессоров»!

Германия была известна своими многочисленными и выдающимися научными журналами. Поэтому нацисты, если они хотели играть роль «вождей» народа, принуждены были выступать как «ученые» и в научных журналах. Нацисты или ломались в существующие уже журналы или создавали, особенно после своей победы в 1933 г., свои журналы. Эти последние особенно характерны для уровня фашистской «науки» своей ужасающей безграмотностью, предельной абсурдностью с научной точки зрения преподносимого ими материала.

Классиком немецких фашистов стал основоположник расистской «теории» Гобино несмотря на то, что он француз и, следовательно, представитель «вымирающей расы», по мнению дегенерата Гитлера. «Труды Гобино — основа всей национально-социалистической мысли»¹, — говорит официальная нацистская библиография трудов о расизме. Его труд о неравенстве рас издан в Берлине в немецком переводе в 1935 г. в специальном издании².

¹ «Die Rasse im Schrifttum. Ein Wegweiser durch das rassenkundliche Schrifttum von Dr. Gercke». Berlin. 1934.

² Gobineau A. «Die Ungleichheit der Menschenrassen», S. 755. Berlin. 1935.

Немецкие расисты обзавелись и своими «классиками». Шопенгауэр и Ницше объявлены расистами, причем последний почитается отцом и учителем современных фашистских «философов», вроде пресловутого Розенберга¹.

Даже довоенных «антропосоциологов» фашисты зачислили в свои ряды. Одним из «выдающихся» фашистских «теоретиков» в области расизма стал Л. Шеман. Книга Стоддарда «Культурный переворот, угроза подчеловека» переведена на немецкий язык уже в 1920 году².

С усилением фашизма в среде немецкой буржуазии фашисты развили свою «науку» дальше. Главным политическим авторитетом фашистов стал сначала Шпенглер, а затем Розенберг.

Освальд Шпенглер привлек внимание своей книгой «Закат Европы»³. Буржуазия на Западе считала эту книгу одной из «самых интересных книг новейшего времени», потому что она очень ярко выразила тот глубокий пессимизм, который охватил буржуазию после первой империалистической войны. «Вся Европа, — писал Шпенглер, — осуждена на гибель». В этом крике отчаяния весь смысл философии Шпенглера, изложенной в «Закате Европы».

Шпенглер написал много чисто политических статей и книг⁴, выдержанных в фашистском духе. Он проповедует мистику как единственное средство избежать полного отчаяния. Люди научились мыслить, жалуется Шпенглер, даже и рабочие уже умеют мыслить. Но Ницше сказал: «Рабочих наделили логикой, и они начали бунтовать». Человеческий разум, говорит Шпенглер, — самый опасный враг человечества. Поэтому нужно искоренить всю науку, основанную на логике и аргументах, и надо создать совсем новое мистическое мировоззрение.

Запутавшись сам в этой средневековой кабалистике, Шпенглер прежде всего ищет, кто мог бы спасти старый строй. Масса, по Шпенглеру, конечно, неспособна на такой подвиг: она уже вкорме испорчена. Только «великая личность», «гений», «вождь» может это сделать. При этом у него должно хватить «энергии», чтобы расправиться с «беспорядком» в массах и завоевать для немецких капиталистов то, о чем они мечтают. Шпенглер изобличает слабость веймарских правителей как во внутренней политике, так и во внешней. Вождь, говорит Шпенглер, должен быть прежде всего «великим и сильным хищником». «Вождь» Шпенглера не воспитывается, не растет, он таким и рождается, равно как и его соратники; это просто «высшая» раса среди «низшей» расы — массы. Раса, происхождение, рождение — это самый таинственный, но и самый важный аргумент фашистов.

То, что начал Шпенглер, завершил А. Розенберг. Вероятно, природа избрала его теоретиком «высшей» расы германского фашизма потому, что он происходит из балтийских баронов, т. е., без сомнения, является в глазах фашистов человеком «высшего происхождения». Главный «труд» Розенберга — «Миф XX века»⁵, который он сам именует «основой расистски условной историографии». Этот труд стал в фашистской Германии законом всей исторической науки, так как Розенбергу Гитлер доверил идеологический контроль над всей фашистской наукой. Очень распространены в фашистской Германии и другие его

¹ Giese (Nietzsche. Tübingen. 1934) заявляет, что «без предварительной работы Ницше немислим и национал-социализм» (см. сборник «Против фашизма», стр. 225. 1936 г.).

² Stoddart L. «Der Kulturumsturz. Die Drohung des Untermenschen». München. 1920.

³ Spengler O. «Der Untergang des Abendlandes». 1924.

⁴ Spengler O. «Politische Schriften». München. 1933; «Der Mensch und die Technik». München. 1928; «Jahre der Entscheidung». München. 1933.

⁵ Rosenberg A. «Der Mythos des XX Jahrhunderts». München, 1931.

книги. Кроме того Розенберг стал главным редактором «Völkischer Beobachter».

Вся «наука» Розенберга заключается в двух положениях. Основной всего, как и у Ницше и Шпенглера, у него является мистика. Старый миф, говорит он, уже потерял свое значение, никто уже в него не верит. Но миф нужен для массы, без мифа она не может жить. Поэтому надо создать новый миф, и это расистский миф — миф крови. Только он способен стать мифом XX века. Миф крови — это биологический, зоологический миф, и Розенберг трактует его как средство для возбуждения самого элементарного, зоологического фанатизма. Миф германской крови — это самая беспощадная агрессия германского фашизма против всех других народов.

Второй людоедский принцип Розенберга — его так называемый активизм. Миф должен быть действенным, и вера в судьбу германского народа должна быть не пассивной, а активной. Лозунгом этой «теории» является у Розенберга «я хочу». Немецкие фашисты хотят — и это их расовая привилегия. Не надо, чтобы они оправдывали какую-нибудь агрессию, которую они предпримут, они хотят — этого достаточно. Таковы «выводы» расистской «теории» Розенберга!

Но Розенберг превзошел самого себя своей антисемитской теорией, которую товарищ Сталин назвал теорией «расового шовинизма» самого грубого типа. Розенберг характеризует евреев как «материалистическую» расу в противоположность «идеалистической» германской расе. Все «материалистические» движения, в том числе прежде всего рабочее движение, которое барон Розенберг больше всего ненавидит, — не что иное, как изобретение евреев-материалистов. Вывод из его «теории» может быть только один: нужно искоренить еврейскую расу как самого злостного врага чистой, прекрасной, идеалистической германской расы.

Шпенглер и Розенберг сыграли большую роль в развитии фашистской расистской «теории». Но Шпенглер был больше писателем, чем теоретиком. Розенберг считается больше агитатором, чем чистым «ученым». Был еще третий теоретик расистской «теории» — Меллер ван ден Брук, автор двух книг: «Раса крови и раса духа» (1915) и «Право молодых народов» (1918)¹. Меллер посвятил всю свою деятельность устройству тюрем в «третьей империи». Таким образом, расистская теория ждала еще своего «научного» исследователя — и дождалась. Им стал Ганс Гюнтер, который «отличился» своей книгой «Расистская наука немецкого народа» (1922)², в которой он изложил преимущества нордистской расы, провозглашенные Гобино и Чемберленом. Его книги распространялись с большой помпой как «научные» работы. Еще до прихода Гитлера к власти, в 1930 г., Гюнтер был назначен профессором философии Иенского университета и, таким образом, явился официальным представителем расистской «науки» в фашистской Германии.

Основа «науки» Гюнтера — та же кабалистика, что и у других фашистов. И у него раса — явление чисто биологическое, зоологическое и тем самым и мистическое. Большинство людей не знает, к какой расе они принадлежат, потому что они не знают своей генеалогии, своего зоологического прошлого. Раса в этом смысле — фатум, таинственная сила, владеющая человеком, на которую он не имеет никакого влияния. Это тайна природы, человеческого происхождения и рождения. На этой мистике основывает Гюнтер свою «науку».

Чтобы придать себе вид настоящего ученого, он не принимает вульгарной классификации других расистов, деления всех людей на арийцев и евреев. Он устанавливает свою классификацию, деление

¹ Moeller van den Bruck A. «Die Rasse des Blutes und die Rasse des Geistes», 1915; «Das Recht der jungen Völker». 1918.

² Günther H. «Rassenkunde des deutschen Volkes». 1922.

людей на следующие расы: нордистскую, западную, южную и восточную. Таким образом, он опрощает антропологические типы, установленные буржуазной наукой для европейского населения (нордистская, динарская, балтийская и другие расы).

Гюнтер устанавливает свою, упрощенную классификацию, чтобы по примеру Гобино выдвинуть превосходство нордистской расы, которой он без малейшего стеснения приписывает всевозможные совершенства. «Основными свойствами северного человека, — вещает Гюнтер, — являются способность к суждению, правдивость, активность. Он владеет собой и потому противостоит чуждому влиянию. Для него характерно чувство реальности, которое в соединении с активностью, могущей подняться до отваги, толкает его на обширные предприятия. Он всегда склонен к рассудительности, молчаливости, постоянству, спокойствию в суждениях. В нем сильно развито чувство долга. Он требователен по отношению к самому себе и к окружающим. Данное им слово нерушимо».

Так же произвольно характеризует Гюнтер и другие расы, с той только разницей, что если свойства нордистской расы превосходны, то свойства других рас, наоборот, отрицательны. По Гюнтеру, особые качества северного человека ярче всего должны проявляться у немецких фашистов. Образцом, видимо, может служить Гитлер. Всем известны «молчаливость» Гитлера, который страдает недержанием речи, «постоянство» Гитлера, который мечется от одной авантюры к другой; «нерушимость» слова, данного Гитлером, который взял за правило бесстыдно нарушать все подписанные им соглашения, все принятые на себя международные обязательства!

Но у Гюнтера есть другой тезис, который должен прикрыть и смягчить явную несообразность первого. Оказывается, что в германском народе нордистской расы (высокий рост, светлые глаза и волосы) только 45%. Следовательно, самых выдающихся немцев нельзя было зачислить в нордистскую расу. Ни Бисмарк, ни Гинденбург, обожаемых немецкой мелкой буржуазией, нельзя зачислить в нордистскую расу: они были низкого роста и толсты. Не только Розенберг и Геббельс — ненордистские типы (наоборот, у Геббельса очевидный «семитский» тип, так же как у Розенберга его фамилия), но и Гитлер — совсем ненордистский немец. Поэтому Гюнтер вынужден был признать еще одну превосходную расу, которую он называет «фальской расой». Главная цель фашистов и здесь — найти большинство превосходящей расы в немецком народе, поэтому фальской расы Гюнтер насчитал 50%, «доказав» таким образом, что вместе с нордистской расой эти две расы составляют половину немецкого народа. Насколько же низок и невзыскателен уровень научных знаний фашистов, если они могут удовлетвориться такого рода «наукой».

Но самое главное «научное» изобретение Гюнтера направлено к тому, чтобы предупредить опасное для фашизма соединение передового промышленного пролетариата с крестьянством, показав, что каждый из этих классов имеет совсем особую, отличную расовую основу. Крестьяне и рабочие — это не два класса: это просто две расы. Понятно, что фашист Гюнтер предпочитает крестьянскую «расу» рабочей «расе». В крестьянах фашисты надеялись найти больше отсталости и больше готовности служить фашистским господам, чем в рабочих. На этом и основана расистская «теория» социальных классов у Гюнтера.

Крестьянство, говорит Гюнтер, — более чистая раса, чем рабочие, благодаря своей большей консервативности, особенно благодаря своей привязанности к земле. Поэтому крестьянство должно стать основой немецкой «высшей» расы. Новое дворянство и вожди и вообще весь расовый цвет должны выйти из крестьянства и быть привязаны к земле.

Гюнтер дополняет расистский лозунг «крови» лозунгом «земли» и соединяет их в единый с этого времени расистский лозунг «Кровь и земля» («Blut und Boden»). На этой почве основана вся аграрная политика немецких фашистов, политика создания многочисленных кулацких крестьянских усадеб и вытеснения средних и тем более карликовых хозяйств для того, чтобы препятствовать росту аграрного пролетариата. Это основа известного закона от 16 мая 1933 г., одного из самых первых фашистских законов в Германии, которым они стремились обеспечить сохранность крупных усадеб.

Рабочие, напротив, утверждает Гюнтер, — самая нечистая раса, которая только угрожает качеству нордистской расы. Поэтому городской рабочий — не полноценный человек, это «подчеловек», и его обязанность состоит в том, чтобы исполнять такие работы, которые недостойны высшего, свободного человека, в первую очередь работу на промышленных предприятиях. Рабовладельческие планы фашистов переплетаются у Гюнтера с завоевательными планами. Так как человек «низшей» расы, рассуждает этот рабовладелец, нужен «высшей», нордистской расе для черной работы, то придется иногда и завоевывать таких людей не для того, чтобы включать их в собственный народ — это значило бы испортить народ, — а для того, чтобы сделать из них рабов. Это был бы шаг к учреждению рабства и в собственном народе, пока в нем существуют элементы «низшей» расы. Так бесстыдно пропагандирует Гюнтер возобновление рабства. Фашистский «Закон о работе» от 12 января 1934 г. имеет действительно этот характер. Рабочие на заводах совершенно подчинены предпринимателю под видом того, что он их вождь. И ныне сотни тысяч, миллионы иностранных поработанных рабочих принуждены работать для «высшей» расы немецких оккупантов.

Гюнтер, этот сумасшедший преступник, потребовал — и фашистское немецкое государство выполнило его требование — «охраны чистоты расы» против ее загрязнения другими расами. «Законом по охране немецкой крови и немецкой чести» от 15 сентября 1935 г. установлен контроль за половыми связями немецких граждан. Известные фашистские «семейные книги», свидетельствующие о «чистоте» отдельных семей, являются гнусным изобретением Гюнтера.

Политический режим в фашистском государстве должен служить расе и только ей. Римское формальное понятие права в государстве с расовым режимом несовместимо, так же как и религия, пока она универсальна и проповедует равенство людей. Допустима только расовая германская религия.

Школе Гюнтер придает большое значение для внедрения в сознание новых поколений расистских бредовых идей. Суть школьной политики Гюнтера в том, что он и здесь низводит пролетариат до уровня раба. Пролетариат должен получить только специальное обучение, т. е. знать только то, что ему нужно для работы, и отнюдь не общее образование, которое учит мыслить. Поэтому средние школы должны быть расположены в деревнях, а не в городах, чтобы сделать их недоступными для городского пролетариата.

Бредовая человеконенавистническая «наука» Гюнтера нашла среди германских фашистов не только последователей, но и продолжателей, которые разрабатывали отдельные вопросы этой «науки». Главными представителями самой новой немецкой фашистской расистской «науки» являются Э. Бауэр, Е. Фишер и Ф. Ленц, которые выступили в двухтомнике «Наука о человеческой наследственности и расовая гигиена». Здесь в первом томе Бауэр и Фишер изложили науку о наследственности с точки зрения расизма; второй том, написанный Ленцем, профессором

биологии в Берлинском университете, озаглавлен «Человеческий отбор и расовая гигиена»¹. Здесь с ужасающим бесстыдством искажены выводы науки о наследственности и дарвиновская теория естественного отбора. Ленц, основываясь на статистических данных платных и бесплатных школ, доказывает, что дети зажиточного класса лучше, чем пролетарские дети, и объясняет это не социальными, а расовыми причинами. Зажиточные семьи — это «лучшая» раса, а пролетарские — «низшая». «Вследствие такой душевной конституции, которая не может быть решительным образом изменена путем воспитания, — заявляет цинично Ленц, — люди с таким предрасположением постоянно становятся объектом эксплуатации».

Бауэр в своих статьях о «Закате культурных народов с точки зрения биологии»² требует установить общую «охрану» расы. Конкретно охрана должна сводиться к стерилизации слабых и к полицейским мероприятиям против переселений. Фишер то же самое преподает в Берлинском университете, где он состоит профессором антропологии³. Ленц, который сначала больше всего вдохновлялся Шпенглером⁴, позже посвятил себя целиком полицейской деятельности расистов. Написав сочинение «О расе как принципе стоимости»⁵, Ленц издал затем книгу «Врач и его миссия»⁶, где он прямо призывает врачей совершать жестокости, каких требует расистская «теория». Такова научная деятельность этих трех расистских «ученых».

Если такова «наука» главных фашистских ученых, то можно себе представить, каким смрадом несет от прочей популярной расистской литературы! Л. Клаус в своей иллюстрированной книге «Нордистская душа»⁷, согласно рецензии «Deutsche Zeitung», изучает «нордистскую душу во всех районах (!) страсти, в чистой отдаленности стыда, в признании любви, в дуэли мечей, в молчании речи (!), в шутке и остроумии». Это дикое исследование является попыткой украсить расистские зверства, чтобы обмануть немецкую мелкую буржуазию.

В большом количестве производится и открыто вульгарная расистская литература. «Кровь — это совсем особый сок» — так озаглавлена многообещающая брошюра К. Фридриха⁸. Особенно расширилась под прикрытием борьбы за расовую «чистоту» специальная расистская порнография. Гервич Гартнер издал большую книгу — «Эротика и раса»⁹, разумеется, с иллюстрациями, где он подробно излагает эту «увлекательную» тему. И руководство национал-социалистской партии считает эту книгу «научным» расистским достижением.

Фашистский «философ» А. Боймлер, профессор «политической педагогики» в Берлинском университете, последователь Ницше, проповедует лишь грубую физическую силу. Война, говорит этот основатель фашистской «педагогики», — прекрасное явление, это «героический союз мужей»,

¹ Bauer E., Fischer E., Lenz F. «Menschliche Erblichkeitslehre und Rassenhygiene». Bd. I. «Menschliche Erblichkeitslehre». 1927. Bd. II. «Menschliche Auslese und Rassenhygiene (Eugenik)». 1931.

² Bauer E. «Der Untergang der Kulturvölker im Lichte der Biologie. Deutschlands Erneuerung». 1922.

³ Fischer E. «Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und der Rassenhygiene». 1933. Уже раньше Фишер стал известен своим трудом «Die... bothers, Bastards und das Bastardierungsproblem beim Menschen». 1917.

⁴ Lenz F. «Osw. Spenglers Untergang des Abendlandes im Lichte der Rassenbiologie». Archiv für Rasse- und Gesellschaftsbiologie, XVII, 1925.

⁵ Lenz F. «Die Rasse als Wertprinzip. Zur Erneuerung der Ethik». München. 1933.

⁶ Lenz F. «Der Arzt und seine Sendung». München. 1934.

⁷ Clauss L. «Die nordische Seele». 1933.

⁸ Friedrich K. «Blut ist eine ganz besonderer Saft». Berlin. 1922.

⁹ Hartner H. «Erotik und Rasse». 1925.

а «мужи» вообще так увлекают Боймлера, что он в противоречии между мужским и женским полом видит самую главную основу всего исторического процесса¹.

Другой фашистский бандит, Г. Шварц, пишет, что только с 30 января 1933 г. (в этот день Гитлер стал рейхсканцлером) стало возможно заниматься «очищением германской крови от неарийских примесей» и тем самым и «очищением истории германской философии от плевел и мусора»².

Наконец, среди всей этой банды фашистских мракобесов нужно отметить еще одну колоритную фигуру — это бывшего идеолога II интернационала и одного из научных авторитетов немецких социал-демократов — В. Зомбарта. Он не единственный, кто из социал-демократического лагеря перешел прямо в фашистский лагерь. Ф. Шульц тоже бешено ругал марксистов за то, что у них нет понимания героизма немецкой войны и силы немецкого империализма³. Но Зомбарт — особенно отталкивающая фигура. Он все свои усилия направил на идеологическое оправдание фашистской диктатуры⁴. Тем не менее фашисты не считают его своим человеком, и Зомбарт остался только отвратительной фигурой отступника.

Часто полагают, что главным теоретиком немецкого фашизма является Гитлер, основываясь, вероятно, на том, что все фашистские писатели цитируют «Mein Kampf» как основу и источник всех фашистских мыслей. Но Гитлер — это глубоко невежественная, патологическая личность, это просто преступный демагог и ничего больше. Веру он ценит выше разума и особенно настаивает на этом «принципе» в отношении масс. «Восприимчивость массы очень ограничена, круг понимания очень узок», — говорит Гитлер, чтобы оправдать свою точку зрения. Поэтому задачей политической пропаганды является не научить массу, а, наоборот, заставить ее верить и только верить. Основная задача, по Гитлеру, — обманывать массы. Если правда к выгоде противника, утверждает Гитлер, пропаганда должна скрыть ее перед массами. Истине надо «зажать рот», писал Ницше в своих афоризмах. И кровожадный шарлатан Гитлер этот «принцип» осуществляет не только с помощью фашистской «теории», но и через гестапо и другие палаческие организации.

Расистская «теория» нужна Гитлеру тоже только как средство обмана. Она нужна ему для того, чтобы направить массы на мнимого врага, чтобы отвлечь их от борьбы против своего настоящего врага. Его расизм — это вульгарный антисемитизм без всякого теоретического основания. Он знает только арийцев и евреев. Нордистская раса его не слишком интересует, потому что он австриец, в жилах которого течет кровь какой-то моравской славянки. Гитлер в противоречии с расизмом выдвигает себя как вождя несмотря на расу, из которой он вышел. Он «гений», он «Колумб», он «провидение», он «посланник бога», который борется за «дело божье». Евреи для него — тоже совершенно нерасистское понятие. Евреи — это не только семиты, а все марксисты, либералы, вообще все его противники.

Но главное, чем Гитлер совершенно «испортил» расистскую «теорию» Гюнтера и других, — это его национализм. Соединение всех нем-

¹ Bäumler A. «Nietzsche der Philosoph und Politiker». 1931.

² Schwarz H. «Christentum, Nationalsozialismus und deutsche Glaubensbewegung». 1934; «Nationalsozialistische Weltanschauung». 1933.

³ Schulz F. «Untergang des Marxismus». Stuttgart. 1933.

⁴ Sombart W. «Deutsches Sozialismus». 1933.

цев мира в одну «третью империю» — это один из существенных его политических лозунгов. Но этот лозунг вкоре противоречит науке о «чистой» расе. Уже австрийские немцы, чехословацкие немцы — не «чистая» раса, так как ни один из этих народов не чисто германского происхождения, не говоря уже о нордистском происхождении.

Так же небрежно относятся к расовой «теории» и другие политические деятели. Геринг вообще ею не интересуется. Он только один раз сказал несколько слов о расах на заседании рейхстага в 1935 г., но и это было больше заявлением солдата, чем что-нибудь другое: «Расы создал бог. Он не хотел создавать ничего равного»¹. Третий «лидер», Геббельс, написал брошюру «Расистский вопрос и мировая пропаганда»², в которой он «доказывает» необходимость своей персоны для фашистского режима и утверждает, что «сырая масса» нуждается всегда в руководстве «творческой индивидуальной личности».

Единственным «теоретиком», если вообще можно пользоваться у фашистов этим словом, является среди фашистских практиков Р. Дарре. Дарре был совсем неизвестный человек, когда он в конце 1928 г. издал книгу «Крестьянство как жизненный источник нордистской расы»³. Здесь он прежде всего исторически доказывает, что индоевропейцы были не номады и пастухи, а земледельцы, которые всю свою силу народную («völkisch») и расовую черпали из земли. Но так должно быть и теперь, доказывает Дарре, следуя известным нам уже выводам Гюнтера, и сегодня основой германской расы должно быть сильное крестьянство. Только оно спасет народ от урбанизации (Verstädterung) и от пролетаризации, которые привели к гибели Спарту и Рим.

В другой своей бредовой работе, «Новое дворянство из крови и земли», Дарре доказывает, что немецкое дворянство необходимо для укрепления немецкой расы. Образцовым примером такого дворянина-хозяина является Хорти, адмирал и глава фашистской Венгрии, один из самых отталкивающих представителей фашистской Европы! Дарре, до того как он стал «теоретиком» расизма, занимался скотоводством, и это сыграло свою роль в его научных концепциях. Уже в первой своей работе Дарре разрабатывает вопрос о расистском значении немецкого скота и других домашних животных и пишет специальную брошюру — «Свинья как критерий для нордистских народов и для семитов» — и, наконец, брошюру «Цель разведения немецкого народа».

На основе всех этих работ Дарре стал и практическим вождем немецких крестьян, кулаков и министром снабжения. Как министр снабжения, он издал аграрные законы в пользу крупных крестьян. На практике его реакционная реформа привела к тому, что германское крестьянство голодает.

* * *

Расистская «теория» как основной принцип фашистской идеологии проникает и в отдельные конкретные науки, и не только в общественные науки, как в экономику⁴, юриспруденцию⁵ или искусствознание⁶, а и в математику, физику и т. д. Фашистская математика провозглашает мистику самым научным принципом и поэтому больше всего почитает

¹ «Völkischer Beobachter», 17 Oktober, 1935 («Против фашизма», стр. 171).

² Goebbels J. «Rassenfrage und Weltpropaganda». Longensatz. 1934.

³ Darre R. «Das Bauerntum als Lebensquelle der Nordischen Rasse». 1928.

⁴ Reptan G. «Rasse und Wirtschaft». 1925.

⁵ Nikolai H. «Rassengeschichte Rechtslehre». 1933.

⁶ Schultze P., Nahmburg P. «Kuhst und Rasse». 1933.

не только Платона и Птолемея с их мистикой чисел, но и средневековую астрологию как совершенно неинтеллектуальную, т. е. ненаучную, и тем больше таинственную «науку»¹.

На этих принципах базируется и фашистская историография. Надо написать совсем новую историю человечества и немецкого народа, на основе совсем другого, расистского мировоззрения, требует Розенберг. Альфред Тосс написал «теоретическую» книгу о том, как должна быть написана эта «новая история»². В. Эрбт и И. фон Леерс издали уже и конкретные очерки всемирной истории³. Но результаты работы фашистских историографов нищенски убоги. Вся эта историография только повторяет и разбавляет антинаучные домыслы Гобино, Гюнтера, Дарре или Розенберга, которого немецкие фашисты считают основоположником нового расистского исторического воззрения. Фашистская историография, основанная на антинаучной, антиисторической расистской «теории», находится в полном противоречии с исторической наукой. История — это развитие, это прогресс, но ведь прогресс может лишь испортить подлинную биологическую базу расы. И если уже нужно признать историю, то она должна не изучать или излагать какие-то законы исторического развития. Раса, как мы знаем, — это для фашиста судьба; но судьба-мистерия, поэтому история может не изучать, а только угадывать эту мистирию, которую нерасисты называют историей.

Первым «историческим» принципом, вытекающим из расистской «теории», является преимущество нордистской, т. е. северогерманской, расы над всеми другими в течение всей истории. Все, что сделано в мире хорошего, все достижения культуры совершали-де только германцы, только северяне — так утверждают фашистские историки, хотя это противоречит всем научно установленным фактам и документам. Но какое дело фашистским мракобесам до исторической истины! Всю историю античного мира фашисты стремятся построить только на противоречиях между «высшими» и «низшими» расами. Средневековье — излюбленная область фашистских историков. Кровь, расу и землю можно воспевать здесь совершенно свободно. (Нибелунги — древние германские боги; Арминий — первый уже настоящий «вождь» немецкий и т. д.) Феодализм в изображении фашистов — это реакция, а всякая реакция увлекает фашистских историков. Фашистская историография открыла в средневековье фашистских «мыслителей». Это немецкие мистики во главе с Мастером Экартом, которого фашистские историки обожают и которого они произвели в величайшие немцы всех веков.

Наоборот, фашистские историки ненавидят французскую революцию и предшествующий период просвещения, пожалуй, даже просвещение еще больше, чем самую революцию. Это проявляется уже у Шпенглера, но еще более резко у его последователей. Уже с этого времени, говорит Шпенглер, «рационалистическая критика, которая гордо называла себя философией просвещения, начала свою разрушительную работу»⁴. Но тем более немцы обязаны были спасать мир от яда просвещения и защищать старую реакцию, где только было возможно. Поэтому фашистская история XIX века возвышает все, что было реакционного в этом веке, и унижает все, что было в нем прогрессивного. Фашисты вообще

¹ См. сборник «Против фашизма», стр. 228.

² Thoss A. «Nationalsozialismus und Geschichtsschreibung» в журнале «Odal, Monatsschrift für Blut und Boden». 1935.

³ Erot W. «Weltgeschichte auf rassischen Grundlage (Urzeit, Morgenland, Mittelmeer, Abendland und Nordland)». Leipzig. 1934; Leers J. von. «Geschichte aus der rassischen Grundlagen». Leipzig. 1934.

⁴ Spengler O. «Jahre der Entscheidung», S. 66. 1933.

не любят XIX век, век буржуазной демократии, и где только можно противопоставляют ему средние века¹.

Вообще расистская историография занята, во-первых, прославлением жестокой, грубой силы. Р. Бенце, автор сочинения «История в борьбе рас»², утверждает, что воинственность — самое характерное свойство немцев и что эта черта — признак их «высшей», нордистской расы, потому что война — это высшая форма деятельности, на которую способны только народы «высшей» сильнейшей расы. Фашистских историков интересует поэтому главным образом то, как проявилась эта «высшая» способность немцев на протяжении всей истории. Особенно фашистские каннибалы занимаются «фюрерами» всех категорий и типов. Гоппе написал специальную книгу о «фюрерах в немецкой истории»³. Этот же вопрос разрабатывали О. Шпанн и другие⁴. Но и здесь выше всего фашистские историки оценивают силу исторических личностей, не ум, а именно грубую физическую силу. Поэтому упомянутый Бенце выдвигает не Карла Великого, а Арминия, не Фридриха Барбароссу, а Генриха Льва, не Габсбурга, а Фридриха II и т. д.

Вывод всей фашистской историографии заключается в том, что немецкий народ не только способен, но и прямо предназначен историей, чтобы завоевать весь мир. Ганс Эйбль писал об этом уже в 1933 году⁵. На этом основана и фашистская «теория» о «немецком пространстве». Немцы, по этой «теории», имеют право занять пространство, которое им нужно или которое они хотят занять. Это — право «высшей» расы⁶. У англичан, утверждает Зонненголь, один из доверенных Гитлера, нет смелости «высшей» расы: они слишком считаются с тем, что говорит мир. И это Гитлер считает слабостью, недостойной «высшей» расы. Кровавый, бессовестный маниак Гитлер осуждает у англичан «основное свойство их пуританской природы — все на свете события ставить перед судом своей совести»⁷. Конечно, у «высшей», германской расы нет никаких сдерживающих моральных правил, у нее только безграничная наглость.

Фашистские историки стремятся оправдать немецкую агрессию фальсифицированными историческими доводами. Первый из этих доводов — тот, что на территории, которую хотят захватить фашисты, раньше жили немцы. Среди этих историков-фальсификаторов выступает и такой известный и раньше уважаемый историк, как Густав Коссинна, который теперь написал сочинение о расселении древних германцев, в котором он утверждает, что последние занимали огромную территорию — и Центральной, и Западной, и Северной, и Южной, и Восточной Европы⁸. Книга Г. Коссинна стала примером для других, образцом того, как можно археологию и этнографию использовать для политической цели — для оправдания немецкой агрессии против других народов.

Другой довод — тот, что та или другая страна в прошлом принадлежала или была подчинена Римско-германской империи. Хотя фаши-

¹ О фашистской трактовке отдельных исторических вопросов и периодов см. второй сборник «Против фашистской фальсификации истории». 1939.

² Benze R. «Geschichte in Rassenkampf». 1933.

³ Hoppe F. «Führerpersonen in der deutschen Geschichte». 1934.

⁴ Fischer E. «Hans Günter, Deutsche Köpfe nordischer Rasse». 1933. Mit 50 Abbildungen.

⁵ Eibl H. «Vom Sinn der Gegenwart. Ein Buch von deutscher Sendung» Leipzig. 1933.

⁶ Paul G. «Grundzüge der Rassen und Raumgeschichte des deutschen Volkes». 1935.

⁷ «Deutsch-englische Gespräche» в журнале «Die Tat». 1937. S. 347. См. сборник «Против фашистской фальсификации истории», стр. 266. 1936.

⁸ Kossinna G. «Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit». Leipzig. 1934.

ские историки и признают, что эта империя совсем не была немецкой национальной империей, но это не мешает им рассматривать такие страны или земли, входившие в ее состав, как «немецкое пространство».

Славяне, по гнусным измышлениям гитлеровцев, — не только «низшая» раса, но самое воплощение «низшей» расы. Это, по фашистской «научной» классификации, раса людей, совершенно неспособных быть свободными, это раса природных рабов.

Между тем Северная Германия, о которой расисты говорят как о родине великолепного нордистского человека, до XII века была населена именно славянами, и в жилах северных немцев, именно прусских немцев, большая доля славянской крови. Немцы XIII века в этой области были только онемеченные славяне, на что указывают названия городов в этой области, до сих пор в большинстве славянские (Шверин — Звержин, Дрезден — Држдяны и др.).

Расистская «теория» рассматривает славян как рабов, осужденных самой природой к рабству. Эта «теория» продиктована германской разбойничьей агрессией, которая уже с самого начала немецкой экспансии, по крайней мере уже с VII века (история державы Само), была направлена против Востока. Фашистский империализм направлен в первую очередь против Востока, как ясно указывают Гитлер в «Mein Kampf» и программные статьи других немецких нацистов.

Расистская «теория» открыто, грубо служит фашистской разбойничьей политике, в этом случае внешней политике. Восток — это славяне: чехи, поляки, русские, украинцы, белоруссы. Чтобы оправдать агрессию против Востока, населенного славянами, их сделали естественными и историческими рабами, т. е. фальсифицировали историю, чтобы доказать свое право на агрессию против славян.

Несмотря на свое презрение к славянам фашисты очень интересовались славянскими народами, особенно русским. В Бреславле учрежден фашистский Восточный институт, который издает многочисленные работы о СССР. Немецкие фашисты очень прилежно изучали последний период истории «низшей» славянской русской расы, которая внушает им весьма сильный страх.

Нападение на СССР Гитлер изображает как продолжение старой немецкой агрессии на Восток. «По следам тевтонских рыцарей, вперед, на Восток! — кричит Гитлер в «Моей борьбе». — Если искать почвы в Европе, то это можно осуществить только за счет России»¹.

В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) 26 января 1934 г. товарищ Сталин указывает, чем кончится такая война для фашистов.

«Третьи, — сказал товарищ Сталин, — думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворить «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третирует их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, — между нами

¹ Hitler A. «Mein Kampf», S. 147.

будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»¹.

Так закончил свою пророческую характеристику расизма и его судьбы товарищ Сталин. И это предсказание уже осуществляется.

---

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 432.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ О «ВОЕННЫХ ДОБЛЕСТЯХ НОРДИЧЕСКОЙ РАСЫ»

А. Мишулин

В сатирической истории рода Мюллеров (роман «Мюллеры» Вальтера Меринга) доктор Мюллер, старый учитель берлинской гимназии, тщетно старается доказать свое чистокровное арийское происхождение. Страстный поклонник Тацита, он стремится путем исторических исследований вскрыть и установить корни родословного дерева Мюллеров в римскую эпоху, в период знаменитых событий, происходивших в первобытных дебрях Тевтобургского леса.

На уроках по Тациту благонамеренный Мюллер чтение «Германии» превращал в заучивание этого «евангелия» германизма. Но не все в «Германии» Тацита выглядело так, как это было желательно Мюллеру, и в таких случаях Мюллер откровенные высказывания неуклюжего Тацита исправлял в духе «исторической миссии» германцев. Тацит говорил, что Германия отделяется от сарматов и даков «взаимным страхом». Мюллер же в «ученом» труде «Об одной ошибке у Тацита» усиленно доказывал, что римский автор ошибается. В самом деле, как можно было говорить о каком-то «взаимном страхе», когда известно, что немцы во все времена боялись только бога и больше никого на свете!

Но, выполнив эту задачу по фальсификации истории, Мюллер все же не нашел удовлетворения. Его трагедией было то, что несмотря на все свои исторические изыскания он не мог доказать арийского происхождения своей жены... еврейки. Бедному Мюллеру пришлось бежать в Париж и покончить жизнь самоубийством.

Несомненно, в бичующем фашизм романе В. Меринга показана не только трагедия филистера: здесь ярко выражена и трагедия науки в современной Германии, где Мюллеры — эти учителя гимназий, профессора университетов и доктора наук — получили задание — «научно» доказать идеологическую и расовую основу германского господства.

Метод Мюллера — фальсификация науки — излюбленный метод германского фашизма. Извращение документов, схоластические комментарии-увертки, фальсификация исторических событий — таков путь фашистской науки. В настоящее время «в Германии издаются сотни книг, преследующих лишь одну цель — фальсификацию на фашистский лад истории германского народа». «Свежеиспеченные национал-социалистские историки стараются представить историю Германии таким образом, будто в силу какой-то «исторической закономерности» на протяжении двух тысяч лет проходит красной нитью линия развития, приведшая к появлению на исторической сцене национального «спасителя», «миссии» германского народа, известного «ефрейтора» австрийского происхождения»¹.

Но как ни изошряются фашистские историки, они в конце концов оказываются в глубоком тупике. В самом деле, как ни старайся фаль-

¹ Дьямитров Г. Доклад на VII конгрессе Коминтерна, стр. 76. 1935.

сифицировать историю древних германцев и идеализировать не существовавшие у них различные добродетели и доблести, ведь документов при этом никак не опровергнешь. Старая римская поговорка гласит: «*Quod non est in fontibus non est in mundo*» («Чего нет в источниках, того нет на свете»). И действительно, данные Цезаря, Тацита, Аппиана и других античных авторов представляют непреодолимые трудности для желающих через них перепрыгнуть. В этом может убедиться всякий. Достаточно хотя бы взять вышедший в 1937 г. сборник документов о древних германцах, где приведены решающие выдержки из главных свидетельств Цезаря, Тацита, Аппиана и др.¹ Значение сборника «Древние германцы» в том, что он изобличает фальсификаторов и в то же время дает реально-историческую картину того, что собою представляли на самом деле древние германцы как «раса».

В определении свойств «северной расы» германцев фашистские «теоретики» безнадежно запутались. Фашистский обер-специалист по расовым вопросам Гюнтер указывал такие признаки арийцев: длинный череп, длинные ноги, светлые волосы и глаза. Но к величайшему конфузу для Гюнтера, исследование показало, что «длинных» и «светлых» в Германии осталось всего около 5%, тогда как в Гренландии их довольно много. Но население Гренландии составляют эскимосы! С другой стороны, если в Германии осталось мало длинноногих, то их более чем достаточно в Центральной Африке. Но это... негры!

Еще сложнее обстоит дело с исследованиями «северной души», так как в этом вопросе сами фашисты никак не могут столкнуться.

При таком положении вещей, естественно, на помощь должны были прийти «историки», которые посредством различных фальсификаций должны были доказать исконное превосходство «германской расы» над всеми остальными.

Дадим несколько сопоставлений фашистских утверждений и тех подлинно исторических данных, о которых можно ознакомиться по сборнику «Древние германцы».

Фашистский «историк» Кауч усиленно доказывал преимущества древних германцев перед галлами (кельтами), ссылаясь на то, что германцы были сильны, а галлы — слабы, германцы — чистоплотны, а галлы — нет, первые — трудолюбивы, вторые — лентяи и т. д. Этот «историк» позволял себе при этом ссылаться на Цезаря.

Открыв сборник «Древние германцы», читатель может найти исчерпывающие свидетельства по этому вопросу и узнать, что думали на самом деле о германцах воевавший с ними Цезарь или другие древние авторы. «Галлы, — говорил Цезарь, — превосходили германцев доблестью, по собственному почину затевали войны с ними и вследствие... недостатка земель выводили колонии за Рейн»².

Военную доблесть германцев мы покажем ниже, на примерах поражений, понесенных ими при столкновениях с римлянами. О трудолюбии же германцев сделал поистине интереснейшее наблюдение Тацит: германцы «все свое время проводят частью на охоте, но больше в (полной) праздности, предаваясь сну и еде... предоставляя заботу и о доме, и о пенатах (семье. — А. М.), и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым из своих домочадцев; сами они прозябают (в лени)»³.

Наконец, у того же Тацита мы узнаем еще об одном преимуществе «северной расы» древних германцев: «У них не считается зазорным пить без перерыва день и ночь. Как это бывает между пьяными, у них часто бывают ссоры (!), которые редко кончаются (только) перебранкой (!),

¹ «Древние германцы». Сборник документов. М. 1937.

² Цезарь «Записки о галльской войне», VI, 24; см. сборник «Древние германцы», стр. 29.

³ Тацит «Германия». XV; см. сборник «Древние германцы», стр. 63—64.

чаще же убийством и нанесением ран»¹. Очевидно, Кауч жульнически подставлял всюду галлов, где фактически у Цезаря и Тацита речь шла об «арийских преимуществах» германцев. Он сознательно шел на фальсификацию источников, ибо ему надо было доказать, что в предстоящей схватке с галлами (французами) победа германцев исторически обусловлена. Ведь «хотим мы или нет,— говорит Кауч,— но окончательный спор между обоими народами еще впереди».

Каждый читатель по материалам греко-римских авторов может легко убедиться в лживости еще одного утверждения фашистских историков. Мы имеем в виду легенду о якобы извечно существующей у германцев моногамной семье и о «чистых» браках. Фашистский «историк» Шредер прямо утверждает, что германцы не знали ни материнского права, ни смешанных браков между племенами. Эту фальсификацию нетрудно разоблачить. Тот же самый Тацит, прославленный автор «евангелия» германизма, прямо свидетельствует о том, что среди германцев было немало людей, «которые имеют нескольких жен»². Что же касается смешанных браков, то вождь германцев Ариовист дает нам пример не совсем «арийского» брака, одновременно и со свевкой и с женщиной из племени Норика. В довершение Тацит говорит о таком смешении галльских и германских племен, которое повлекло за собою не германизацию, а кельтизацию³. «Благодаря смешанным бракам,— говорит Тацит,— они (германцы.— А. М.) в значительной степени обезобразились на подобие сарматов»⁴.

Вряд ли фашистский «историк» Шредер не знал этих документальных данных о смешанных браках древних германцев. Если, допустим, он не читал Тацита, то он, по крайней мере, должен был знать, что еще Моммзен установил факт скрещения германских и кельтских племен⁵. Но для Шредера факты не существуют. Стремясь доказать чистоту крови у германцев, он избирает путь откровенной фальсификации истории германского народа.

Данные греко-римских авторов включают и интересные документы, опровергающие фашистскую «теорию» отрицания общинного строя у древних германцев. Новоявленный фашистский «историк» Бюллер в своей обширной «Немецкой истории» открыл еще одно новое свойство «арийской расы»: древние германцы, как утверждает этот «историк», не проходили ни ступени каменного века, ни первобытно-коммунистических отношений, ни аграрного коммунизма. Германцы сразу, видите ли, появились на свет с металлом, с институтом частной собственности и с «крестьянским дворянством». Свидетельства Цезаря⁶ и Тацита⁷ об отсутствии частной собственности и о наличии общинного быта германцев, как правило, не существуют для «историков», которые не хотят эти данные признавать только потому, что это означало бы дать «марксизму идеологические козыри».

Созданный фашистами миф о «крестьянском дворянстве» немедленно рассеивается при соприкосновении с фактами, собранными у Тацита и говорящими о низком уровне сельского хозяйства у первобытных германцев. Германцев, говорит Тацит, «легче убедить вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать

¹ Тацит «Германия», XXII, стр. 68.

² Там же, XVIII, стр. 65.

³ Там же, XXVIII, стр. 71.

⁴ Там же, XLVI, стр. 81.

⁵ См. Моммзен «История Рима». Т. III, стр. 174, 176.

⁶ Цезарь «Записки о галльской войне». IV, 1—3; см. также VI, 22; сборник «Древние германцы», стр. 19, 28.

⁷ Тацит «Германия». XXVI; см. сборник «Древние германцы», стр. 70.

урожаа; даже больше — они считают ленью и малодушием приобретать потом то, что можно добыть кровью»¹.

Среди самих фашистов нет единства взглядов на вопрос о «дворянском крестьянстве».

О том, как выглядело «дворянское крестьянство» у первобытных германцев, весьма четко сказал в пылу полемики мюнхенский архиепископ Фаульгабер: «Древние тевтонцы, которые так превозносятся теперь, были в действительности народом, который в культурном отношении стоял на гораздо более низком уровне, чем древние евреи. И их прочие добродетели также сильно преувеличены. Древние тевтонцы заставляли своих жен выполнять наиболее трудные работы, в то время как сами предпочитали лежать на медвежьих шкурах, пить мед и мертвецки спать как чурбаны до самого полудня».

Фаульгабер отнюдь не преувеличивал и говорил лишь то, что сказано у Тацита в главе 15-й².

Так выглядит «дворянское крестьянство»!

Под напором таких свидетельств фашистским «историкам» остается, чтобы «не дать козырей марксизму», объявить Цезаря и Тацита... марксистами!

Особый интерес представляет у преко-римских авторов тот материал, который посвящен эпизодам военных столкновений германцев с римлянами. Как известно, к числу достоинств «нордической» «северной расы» относятся в первую очередь военные доблести германцев. Ведь, согласно фашистской «теории», «война является функцией мужчины, как материнство является функцией женщины» (Муссолини). В более циничной и кровавой форме этот тезис развит у германских фашистов. Немецкие историки усиленно «разрабатывают» вопрос о германских победах, о военных доблестях германцев еще на заре образования «нордической расы». Но и тут, идеализируя военные доблести древних германцев, фашистские «историки» уклоняются от очень неприятных свидетельских показаний древних авторов, которые имели случаи наблюдать эти «доблести» и описать их.

Цезарь, который вел войну с германцами и описал ее в «Записках о галльской войне», не преследовал по отношению к Германии каких-либо агрессивных планов; его заботила судьба Галлии. «Если германцы, — говорил Цезарь, — постепенно привыкнут переходить Рейн и их наберется в Галлии много, то это явится большой опасностью для самого римского народа;... овладевши всей Галлией, германцы — эти дикие варвары — не удержатся от нашествия... на Италию»³. Точно так же рассуждает в настоящее время каждый умный обыватель Италии.

Как видно из данных Цезаря, вождь древних германцев Ариовист вел себя не так, как это полагается представителю современной «северной арийской расы». Ариовист в сражении потерпел полное поражение, бросил свою семью и позорно бежал. «Все они (германцы) повернули тыл и бежали, не останавливаясь, до самого Рейна... Среди них, — говорит Цезарь, — был и Ариовист, который нашел привязанную к берегу лодку и на ней бежал... У Ариовиста были две жены... обе они погибли во время бегства; из двух дочерей Ариовиста одна была убита, другая взята в плен»⁴.

Интересно сообщение Цезаря о переправе его за Рейн несмотря

¹ Тацит «Германия». XIV; см. сборник «Древние германцы», стр. 63.

² Там же, XV, стр. 63—64.

³ Цезарь «Записки о галльской войне». I, 33; см. сборник «Древние германцы», стр. 12.

⁴ Цезарь «Записки о галльской войне». I, 53; см. сборник «Древние германцы», стр. 18.

на предупреждения германцев, что «Рейном кончается римское государство». В 55 г. до н. э. Цезарь вторично подверг разгрому германцев: «Слыша за своей спиной крики и видя, как избивают их близких, германцы побросали оружие и военные значки и пустились вон из лагеря»¹.

О том, в каком противоречии с историческими фактами находятся воспеваемые фашистскими «историками» доблести германцев, свидетельствуют также походы римского полководца Германика в эпоху Августа. Германик дал несколько сражений германским племенам, и все они кончились поражением германцев.

О панике среди германцев отчетливо говорится в свидетельствах Тацита, который сообщает нам о переходе германцев на сторону Германика большими массами. Даже полководцы у германцев вроде Сегеста предпочли перебежать на сторону Рима, нежели сражаться с легионами Германика. Брат Сегеста Стертиний решил принять римское подданство, предпочитая это безнадежной борьбе с римскими легионами Германика.

Как сообщает нам Тацит, у германцев остался один только скольконибудь значительный и сильный вождь — Арминий. Этот вождь германцев имел за собой победу над римлянами в Тевтобургском лесу, когда римлянами командовал беспечный и неудачный полководец Вар. Теперь Арминий мечтал о новой такой же победе. Однако, говорит Тацит, «германцы потерпели поражение. Арминий оставил поле битвы целым и невредимым, Ингвиомер был тяжело ранен. Остальные были перебиты; их рубили до вечера, пока не утихла ярость»². После этого разгрома «в Германии воцарился такой глубокий мир, словно там переменились люди и земля, да и самый климат стал казаться более мягким»³, — сообщает Люций Флор.

Наконец, интересные сведения дает Аммиан Марцеллин (автор IV в.) о военных столкновениях римлян с германцами в последнее время существования Римской империи. И в этот период активного напора германских племен на границы империи военные доблести не покрывали славою германских вождей. Приведем один сообщаемый Марцеллином пример войны при императоре Юлиане: «Преступным зачинщиком всей войны был Хонодомар». Он собрал большие силы против римлян, но в битве при Страсбурге потерпел поражение, каких мало знали германские племена. Хотя «королю Хонодомару, — говорит Марцеллин, — представилась возможность бежать», но «Хонодомар, напуганный до последней степени, вышел один и сдался; 200 его дружинников и трое ближайших друзей, — считавшие позором пережить короля или не умереть за короля... тоже добровольно позволили заковать себя в кандалы»⁴.

Таковы исторические факты.

Все эти замалчиваемые фашистской историографией факты помогают восстановить ту действительную историческую ситуацию, которая имела место в отношениях между державным Римом и его «варварской» периферией. Рабовладельческий Рим был еще силен и всюду давал сокрушительный отпор разрозненным, находившимся на примитивной ступени хозяйственного развития германским племенам.

Положение стало меняться только к концу IV — началу V в. нашей эры. Однако факторами такого изменения положения являются не столько военные доблести, неожиданно появившиеся у германцев, сколько глубокие социальные причины. Рабовладельческая основа Рима распадалась, осуществлялся переход от рабства к полукрепостническому труду колоннов. Военное могущество Рима клонилось к закату. В классовой борьбе о рабовладельцами римские рабы и колонны объединились

¹ Цезарь «Записки о галльской войне». IV, 15, стр. 29.

² Тацит «Анналы». I, 68; см. сборник «Древние германцы», стр. 92.

³ Флор «Из истории римского народа». II, 30; см. сборник «Древние германцы», стр. 141.

⁴ А. Марцеллин. XII, 60; см. сборник «Древние германцы», стр. 177.

с германцами. Именно это объединение «варвара» внутреннего и «варвара» внешнего явилось главным условием гибели Рима и последующей победы германских племен.

Интересно, что когда Рим был захвачен в 410 г. готами во главе с вождем Аларихом, то оказалось, что именно рабы и открыли ворота столицы германским войскам. Этот факт приобретает историческое значение, ибо он объясняет, при каких условиях германцы могли взять римскую столицу.

Вот каковы действительные причины поражения римлян. «Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с промом опрокинули Рим»¹.

В заключение остается сказать, что литературные памятники древних авторов должны послужить основой для изучения коренного различия между рабовладельческим обществом и древнегерманским родовым строем. Именно изучение этого различия, стираемого фашистскими «историками», дает нам возможность конкретно понять то новое («синтез»), что принесли германцы вследствие вторжения на римскую территорию.

В образовании феодальной формации после распада рабовладельческого Рима вряд ли может быть преуменьшена роль германцев. Однако следует помнить слова Энгельса о германцах, что «омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»². Именно это варварство германцев и их родовой общинный строй и хочет затушевать фашистская историография. Все это делается с одной целью: представить древних германцев, как народ исключительный, не имевший варварства и родового строя когда бы то ни было, и обосновать таким образом права «нордической» расы на господство над всеми остальными народами, которые почитаются германскими фашистами за «низшую расу».

Фашистские «историки» в своей фальсификации истории не останавливаются даже перед тем, чтобы объявить великие завоевания античной культуры греков и римлян несуществующими.

Известно, что некий «историк» фон Вендрин заявил в 1935 г., основываясь на своих бредовых «научных» изысканиях, что римлян никаких никогда не было, это были просто... евреи. Рим же был образован... германцами, которые испокон веков и господствовали в Риме!

Эта дикая чушь вызвала отпор со стороны самого Муссолини, позирующего под современного римского Цезаря. Он заявил буквально следующее: «В то время, когда мы в древности имели своего Цезаря и Августа, германцы были дики: они жили в лесах, ходили в звериных шкурах и при том непременно с дубинкой».

На этот раз Муссолини не солгал. Его заявление вполне соответствует свидетельствам Цезаря и Тацита о древних германцах. Впрочем, в пылу полемики, один раз сказав правду, Муссолини должен был немедленно отказаться от такого взгляда на германцев. Где уж выступать со своим мнением о германцах, если последние оккупировали Италию и держат в страхе самого Муссолини, превратив страну, называвшуюся Италией, в германскую провинцию.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 432. 11-е изд.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 132. Разрядка моя.— А. М.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

А. Предтеченский

В послепользительский период (1807—1810) отношения между Россией и Францией складывались таким образом, что война становилась все более неизбежной. Наполеон настойчиво готовился к ней. Александр имел много доказательств существования военных планов у Наполеона.

В мае 1811 г. Наполеон во время приема русского посла Куракина произнес двухчасовую речь с обвинениями по адресу Александра в приготовлениях к войне. Наполеон грозил, что он не даст себя застигнуть врасплох, что он соберет огромную армию и поведет ее в Россию. В августе 1811 г. сцена с Куракиным повторилась, но уже в присутствии всего дипломатического корпуса. Наполеон при напряженном внимании всех представителей европейских государств, аккредитованных при его дворе, прямо угрожал войной. После этого в Европе уже никто не сомневался в неизбежности войны.

Несмотря на стремление Коленкура отсрочить начало войны — за что он был смещен Наполеоном и заменен Лористонем, продолжавшим действовать так же осторожно, как и Коленкур, — война была предрешена, и никакие усилия дипломатов не могли ее задержать. Обе стороны, готовясь к войне, старались уладить отношения с соседями, чтобы не быть вынужденными вести войну на два фронта. В феврале 1812 г. Наполеон заключил союзный трактат с Пруссией, которая обязалась выставить 20-тысячный корпус, а также поставлять во французскую армию продовольствие. За эту помощь Фридрих-Вильгельм потребовал себе Лифляндию, Курляндию и Эстляндию. Наполеон заключил также союз с Австрией. Для России важно было обеспечить поддержку Швеции и кончить войну с Турцией: тогда у нее руки были бы связаны. Швецию, как и Россию, тяжело угнетала континентальная блокада. В апреле 1812 г. между Швецией и Россией была заключена конвенция, по которой Александр обязывался содействовать присоединению Норвегии к Швеции, после чего Бернадотт должен был послать войска против Наполеона к берегам Германии. Теперь Александру можно было не опасаться внезапного нападения с севера.

16(28) мая 1812 г. в Бухаресте был под-

писан мирный договор России с Турцией, по которому Бессарабия отходила к России, но Молдавия и Валахия оставались в руках Турции. За сербами признавалось право внутреннего самоуправления, и косвенно подтверждались права России на Грузию, Мегрелию и Имеретию. Последний пункт был сформулирован в тексте договора так, что он позволял России в дальнейшем всегда отстаивать свое право на указанные земли. Военные действия прекратились, и русская дунайская армия могла быть теперь обращена против Наполеона.

Казалось, все препятствия для начала войны были устранены. Но Наполеону для окончания всех дел, связанных с войной, нужна была некоторая отсрочка. В апреле 1812 г. Александр уехал в Вильно. Чтобы выиграть время, Наполеон отправил к Александру графа Нарбона, который должен был убедить царя в стремлении Наполеона сохранить мир, а вместе с тем и разведать о настроениях в России. Нарбон недолго пробыл в Вильно: через два дня его оттуда весьма вежливо удалили. Впечатления Нарбона были столь же оптимистичны, сколь и легковесны. Он уверял, что Александр достаточно решителен, что он готовится уступить во всем Наполеону, что русская армия не начнет первая военных действий, но что Александр даст сражение немедленно после перехода наполеоновских войск через границу. Последнее было особенно важно для Наполеона. Он был почти уверен в разгроме русских войск при встрече со всей огромной массой его армии недалеко от границы, но он весьма тревожился за исход столкновений с русскими, если они произойдут в глубине русской территории, когда соотношение сил обеих сторон изменится к худшему для Наполеона. Наполеон, не теряя времени, двинул свои войска через Германию к русской границе. Наступали последние дни мира.

В ночь на 12(24) июня 1812 г. первые полки наполеоновской армии переправились через Неман.

К 1812 г. армия Наполеона достигала 1187 тыс. человек. Из этого числа для похода на Россию была выделена так называемая «великая армия» (или «большая

армия»—(la grande armée)). Она состояла из гвардии, 12 пехотных корпусов и 4 разрозненных кавалерийских корпусов. Общее число войск, входивших в «великую армию», доходило к 12(24) июня до 524 тыс. человек при 1372 орудиях; кроме того в армии состояло до 100 тыс. разного рода нестроевых чинов. Число лошадей (строєвых и обозных) достигало 156 тысяч¹. Не все части этой колоссальной войсковой массы перешли границу и вторглись в пределы России. В ночь на 12(24) июня началась переправа через Неман выдвинутого далеко вперед левого фланга «великой армии». В течение ближайших 10—12 дней переправились центральная и правобережная группы армии, всего до 420 тыс. человек. Оставшиеся были расположены по ту сторону границы в качестве резервов.

По своему национальному составу «великая армия» отнюдь не могла быть названа французской: французы составляли всего лишь около половины ее. Другая половина состояла из солдат, собранных почти со всех государств Европы. Вся Европа, за небольшими исключениями, приняла участие в походе на Россию. Многонациональность «великой армии» ни в коей мере не могла способствовать ее боеспособности.

Одной из самых трудных задач, стоявших перед Наполеоном, было снабжение армии продовольствием. Для подвоза съестных припасов было образовано 17 специальных батальонов с 6 тыс. повозок. Они были в состоянии подвести до 120 тыс. квинталов (квинтал = 100 кг) муки, т. е. количество, достаточное для прокормления армии в течение двух месяцев; в дальнейшем подвоз продовольствия должен был производиться из магазинов, расположенных в Пруссии и Варшавском герцогстве, где наполеоновские интенданты накопили огромные запасы, отнятые у населения путем жестоких реквизиций. Предполагалось, что из магазинов, находящихся преимущественно в городах на Висле, запасы водным путем будут доставлять на Вилию. Расположенная на этой реке Вильна должна была служить центральной базой снабжения армии. Но с подвозом продовольствия дело обстояло очень плохо. Не успела «великая армия» войти до Немана, как обозы отстали от нее уже на несколько этапов. Начались реквизиции, часто превращавшиеся в простой грабж и мародерство: еще до перехода через Неман количество отсталых и мародеров доходило до 30 тысяч. Для преследования их были выделены особые летучие колонны. Такое начало не предвещало ничего хорошего². Дисциплина «великой армии» с самого начала войны внушала серьезную тревогу.

Но несмотря на все это, враг, надвигав-

шийся на Россию, был прозой силой. Значительная часть «великой армии» состояла из опытных солдат и офицеров, прошедших суровую школу наполеоновских войн. Техническое снабжение армии было поставлено хорошо. Во главе армии стоял овеянный беспримерной легендарной славой гениальный полководец, не знавший до сих пор поражений. Ближайшими сотрудниками его были талантливые и храбрые маршалы.

Левый фланг «великой армии» находился у Ковно. Здесь была сосредоточена основная масса войск: гвардия, пехотные корпуса Даву, Удино, Нея и кавалерийские корпуса Нансutti и Монбреня. Всего здесь было собрано до 220 тыс. человек под непосредственным командованием самого Наполеона. К югозападу, в районе Растенбург — Суваики, находилась центральная группа, состоявшая из пехотных корпусов вице-короля итальянского принца Евгения и Сен-Сира и кавалерийского корпуса Груши.— всего 85 тыс. человек. Еще далее к югозападу, у Варшавы и на Нареве, расположился правый фланг, состоявший из пехотных корпусов Понятовского, Ренье и Вандама и кавалерийского корпуса Латур-Мабура,— всего 75 тыс. человек. Левый фланг «великой армии» прикрывался корпусом Макдональда, двинувшегося на Россию, правый фланг — австрийским корпусом Шварценберга, наступавшего на Люблин. Такое расположение армии, казалось, давало возможность Наполеону совершить задуманную им операцию, сущность которой сводилась к следующему: главный удар должен был нанести левый фланг наполеоновских войск правому крылу русской армии; разгромив его, Наполеон предполагал зайти в тыл центра и левого крыла русской армии, чтобы нанести ей окончательное поражение³.

Сосредоточение войск левого фланга «великой» армии закончилось к 11(23) июня. Как уже указывалось, в ночь на 12(24) июня началась переправа через Неман по трем понтонным мостам. Никакого объявления войны ей не предшествовало.

В период подготовки к войне вопрос о наступательном или оборонительном характере войны был предметом долгих и жарких споров в кругах русского высшего командования. Среди русских военачальников было немало сторонников наступательной войны. Багратион являлся среди них наиболее авторитетным. Но большинство генералов отстаивало необходимость оборонительной тактики. Мотивировали они свою позицию, во-первых, значительным превосходством сил Наполеона, а, во-вторых, отсутствием хорошо обеспеченного тыла. Сторонники наступательной тактики высказывали также уверенность, что Наполеон при продвижении в глубь страны будет становиться все слабее и слабее. Необходимость оставлять гарнизоны на занимаемой территории приведет к значительному уменьшению его действующей армии, и, в конце концов, силы обеих сторон будут уравновешены.

³ Михневич Н. Указ. соч. стр. 92—93.

¹ Михневич Н. «Отечественная война», История русской армии и флота. Кн. 3-я, стр. 87.

² Бутенко В. «Состав «Великой армии». «Отечественная война и русское общество». Т. III, стр. 46—49. М. 1912.

Бернадотт, бывший маршал Наполеона, наследный принц и фактический правитель Швеции, писал Александру: «В том положении, в котором находится Россия в отношении к Франции, вся ее выгода заключается в том, чтобы затянуть войну надолго, потому что она может это сделать, а Наполеон не может. Следует менее всего рассчитывать на случай и потому необходимо избежать больших сражений, а скорее привести войну к мелким стычкам... Если бы пришлось отступить за Двину и, чтобы все сказать, за Неву — только бы упорно продолжали действовать — все устроится, и Наполеон окончит с Александром, как Карл XII с Петром I»¹.

Одним из наиболее влиятельных сторонников отступления был офицер прусского генерального штаба Пфуль, перешедший после разгрома Пруссии в 1806 г. на службу в русскую армию. Пфуль выработал план, по которому русские войска на западной границе располагались в таком порядке: 1-я западная армия (127 тыс. человек с 550 орудиями) под командованием Барклая де Толли занимала фронт протяжением в 200 км от Роснен до Лиды; 2-я западная армия под командованием Багратиона (40 тыс. человек и 216 орудий) стояла между Неманом и Бугом, занимая фронт протяжением около 100 км; наконец, в Вольни и Подолии была расположена 3-я западная армия под командованием Тормасова (43 тыс. человек и 168 орудий); за этими войсками во второй линии находились в Мозыре и Торонде резервные корпуса². План Пфуля заключался в том, чтобы 1-я армия отступила в укрепленный лагерь у г. Дриссы на Двине, 2-я же армия должна была ударить в тыл и правый фланг противника, если бы последний последовал за 1-й армией. Пфуль предполагал, что противник, стиснутый двумя армиями, будет разбит и война закончится. Но как план Наполеона оказался ошибочным при первом же столкновении с действительностью, так и план Пфуля потерпел полный крах. Война пошла по пути, не предусмотренному ни той, ни другой стороной.

Первые две западные армии могли противопоставить 420-тысячной массе переправившихся через границу наполеоновских войск формально всего лишь 167 тыс. человек, но и это количество существовало на бумаге, а в действительности войск было еще меньше. Что касается 3-й армии, то на нее рассчитывать было невозможно, так как она предназначалась для отражения наступления австрийского корпуса Шварценберга. Предполагать, что силами двух армий удастся разбить более чем вдвое превосходящего противника, было совершенно нелепо. Вот первая причина провала плана Пфуля. Клаузевиц обследо-

вал дрисский укрепленный лагерь уже после перехода Наполеона через Неман и должен был признать полную несостоятельность выбранной позиции и неудовлетворительность ее защиты. «Русская армия, — пишет Клаузевиц, — избежала опасности лишь благодаря чрезмерной неловкости и слабохарактерности Пфуля, которые похоронили его план раньше, чем он успел вызвать катастрофу»³.

Когда выяснилось огромное превосходство сил Наполеона и когда несостоятельность затей Пфуля с дрисским лагерем стала очевидна, штаб Александра отдал приказание 1-й армии двигаться к Свенцянам, а 2-й — идти на соединение с ней через Вилейку, в случае же невозможности — взять направление на Минск, к Борисову. Приказ о марше 2-й армии на соединение с 1-й был получен Багратионом 18(30) июня. 20 же июня штабом было отдано приказание Барклаю после сосредоточения у Свенцяи отступать к дрисскому лагерю. Эти два приказа находились в непримиримом противоречии друг с другом. Если бы идея соединения двух армий была усвоена твердо, то представлялось бы ненужным увести 1-ю армию к Дриссе: путь от Свенцяи к Дриссе идет на северо-восток, и таким образом армии шли не на сближение друг с другом, а удалялись друг от друга⁴. Это показывает, что, видимо, идея дрисского лагеря не совсем потеряла свой кредит в глазах Александра и некоторых чинов его штаба. Двойственность, подозрительность, недоверчивость Александра, так же как и растерянность его штаба, ясно сказались в этих малоослеовательных распоряжениях.

Присутствие Александра в армии отражалось на ней самым губительным образом. Было совершенно необходимо удалить его из армии, и осуществление этой задачи взяли на себя Шишков, Балашов и Аракчеев. Они сочинили письмо Александру, в котором почтительнейше предлагали ему уехать. После его отъезда главное командование фактически перешло к Барклаю де Толли, который, будучи военным министром, оказался в армии старшим по должности. Но официального назначения Барклая главнокомандующим не последовало.

Итак, приказ о соединении 1-й и 2-й армий уничтожал весь первоначальный план войны. Теперь все внимание командования было устремлено на удачное осуществление соединения армий. О приостановке отступления в ближайшее время нечего было и думать, так как встретиться обе армии могли только отступая. Но если план ведения войны со стороны русских оказался столь сильно измененным, то не менее серьезные изменения произошли и в предположениях Наполеона. Центральная и правофланговая группы «великой армии» силь-

¹ Божерянов И. «Поход в Москву Наполеона и бегство его из России», стр. 27—28. М. 1912.

² Михневич Н. Указ. соч., стр. 94—95.

³ Клаузевиц «1812 год», стр. 43. 2-е изд. М. 1937.

⁴ Михневич Н. Указ. соч., стр. 100.

но запоздали с переходом через Неман: последние части правофланговой группы закончили переправу 21—22 июня (3—4 июля). Это не дало возможности Наполеону собрать все свои силы в один кулак, чтобы обрушить его на русских. 16(28) июня Наполеон занял Вильну и продолжал развивать наступление силами только своей левофланговой группы. Но задуманный им разгром русских армий не удался: к этому времени Барклай был уже на пути к Дриссе, Багратион же шел на соединение с ним. Раздавить ускользающего противника силами одной левофланговой группы было явно невозможно: для этого требовался фронтальный удар, — а войска центра и правого фланга еще не подошли. Так неудачно для Наполеона закончилась виленская операция. Надежды на молниеносный разгром русских оказались похороненными. Наполеону пришлось теперь устремить все силы на то, чтобы не дать Барклаю и Багратиону возможности соединиться. Исход войны в значительной мере стал зависеть от того, насколько искусство обоих командующих помешает Наполеону осуществить его намерения.

Выполняя приказ о соединении обеих армий, Багратион 18(30) июня двинулся на север к Новогрудку и достиг его 22 июня (4 июля); авангард же его к этому времени был уже у Николаева на Немане и начал переправу. Но в Николаев пришло известие, что маршал Даву, отправленный Наполеоном из Вильны, стремится перерезать Багратиону дальнейший путь на север, направляясь к Минску. Вместе с тем Багратион узнал, что в тыл к нему идет командовавший правофланговой группой «великой армии» брат Наполеона, вестфальский король Жером. Над багратионовой армией нависла угроза окружения. Сначала Багратион решил переменить направление и вместо движения на север (к Воложину) пойти на северо-восток, к Минску. Но когда выяснилось огромное превосходство наступающего на него с двух сторон противника, он в третий раз переменял направление и двинулся на восток, к Бобруйску.

Началось знаменитое отступление Багратиона, во время которого он двадцать раз мог быть отрезан, загнан в Пинские болота и даже уничтожен вдвое сильнее противником. Наполеон проявлял лихорадочное нетерпение в операции против Багратиона. Негодяя на медлительность Жерома, он подчинил его Даву, писал резкие письма своему незадачливому брату, посылал грозные распоряжения Даву. Даву сам горел нетерпением разбить генерала, которого Наполеон считал самым выдающимся русским военачальником. Но все меры Наполеона не привели ни к чему: Багратион ускользнул, сохранив свою армию. На всем пути 2-й армии тыл ее прикрывали казаки Платова, отражая атаки авангарда Жерома и часто сами переходя в наступление. Польская кавалерия в нескольких стычках с Платовым понесла тяжелые потери. У Бобруйска Багратион перешел Березину и направился оттуда к Могилеву, но, узнав, что Могилев уже

занят войсками Даву, отошел к Новому Быхову, где перешел через Днепр. Во время этой переправы корпус генерала Н. Н. Раевского в течение целого дня выдерживал упорный бой с наседавшим противником у Дашковки (выше по Днепру от места переправы Багратиона). Мужественное сопротивление Раевского дало возможность всем войскам 2-й армии перейти через Днепр. Очутившись на левом берегу Днепра, Багратион был уже вне опасности. Оттуда через Мстиславль открывалась свободная дорога к Смоленску, где, наконец, и произошло соединение обеих армий. Спасение армии Багратиона явилось второй крупнейшей неудачей Наполеона. Ему пришлось лишний раз убедиться в том, что в лице Багратиона он имеет противника, не идущего ни в какое сравнение с теми бесчисленными генералами, которых он без труда разбивал в предшествующих войнах.

После того как было принято окончательное решение — не задерживаться в дрисском лагере, — 1-я армия 2(14) июля покинула его и направилась к Витебску, чтобы ожидать там соединения с Багратионом. Уходя из Дриссы, Барклай оставил на Двине корпус графа П. Х. Витгенштейна для прикрытия дороги на Петербург. Авангард Витгенштейна под командованием Кульнева переправился на левый берег Двины у Друи и напал на дивизию Себастьяни. Эта операция произвела переполох у противника. Наполеон принял ее за начало наступления 1-й армии и с готовностью решил принять страстно ожидаемое им сражение, но скоро убедился в ошибочности своего предположения: Барклай продолжал отступать. Тогда Наполеон решил из Швеция устремиться на Бешенковичи, чтобы там перейти Двину и вызвать Барклая на сражение еще до того, как он окажется в Витебске. Но сделать это ему не удалось: Барклай занял Витебск 11(23) июля, тогда как французский авангард начал переправу у Бешенковичей только на следующий день. Командовавший авангардом Наполеона Мюрат все время порывался втянуть Барклая в бой. Положение Барклая было весьма тяжким: принять бой с более чем вдвое сильнее противником он не мог, а уходить из Витебска не решался, так как здесь было назначено соединение обеих армий, и если бы Барклай ушел, то Багратион был бы отдан в руки Наполеона. Чтобы выиграть время, он выдвинул навстречу наступающему противнику корпус Остермана. В 20 км от Витебска, у Островны, 13(25) июля завязалось сражение, продолжавшееся и на следующий день. С русской стороны им руководил Тучков, со стороны противника — сам Наполеон. После упорного боя Тучков отступил к Витебску. 15(27) июля с рассветом Наполеон начал развертывать войска в виду у Барклая, опять-таки надеясь вызвать его на сражение. Но в это время Барклай получил известие, что Багратион отступает к Смоленску. Барклай немедленно ушел из Витебска под прикрытием арьергарда Палена. 20 июля (1 августа) Барклай вступил в Смоленск, а 22 июля (3 августа) к Смоленску подошел Багратион. Труднейшая

операция по соединению обеих армий была закончена.

В то время как главные силы Наполеона наступали на 1-ю и 2-ю армии, на флангах происходили следующие события. После того как от Барклая отделился корпус Витгенштейна, Наполеон оставил против него корпус Удино, который должен был действовать совместно с Макдональдом. Оба они намеревались соединиться, зайти в тыл Витгенштейну и опрокинуть его на главные силы Наполеона. Операция, однако, не удалась: в сражении при Клястицах части корпуса Удино были разбиты. Преследуя их, авангард знаменитого храбрца Кульнева наткнулся на главные силы Удино и был отброшен, сам Кульнев убит. Но, преследуя отступающих русских, французы были разбиты Витгенштейном. В помощь им Наполеон отправил корпус Гувмон де Сан-Сира, и Витгенштейну пришлось защищаться против трех корпусов. Противник, впрочем, проявлял мало активности, и обе стороны в течение августа и сентября лениво перестреливались. Тем не менее основная задача Витгенштейна была выполнена: дорога на Петербург оказалась хорошо защищенной.

Замечательное искусство, с которым Барклай и Багратион уклонялись от боя с гораздо более сильным противником, и несмотря на все усилия Наполеона помешать, все же соединились, нанесло серьезный удар Наполеону. К тому же состояние «великой» армии после почти двухмесячного наступления начинало внушать тревогу. Стремительность наступления войск Наполеона не давала возможности своевременно подвозить провиант. В армии началось недоедание. Уже под Витебском лошади получали один лишь зеленый корм, а людям вместо хлеба выдавалась мука, которую им приходилось класть в суп. Развивалось мародерство и дезертирство. Начались эпидемии, опасность которых увеличилась еще потому, что санитарных средств в армии почти не было. В результате этого убыль в войсках достигала 30%¹. Настроение солдат и офицеров быстро падало. Правда, русской армии также приходилось трудно. Она страдала главным образом от недостатка воды. Клаузевиц рассказывает, что он никогда в жизни не страдал так от жажды, как во время отступления русской армии. «Приходилось,— пишет он,— черпать влагу из самых отвратительных луж, чтобы избавиться от этой жгучей муки»². Было в русской армии немало и отставших и больных. Соединившиеся в Смоленске армии насчитывали всего-навсего 113 тыс. человек, потери доходили до 37 тысяч. Но русская армия отступала по своей земле, к ее услугам было все, что только могли дать жители. С величайшим вниманием относился к ней народ, видя в ней главного защитника от наступающего врага. Поработителя же родины — Наполеона — народ встречал с ненавистью, возраставшей по мере продвижения его в глубь России. Физические силы «великой армии» начали

таять, вместе с тем падало ее моральное состояние.

Высшее командование армий, объединившихся в Смоленске, признало необходимым дать бой Наполеону. Однако Барклай не считал возможным дать противнику решительное сражение и бросить на него все свои силы: он предпочитал действовать более осторожно. По его распоряжению, часть войск была направлена к Рудне, с тем, однако, условием, чтобы не уходить от Смоленска далее трех переходов. Кроме того на всякий случай к Красному был двинут отряд Неверовского. Наполеон в стремлении вызвать русских во что бы то ни стало на решительный бой задумал смелую операцию захвата Смоленска в тылу у русской армии, после чего, по его мнению, русским нельзя было бы избежать сражения. 1(13) августа Мюрат, Ней и Даву начали наступление на Смоленск и на следующий день наткнулись на отряды Неверовского. С неслыханным героизмом молодые, не бывавшие еще в бою солдаты Неверовского отражали в течение всего дня атаки конницы Мюрата. «Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских. Можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя», — доносил о подвиге отряда Неверовского Багратион³. Только благодаря мужественной защите Неверовского Мюрату не удалось взять сналету Смоленск, как он рассчитывал. Тем временем войска обеих армий поспешили к Смоленску, и задуманная Наполеоном операция провалилась.

4(16) и 5(17) августа происходили жаркие бои под стенами Смоленска, выстроенными еще при Борисе Годунове. Жестокий артиллерийский обстрел города, предпринятый Наполеоном, не дал в первый день боя никаких существенных результатов. Но превосходство сил неприятеля убедило Барклая в необходимости продолжать отступление. Было решено, что первой начнет отступление армия Багратиона, следом за ней, прикрывая ее, двинется Барклай. Оборона Смоленска поручалась корпусу Дохтурова. В течение 5(17) августа отчаянные атаки Наполеона и интенсивный артиллерийский огонь не увенчались успехом: Дохтуров с поразительным упорством продолжал удерживать объятый пламенем город. Лишь после того как Барклай со своей армией ушел, Дохтуров покинул развалины Смоленска, уничтожив мосты через Днепр. Попытка Наполеона перерезать дорогу отступающему Барклаю не удалась, и русская армия опять ускользнула от него.

Война принимала непредвиденный для Наполеона оборот. Становился очевидным ее затяжной характер. Все стратегические расчеты Наполеона разбивались об искусство русских военачальников. Второй месяц

¹ Михневич Н. Указ. соч., стр. 113.

² Клаузевиц. Указ. соч., стр. 123.

³ Богданович М. «История Отечественной войны 1812 г.». Т. I, стр. 245.

войны был на исходе, а русская армия продолжала сохранять прежнюю силу сопротивления. Взятие Смоленска истолковывалось Наполеоном в официальных бюллетенях как крупная победа, но в глубине души он, видимо, начинал тревожиться за успех кампании: в слишком большом противоречии с официальным оптимизмом Наполеона находилась его первая попытка завязать с Александром мирные переговоры, произведенная сейчас же после вступления в Смоленск. Он велел привести к себе взятого в плен раненого генерала Тучкова 3-го, обласкал его и просил написать его брату, командиру 3-го корпуса, письмо с предложением Александру вступить в переговоры о мире. Письмо Тучков написал, оно было переправлено через Барклая царю, Александр его прочел, но оставил без ответа.

Первые же два месяца войны показали всему миру героизм русской армии. Несмотря на длинный ряд кровопролитнейших сражений русская армия стояла перед неприятелем все такой же грозной, какой была и в самом начале войны. Обнаруженный армией в этой войне героизм не может быть объяснен лишь одними качествами русского солдата, его высоким пониманием воинского долга или качествами военной муштровки. Война 1812 г., в отличие от ряда других войн, которые Россия вела, была войной справедливой, отечественной, народной. Приходилось защищать родину от покушения на ее целостность и независимость. Защита родины придавала войне глубоко народный характер. Наполеон грозил России национальным порабощением. Цели борьбы с вторгшимся насильником, иноплемennым завоевателем, сеявшим повсюду смерть и разрушение, были ясны народной массе, и борьба с врагом явилась поэтому кровным делом народа.

Душитель французской революции, Наполеон шел на Россию с захватнической войной, продиктованной интересами крупной французской буржуазии; захватнические, империалистические войны Наполеона порождали «в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»¹, — писал Ленин. Русский народ и повел против Наполеона национально-освободительную войну.

Пробуждение народного духа, наступившее после вторжения Наполеона в Россию, засвидетельствовано многими современниками. И. Д. Якушкин в своих записках высказал следующую мысль: «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцати языци, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение»². О том же пишет Н. И. Тургенев в книге «Россия и русские». П. А. Вяземский, вспоминая о 1812 г., заявляет, что всеобщее одушевление было

«не мимолетной вспышкой возбужденного патриотизма, не всеподданнейшим угождением воле и требованиям государя»³. П. Г. Каховской писал к Николаю I из крепости: «В 1812 г. нужны были неимоверные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества»⁴. Н. А. Бестужев из крепости же обращался к Николаю I с такими замечательными словами: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России»⁵.

Единомысленный порыв, с которым народные массы восстали против вторгшегося в Россию врага, был ложно истолкован дворянской и буржуазной историографией, распространявшей легенду о полном уничтожении всех социальных противоречий в русском обществе в период борьбы с Наполеоном. Вся страна, утверждала эта историография, ополчилась против врага, охваченная единым, общим порывом, и царь, помещик и мужик слились в одну семью. Это совершенно неверно: ни о каком мирном содружестве классов во время войны 1812 г. не может быть и речи. Классовая борьба продолжалась, и целый ряд фактов убедительно и красноречиво подтверждает это положение.

При изучении документов, относящихся к отечественной войне, с совершенной точностью устанавливается факт отсутствия доверия со стороны правящих классов к патриотическому одушевлению народных масс и вместе с тем нескрываемая боязнь их. С. Глинка рассказывает, как он после взятия Смоленска предложил московскому главнокомандующему Ф. В. Ростопчину организовать в Московском уезде охотничьи дружины. Ростопчин сперва согласился, но потом раздумал, сказав: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ. Мое дело выпроводить теперь дворян из уездов московских»⁶. Ростопчин, как и многие другие, плохо верил, что русский народ повернется против французов, и опасался, что скорее он обратит свой гнев против помещиков. Генерал-губернатор новгородский, тверской и ярославский принц Георгий Ольденбургский 10(22) сентября предписывал ростовскому уездному предводителю дворянства ряд мер полицейского характера с целью предупреждения возможных крестьянских волнений. В частности он приказывал: «Внутренних вооруженный поселян надлежит совершенно избегать, ибо оные могут иметь последствия самые пагубные»⁷.

Явная тревога сквозит и в тех афишах, которые сочинял и печатал Ростопчин в Москве вскоре же после начала войны.

³ Вяземский П. Соч. Т. VII, стр. 193.

⁴ «Из писем и показаний декабристов», стр. 19. СПб. 1906.

⁵ Там же, стр. 35.

⁶ «Записки о 1812 году Сергея Глинки», стр. 255. СПб. 1895.

⁷ «Русская старина» № 10 за 1884 г., стр. 212.

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 181.

² Якушкин И. «Записки», стр. 11. М. 1926.

Афиши, по собственному признанию Ра-стопчина, преследовали цель возбуждать в народе патриотизм и содействовать прекращению волнений. Раstopчин призывал народ «иметь послушание, усердие и веру к словам начальников», предостерегал его от доверия ко всяким распускаемым слухам. Хвастливые афиши Раstopчина, написанные, по выражению ростовского городского головы Маракуева, «языком цдеревенских баб», сыграли скорее вредную роль, так как они вселяли в московское население необоснованные надежды на быструю и легкую победу над врагом.

Насколько же была реальна угроза крестьянских выступлений в период войны 1812 года? Ряд отдельных выступлений крестьян против помещиков отмечается и в 1812 году. Так, в Борисовском повете (уезде), Минской губернии, крестьяне составили несколько отрядов и организовали нападения на хлебные амбары и кладовые местных помещиков. Крестьяне Игуменского повета при приближении неприятеля скрылись в леса. Вместе с ними бежал и их помещик Гласко. Он и в лесу продолжал обременять крестьян непосильной работой и жестоко наказывал их. Крестьяне не выдержали и убили Гласко вместе со всей его семьей. Проявили неповиновение крестьяне поручика Малышева, вотчина которого находилась на границе Смоленской и Витебской губерний. 8 августа витебский вице-губернатор донесил Витгенштейну о «буйстве и возмущении» крестьян в поветах Полоцком, Городецком и Невельском и требовал присылки солдат для усмирения. Волнения были в Московской, Калужской, Орловской, Казанской, Саратовской и других губерниях. Особенно сильные волнения наблюдались в декабре 1812 г. в Пензенской губернии среди ратников ополчения. Волнения сопровождались убийствами и избиениями офицеров ополчения. О характере движения можно судить по такому факту. В Инсарском уезде некая старуха из крепостных, обращаясь к офицеру, спасавшемуся от восставших, сказала: «Это не Пугачев, тогда вас не всех перевешали, а нынче уж не вывернетесь. Нет, полно вам властвовать»¹. Волнения были усмирены с помощью вооруженных отрядов, причем среди восставших были убитые и раненые. Военно-судные комиссии выносили жестокие приговоры.

Этих примеров достаточно, чтобы опровергнуть легенду о классовом мире, якобы установившемся после вторжения Наполеона в Россию. Отсюда, однако, совсем не следует, что русский народ в своей вражде к дворянству совершенно забыл о том, что отечеству угрожает опасность. Чрезвычайно показательны в этом отношении волнения пензенских ратников. Комиссия военного суда в Инсаре установила, что восставшие предполагали, перебив офицеров, отправиться всем ополчением в

армию, напасть на неприятеля, разбить его и уже потом выпросить себе прощение и свободу от помещиков. Армия Наполеона на острие своих штыков несла не свободу, а новое порабощение. Это отлично понимал в своей массе народ, мужественно боровшийся за целостность и независимость родины.

В свете народного героизма, так ярко проявившегося в памятные дни 1812 г., значительно тускнеют патриотические порывы дворянства и купечества, по поводу которых в литературе складывались целые легенды. Лучшая часть дворянства поняла всю серьезность момента и без громких фраз, надев военный мундир, отправилась защищать родину. В числе патриотов 1812 г. было немало будущих декабристов: Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев, Батеньков, Штейнгель, Лунин и др. Настроения этой части дворянства хорошо характеризуются таким отрывком из письма К. Н. Батюшкова П. А. Вяземскому: «Я решился, и твердо решился, отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце,— сердце, лишенное покоя ужасными происшествiями нашего времени»². Однако значительная часть дворянства обнаружила отсутствие сознания долга перед страной и прежде всего заботилась о себе.

Еще до взятия Смоленска дворяне стали покидать Москву, после же взятия Смоленска началось настоящее бегство. «Такие выезды и вывозы,— по свидетельству Глинки,— крайне сердили и раздражали народ». Дворянство стало усиленно молиться об избавлении от грозящей опасности. «Видя бар и барынь, скачущих к церкви,— рассказывает Глинка,— народ кричал: «Вот теперь стали молиться, а то пиры да балы. Плясали, мотали, да и накликали беду»³. Один из современников войны 1812 г., мещанин Петр Кондратьев, рассказывал, что при приближении неприятеля к Москве первыми стали покидать город дворяне. Это вызвало сильный гнев в народе, требовавшем участия мужчин-дворян в защите Москвы. Движимые страхом за свою жизнь, «иные дворяне... наряжались в женские платья, а бакенбарды подвизывали, будто зубы болят, да так и выезжали из города»⁴,— прибавляет Кондратьев. А. В. Никитенко в 1812 г., еще мальчик, живший в отдалении от театра военных действий, вспоминал впоследствии, как «все окрестное общество равнодушно относилось к судьбам отечества... Все, повидимому, интересовались только своими личными делами»⁵.

18(30) июля был издан манифест о сборе ополчения в 16 губерниях. В организа-

² К а л д а ш В. «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников», стр. 203. М. 1912.

³ Г л и н к а С. Указ. соч., стр. 256.

⁴ Т. Н. «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе», стр. 17. М. 1873.

⁵ Н и к и т е н к о А. «Записки и дневник». Т. I, стр. 44. СПб. 1904.

¹ Семевский В. «Волнения крестьян в 1812 г.». «Отечественная война и русское общество». Т. V, стр. 74—114. М. 1912.

нии его дворянство и проявило свое подлинное отношение к судьбам родины. Часть дворянства, правда, отнеслась к этому призыву с полным сознанием своего долга: дворяне организовали отряды, заботились о вооружении и снаряжении ополченцев, сами командовали организованными ими отрядами. Но большинство стремилось использовать положение в своекорыстных целях. Граф Орлов-Давыдов, стремясь сбить с рук негодных крестьян, писал приказчику: «Пьяниц, мотов, непрочных для вотчины, отнюдь не беречь». Растопчин писал Александру, что тайный советник Демидов и камергер кн. Гагарин, имевшие до 300 тыс. годового дохода, взялись обмундировать по полку, но обещания своего и не думают выполнять. Во многих случаях в ополченцы выставлялись заведомо физически негодные к войне крестьяне, без одежды и продовольствия. Власти принимали и таких, а дворяне радовались и благословляли «благоснисходительное» правительство¹.

Что касается купцов, то они жертвовали значительные суммы на военные нужды; одно московское купечество пожертвовало громадную сумму—10 млн. рублей. Но многие из них старались заработать на военных поставках и подрядах, входили в сделки с интендантами и наживали большие барыши, поставляя нередко негодные продукты по вздутым ценам. По свидетельству А. Бестужева-Рюмина, купцы «бессовестно воспользовались этим случаем (т. е. манифестом об ополчении) для своего обогащения». Так например предметы военного снаряжения (сабли, пистолеты, карабины) стали продаваться во много раз дороже.

Будущий декабрист С. Г. Волконский на вопрос Александра о духе армии и народа отвечал, что дух этот превзошел все ожидания. Когда же царь спросил о дворянстве, Волконский был вынужден ответить: «Стыжусь, что принадлежу к нему—было много слов, а на деле ничего»².

В Литве и Белоруссии, куда армия Наполеона вступила тотчас же после перехода границы, политическая ситуация была более сложной. Польское дворянство, мечта о восстановлении польского государства в границах 1772 г., с нетерпением ожидало войны Наполеона с Россией, видя в нем грядущего «избавителя» от власти царизма. С другой стороны, отношения крестьян с помещиками были очень напряжены. Помещики опасались, что с уходом царской армии начнутся крестьянские волнения, которые они при отсутствии воинской силы не в силах будут подавить.

17(29) июня 1812 г. в великом герцогстве Варшавском польским дворянством бы-

ла образована генеральная конфедерация, которая в особом акте выразила намерение всеми средствами помогать Наполеону. Литовская шляхта немедленно откликнулась на образование в Польше конфедерации: как только царские войска оставляли ту или иную часть литовской территории, там возникали местные конфедерации, присоединявшиеся к акту генеральной польской конфедерации.

Французские войска заняли Вильну 16(28) июня 1812 года. Литовская шляхта и крупная буржуазия радостно встречали вступление войск наполеоновской армии в историческую столицу Литвы. Вильна стала главным штабом французской армии, отсюда исходили все распоряжения по гражданской части для местностей, где вводилось французское управление. Вильна должна была стать и основной продовольственной базой для армии. Наполеон 1 июля нового стиля опубликовал положение о временном правительстве великого княжества Литовского. Функции временного правительства были весьма ограничены, и «самостоятельность» его была чисто призрачной, поскольку все его действия находились под контролем императорского комиссара (герцога Бассано), через которого воздействовал на правительство сам Наполеон. Снабжение армии продовольствием, охрана спокойствия и порядка, борьба с дезертирами и бродягами, организация и обмундирование собственной армии составляли основное содержание всей деятельности временного правительства.

Опорой власти Наполеона в Литве явилась вновь организованная государственная жандармерия, направленная прежде всего против крестьянства. В Вильно была образована национальная гвардия в составе двух батальонов, которая должна была поддерживать в городе спокойствие и удерживать городскую плебейскую массу от возможных революционных выступлений. Французы чувствовали себя хозяевами в оккупированной Литве. Их самовольные действия при сборе продовольствия, уплата за продукты не наличными деньгами, а квитанциями вызвали ропот среди крестьянства. Мародерство «великой» армии с самого начала оккупации Литвы стало весьма распространенным явлением. В департаментах организовывались отряды для борьбы с мародерами, крестьяне уходили в леса с семьями и скотом.

6 июля 1812 г. было опубликовано воззвание временного правительства к городским и уездным властям, в котором приказывалось всем крестьянам, жителям местечек и деревень, оставшим при приходе войск свои дома, вернуться и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей. Правительство провозглашало неизбежность крепостного права и угрожало сельскому населению всякими наказаниями, если оно будет «выполнять свои обязанности дурно». Обращаясь к духовенству, правительство просило его побудить крестьянство духовными средствами «немедленно возобновить постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей». Но крепостное крестьянство

¹ Кабанов А. «Ополчение 1812 г.». «Отечественная война и русское общество», стр. 48—51, 52.

² Волконский С. «Записки», стр. 193. СПб. 1901.

осталось глухим к правительственным воззваниям.

Временное правительство обложило барщинных и оброчных крестьян, а также и деревенских ремесленников-кустарей новым налогом. Для крестьянского населения, уплатившего недонки и вторичную подушную подать за первую половину 1812 г., это было невыносимым бременем. Крупные землевладельцы, напротив, были поставлены в особое привилегированное положение: все, кто владел более чем, 1000 дворами, уплачивал всего 500 золотых налога. Отдельным налогом было обложено еврейское население. Но и эти финансовые мероприятия не дали положительных результатов: казначейство временного правительства пустовало. Французское военное командование не считалось с финансовым положением временного правительства и предъявляло к нему все больше и больше требований.

1 июля Наполеон издал декрет об образовании литовской армии в составе 8 полков (четырёх кавалерийских и четырёх пехотных); 25 июля был назначен набор рекрутов. Многие крестьяне ответили на декрет уходом в леса, где выловить рекрутов было совершенно невозможно; правительству не удалось поэтому собрать полный комплект рекрутов.

В разных местах были открыты постоянные и временные военные хлебные магазины, вся тяжесть организации которых падала на крестьян, вынужденных отдавать последние остатки хлеба и скота.

С отступлением русской армии французские войска стали постепенно занимать и восточную Белоруссию. Вступив в Витебск, французское командование во главе с Коленкурром организовало новое управление, но на других началах, чем в Литве. Во главе французской администрации был поставлен императорский комиссар, возглавлявший «Распорядительную комиссию», через которую французское военное командование осуществляло свои планы. К участию в управлении были привлечены представители крупной земельной аристократии. Попытка главного комиссара взять с населения подушную подать и здесь, как и в Литве, оказалась безрезультатной: заставить крестьян, уже уплативших в 1812 г. подушную подать русскому правительству, внести ее вновь было невозможно. Попытка произвести рекрутский набор также закончилась полной неудачей. Наполеон поручил главному комиссару организовать продовольственные магазины с таким расчетом, чтобы можно было прокормить всю армию в течение 10 дней и один корпус в течение всей зимы. Но и из этих планов ничего не вышло: собрать такие громадные хлебные запасы оказалось невозможным. Эта грабительская политика поддерживала в крестьянстве враждебное отношение к французскому командованию. Население убегало в леса и оттуда нападало на французскую армию. Землевладельцы игнорировали приказ о рекрутском наборе и не дали ни одного солдата, хотя страх перед крестьянскими волнениями и заставлял их угождать французам, которые пытались военной силой привести крестьян к повиновению.

В самом Витебске был организован муниципалитет, вся деятельность которого сводилась к удовлетворению продовольственных нужд французской армии. Он не имел никакой самостоятельности, и власти разговаривали с ним на языке ультиматумов. Аналогичной была организация управления в Могилеве, который был занят маршалом Даву 8 июля. Городское население Могилева встретило приход французов крайне враждебно; часть жителей оставила город до вступления в него французов. Совершенно иное отношение к приходу французов было проявлено местными землевладельцами, которых очень встревожили крестьянские волнения, охватившие Могилевскую губернию. По просьбе помещиков маршал Даву посылал карательные экспедиции для подавления крестьянского движения. В имениях были размещены французские и польские солдаты, охранявшие загородные дома и усадьбы помещиков. Местные помещики-поляки встретили приход французских войск ликованием и пением в костелах патриотических гимнов в честь Наполеона. Они немедленно присоединились к акту польской конфедерации. Русские помещики Воронцовы, Салтыковы и другие, получившие земли в белорусских губерниях после первого раздела Речи Посполитой, не поддерживали патриотического восторга поляков, но, нуждаясь в военной помощи французов против крестьянских волнений, также держались французской ориентации. Могилевская и Витебская губернии не были присоединены Наполеоном к «восстановленному» великому княжеству Литовскому. По требованию Даву все население Могилева было приведено к присяге на верность Наполеону. Конечно, ни могилевский муниципалитет, ни местная губернская комиссия не располагали никакой самостоятельностью в своих действиях. Они были лишь молчаливыми исполнителями распоряжений военного командования. Католическое духовенство всячески поддерживало оккупантов. Православное духовенство также присягнуло Наполеону; по распоряжению Даву впредь до принесения ими присяги закрывались все православные церкви.

Лишь только французская армия вступила на территорию Литвы и Белоруссии, как крестьянство скоро убедилось в том, что Наполеон на стороне помещиков: он не только не собирался давать крестьянам личную свободу хотя бы по примеру Варшавского герцогства, а, наоборот, бросал свою армию против крестьянства, не желавшего повиноваться помещикам. Поэтому продвижение Наполеона по Литве и Белоруссии в глубь России сопровождалось борьбой партизанских отрядов с отрядами «великой армии».

Французы двигались вперед в условиях плохо обеспеченного тыла; приходилось расплющить свои силы для подавления крестьянских выступлений. Наиболее значительным было крестьянское движение в минском департаменте, Витебской и Могилевской губерниях. Захват помещичьего имущества, убийство экономов и арендаторов, поджоги усадеб были обычными фор-

мами протеста. Крестьяне забирали весь помещичий хлеб, жгли помещичьи дома. Французское военное командование в конце августа использовало военные отряды для подавления крестьянского движения и возвращения крестьян к повиновению своим помещикам. Минский военный губернатор Брониковский назначил для борьбы с крестьянским движением особых плац-комендантов с предоставлением в их распоряжение военной силы. Но и военная сила не могла заставить крестьян вернуться к послушанию. Разгар крестьянского движения приходился на август 1812 г. — время усиленных продовольственных реквизиций и большого развития мародерства на территории Белоруссии и Литвы.

Отказываясь повиноваться своим помещикам, уходя в леса, недоступные французским войскам, скрывая продовольствие и нападая на отставшие части «великой» армии, крестьяне сорвали с самого начала заготовительную продовольственную политику Наполеона, ослабили тыл армии и отвлекли значительные военные части, оставленные для защиты помещиков. Этими своими действиями белорусский народ подготавливал почву для разгрома «великой» армии русским народом.

Во время войны 1812 г. на Украине были сформированы казачьи полки, предназначенные для 3-й армии под командой генерала Торماسова, прикрывавшей югозападные части империи и оперировавшей на коммуникационных линиях наполеоновской армии.

На Правобережье было сформировано конное войско в составе 4 полков, набор которых производился в 12 поветах Киевщины и 4 поветах Подолии. На Левобережье сформировано было 17 казачьих полков, выступивших в Туле и Калуге; в Полтавщине было организовано 7 конных и 4 пеших казачьих полка, в Черниговщине — 6 полков по 1200 человек в каждом. Помещик Скаржинский сформировал особый батальон из крестьян (непомещичьих), который под командой Скаржинского неоднократно участвовал в боях в составе армии Чичагова и после войны 1812 г.; все чины батальона были награждены серебряными медалями.

Кроме казачьих полков на Украине были сформированы в 1812 г. и крестьянские ополчения, которые приняли участие в преследовании отступавшей наполеоновской армии. Украинские ополченцы бились в бою под Полоцком, полтавское ополчение принимало участие в осаде Замостья; другие участвовали в смоленских операциях в составе корпуса генерала Ожаровского и в боях на Волыни в составе корпуса генерала Рота. Украинские ополчения, не участвовавшие в походах, охраняли кордонную линию по границам Минской, Могилевской и Киевской губерний. 8(20) августа закончились бои под Смоленском. Русская армия отступала. Уже давно в армии раздавались голоса, требовавшие приостановки отступления; армейская масса не соглашалась со стратегическим планом Барклая, настойчиво

заявляя о своем желании прекратить дальнейшее продвижение врага. И так рассуждала не только масса: в армии находились очень авторитетные лица, которые открыто протестовали против отступления. К их числу принадлежали Багратион и Ермолов, начальник штаба первой армии. Багратион давно уже писал негодующие письма Аракчееву, Ермолову, царю. Когда же дело дошло до сдачи Смоленска, гневу его не было границ: в письме к Аракчееву от 7(19) августа он называл Барклая «дрянным генералом», ведущим за собой «гостя в столицу», и прозрачно обвинял Барклая в измене (слухи об этом давно уже распространились в армии)¹. Через день — 9(21) августа — в письме к Ермолову Багратион решительно заявляет: «Воля ваша, отсюда ни шагу, если вы прочь, то я вам оставлю армию и поеду к государю»². Тактика отступления Барклая была в данных условиях единственно правильной тактикой, «делом не свободного выбора, а суровой необходимости»³. Суд истории реабилитировал талантливого полководца. Но в тот момент тактика отступления не была популярна. Дворянское общество выражало сильное недовольство непрерывным отступлением армии и тоже склонно было приписать это неумению или даже предательству Барклая. Голоса, требовавшие смены руководства армией, становились все настойчивее. Общественное мнение и армия указывали лишь на одного кандидата, пригодного для поста главнокомандующего, — на Михаила Илларионовича Кутузова.

Кутузов был единственным из оставшихся в живых сподвижников Суворова и почти его ровесником. Еще в екатерининские времена он заслужил славу выдающегося полководца и храброго генерала. Кутузов усвоил основные стратегические и тактические приемы Суворова и его взгляды на систему воспитания и обучения солдат. В обществе и армии он пользовался исключительной популярностью. В те дни, когда война с Наполеоном стала войной народной, единственным вождем армии мог быть Кутузов, ибо никто из старых русских полководцев не был ближе к народу, чем этот выученик суворовской школы. Но Александр не скрывал своей неприязни к Кутузову, особенно после памятных ему дней Аустерлица. Кутузова нельзя было назвать слепым и раболепным поклонником царя; «гатчинского» духа, прочно сидевшего в Александре еще со времен Павла, Кутузов не выносил. Но страна требовала назначения Кутузова главнокомандующим, и Александр был вынужден уступить. Он откровенно признался в этом в письме к Екатерине Павловне от 18 сентября: «Мне оставалось только усту-

¹ Михневич. Указ. соч., стр. 137.

² Коллюбакин Б. «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа». «Отечественная война и русское общество». Т. III, стр. 202.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 569.

пить единодушному желанию, и я назначил Кутузова... Из трех генералов (т. е. Барклай, Багратиона и Кутузова), равно неспособных (!) к роли главнокомандующего, я должен был остановить выбор на том, кого наметил голос народа»¹. 8(20) августа состоялся приказ о назначении Кутузова главнокомандующим.

Пока Кутузов ехал из Петербурга к армии, Барклай продолжал отступать. Несколько раз — на реке Уже, у Вязьмы, у Царева-Займища — он пытался остановиться и дать Наполеону генеральное сражение, но в последний момент отменял данное приказание. 17(29) августа в Цареве-Займище произошла встреча армии с Кутузовым, и полномочия Барклая кончились.

Приезд Кутузова к армии должен был обозначать конец отступления. Но Кутузов, опытный, поседевший в боях полководец, понимал, что переходить русской армии в наступление еще рано. Перевес сил Наполеона был все еще очень значителен, и он мог нанести непоправимый вред русской армии. Сохранился любопытный рассказ И. М. Снегирева об оценке Кутузовым самого себя: «Когда Кутузову поручили начальство над армиею в 1812 г. и когда он, задумавшись, сидел облокотясь, зять его спросил: «О чем вы задумались? Верно, о том, как разбить Наполеона?» «Нет, мой друг, я не о том думаю, как бы разбить его, на это надобна такая же армия, как его, а о том, как бы его обмануть»². И уж, конечно, не в генеральном сражении собирался Кутузов обмануть Наполеона. Поэтому-то он по приезде в армию вовсе не торопился отдавать приказ о приостановке отступления и подготовке к генеральному бою.

Но что генеральный бой должен быть рано или поздно дан, в этом Кутузов не сомневался. Такого боя хотели армия и народ, возмущенные хозяйничаньем врага на территории России. После падения Смоленска ни у кого не оставалось сомнения в том, что Наполеон стремится овладеть Москвой. Отдавать же Москву без боя — это была такая жертва, на которую не пошли бы ни армия, ни народ. Все это отлично понимал Кутузов. Вовсе не форсируя генерального боя, так как не в нем он видел средство уничтожения Наполеона, Кутузов в то же время внимательно отыскивал наиболее удобное для него место. Еще 19 августа (1 сентября) из Гжатска он писал дочери Анне: «Мне не нравится ваше пребывание около вашей Тарусы (город к востоку от Малоярославца. — А. П.); вам могут наделать беды... Я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжайте же, дорогой друг, но я требую, чтобы сказанное мною было хранимо вами в глубочайшей тайне. Потому что, если оно

получит огласку, мне это сильно повредит»³. Таким образом, еще до Бородины Кутузов предвидел возможность оставления Москвы и образования театра военных действий в районе Малоярославца.

К отступающей русской армии прибыло подкрепление — Милорадович во главе 15-тысячного отряда и 10 тысяч московского ополчения под командованием Маркова. Это обстоятельство ускорило решение вопроса о выборе позиции для генерального боя. Посланные Кутузовым вперед офицеры его штаба остановились на поле вблизи селения Бородино, в 12 км к западу от Можайска. Бородинскому полю было суждено стать местом одной из самых замечательных битв во всемирной истории.

22 августа (3 сентября) Кутузов прибыл в Бородино. К этому времени русские войска расположились на поле в следующем порядке: правый фланг — от деревни Маслово до центрального кургана (батареи Раевского) — занимала армия Барклая, левый фланг — от батареи Раевского до Шевардина — армия Багратиона. Левый фланг, занимая позицию между Новой и Старой смоленскими дорогами, по которым двигалась армия Наполеона, подвергался опасностям флангового удара и обхода. К тому же по количеству войск он был наиболее слабым на всем фронте Бородинской позиции. Эти обстоятельства заставили Кутузова отдать распоряжение об отводе левого фланга назад, к Семеновскому кургану, где были построены укрепления — Семеновские, или Багратионовы, флеши. Этот отход, совершенный 24 августа (5 сентября), сопровождался упорным боем с наседавшими французами. Бой, получивший название Шевардинского, дал возможность левому флангу занять гораздо более удобную позицию. Следующий день прошел в последних приготовлениях к решительной встрече. С рассветом 26 августа (7 сентября) загремела канонада у Семеновской, началась ружейная перестрелка у Бородина, французские полки пошли в атаку на русские укрепления и начался Бородинский бой. Со стороны русских в бою принимали участие 110—120 тыс. человек при 654 орудиях; со стороны французов — 125 тыс. человек при 556 орудиях. Еще в бою при Шевардине можно было предполагать, что основной удар Наполеон нанесет левому флангу русской армии. Первый удар Наполеон обрушил на село Бородино, чтобы сковать правый фланг Кутузова, и одновременно опротивыми силами атаковал левый фланг. У Семеновских флашей с 5½ утра до 12½ дня кипел ожесточенный бой. Французы произвели 8 атак, флеши несколько раз переходили из рук в руки. Первые атаки были особенно тяжелы, так как Барклай имел возможность прислать подкрепления лишь часам к 10, а до этого 15 тыс. русских удерживали около 30 тыс.

¹ Вел. кн. Николай Михайлович «Переписка императора Александра I с великой кн. Екатериной Павловной», стр. 87. СПб. 1910.

² «Русская старина» за сентябрь 1912 года, стр. 372.

³ Георгиевский Г. «Кутузов в переписке с родными». Журнал министерства народного просвещения за январь 1912 года, стр. 31.

французов. Русские несли колоссальные потери, но держались героически. Командир сводно-гренадерской дивизии, защищавший флеши, Воронцов в своих воспоминаниях говорит, что его дивизия исчезла «не с поля сражения, а на поле сражения». Наполеон бросил лучшие силы на этот участок боя (корпуса Жюно, Ней, Даву), выставил против флешей 400 орудий. Кутузову стало ясно, что крайний правогофланговый участок фронта потерял значение, поэтому он решил перебросить правофланговые корпуса на левый фланг с целью его укрепления. Около 12 часов Кутузов направил Платова с казаками и Уварова с 1-м конным корпусом в обход справа в тыл Наполеона для диверсии: он хотел отвлечь этим внимание Наполеона и произвести соответствующую перегруппировку войск. Но как раз около этого времени французы начали свою решительную атаку на флеши, имея почти тройное превосходство в силах. После отчаянного боя, в котором русские проявили беспримерную храбрость, поразившую Наполеона, флеши были взяты французами. Багратион в этой последней атаке был смертельно ранен. Русские отошли за Семеновский овраг. Немедленно же Ней и Даву начали атаку русских на вновь занятой ими позиции. Атака была поддержана кавалерией Мюрата, обрушившейся на русские позиции с обоих флангов. Особое мужество в отражении кавалерийских атак проявили Измайловский и Литовский полки, стоявшие на левом фланге. Семеновская позиция была взята французами лишь после того, как была введена в бой находившаяся в резерве дивизия Фриана. К 2 часам дня защитники Семеновской позиции отошли на третью Бородинскую позицию — за верховья речки Семеновки.

Диверсия Кутузова в тыл Наполеона не спасла Семеновских флешей и Семеновской позиции, но она оказала большую услугу защитникам батареи Раевского. Атаки на эту батарею начались с 9 часов. Во время второй атаки батарея была взята французами. На выручку ее Кутузов направил начальника штаба 1-й армии Ермолова. Контратака русской пехоты выбила французов из батареи. В пылу преследования врага русская пехота зашла так далеко, что возникла опасность ее окружения. Никакие усилия Ермолова не могли остановить солдат, он был вынужден приказать драгунам заскакать вперед и гнать пехоту обратно. Наполеон приказал начать третью атаку батареи, но в этот момент ему сообщили о диверсии Платова. Немедленно приказание было отменено, и Наполеон сам поскакал на место происшествия; убедившись в том, что диверсия произведена незначительными силами, он вернулся обратно и только после этого отдал приказ о возобновлении атаки батареи. Двух часов ослабления боевых действий (с 12 до 14) было достаточно для того, чтобы подтянуть к батарее подкрепление. Бой за батарею приняла исключительно ожесточенный характер. Атаки французов были вначале безуспешны, но губительный артиллерийский обстрел батареи и непрерывно подходившие свежие силы дали французам возможность ворвать-

ся в ее укрепление. Рукопашная схватка внутри батареи привела к тому, что почти все защитники ее оказались перебитыми — и батарея перешла в руки французов.

После взятия батареи Раевского (к 16 часам) Наполеон решил объехать поле сражения. С трудом пробираясь сквозь горы людских и конских трупов, он выехал к третьей Бородинской позиции. Сквозь дым сражения он увидел ряды русских войск, после потери половины состава стоявших так же грозно, как и в начале сражения. Зрелище было настолько внушительно, что Наполеон решительно отказался от мысли ввести в бой свой последний резерв — старую гвардию, — чего настойчиво добивались Мюрат и Ней. «На расстоянии трех тысяч километров от Парижа я не могу рисковать старой гвардией», — заявил Наполеон о своем последнем резерве. Интенсивность боя ослабевала. К заходу солнца прекратился ружейный огонь и смолкла орудийная канонада. Наступил конец великой битвы, явившей миру невиданные примеры героизма русской армии.

Один из многочисленных мемуаристов 1812 г., генерал Левенштерн, рассказывая о Бородинском бое, пишет: «Только благодаря беспредельной преданности и самоотвержению солдат армии, удалось оказать французам и их гениальному предводителю упорное сопротивление»¹. Бородинский бой дает множество образцов самоотверженности русского солдата. В анонимной записке «Подвиги русских солдат» рассказывается о том, что стрелок Семеновского полка Чернов накануне боя был тяжело болен и находился в лазарете. Он выпросил у командира полка разрешение вернуться в полк и принял участие в бою. Через два дня, не получив ни единой царапины в бою, он умер. Норов с большой теплотой вспоминает о своем бомбардире Козлове. Когда Норов был ранен, Козлов проводил его на перевязочный пункт. Норов просил своего солдата остаться с ним, но Козлов отвечал: «Позвольте вернуться на батарею: людей много бьет, всякий человек теперь там нужен»². Анонимный автор «Описания Бородинского боя» рассказывает, как кавалерийские корпуса генералов Нансути и Латур-Мобура стремились пробиться сквозь Михайловский и Литовский полки. Губительный огонь неприятеля, конные атаки его, опромные потери в людском составе не сломили сопротивления полков, которые, как говорит автор, «пребыли в наилучшем устройстве и тем заслужили себе неуязвемую славу»³. Н. И. Андреев, долго служивший в армии и участвовавший в нескольких войнах, пишет, что Тарнопольский полк шел в атаку колонной с музы-

¹ «Русская старина» за 1901 г. № 1, стр. 104.

² «Русский архив» за 1881 г. № 3, стр. 200.

³ «Отечественная война 1812 года». Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVI, стр. 116. СПб. 1911 (Материалы Военно-ученого архива).

кой и песнями, «что я, — замечает он, — в первый и последний раз видел»¹. Н. А. Дивов рассказывает, что Ермолов вел солдат в атаку на батарею Раевского после того, как она была занята французами. Дивов видел около батареи пустой овраг. При возвращении обратно оврага уже не было: он весь был наполнен трунами»².

В свете всех этих фактов становятся понятными слова герцога Винценцского, сказанные им, как передает наполеоновский генерал Пеле, в ответ на неудовольствие Наполеона по поводу малого количества русских пленных после атаки Шевардинского редута: «Русские показали себя стойкими, их приходилось валить». Французам в Бородинском бою удалось захватить в плен всего лишь семьсот человек.

Зорким взглядом опытного полководца Кутузов сразу оценил положение после окончания битвы: армия уцелела, не могло быть и речи об ее разгроме. Он написал Барклаю и Раstopчину о своем намерении на следующий день возобновить бой. И только к ночи, когда выяснились ужасающие потери (58 тыс. у русских и не менее 50 тыс. у французов), им был дан приказ об отступлении. В рапорте царю Кутузов, не скрывая правды, сообщал, что армия расстроилась, необходима ее перегруппировка, «а потому, когда дело идет не о славе выигранных только батальев, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском»³. Эти строки не были напечатаны в официальных сообщениях: петербургская цензура сочла неудобным опубликовать их. Русская армия продолжала отступать на восток.

Широкие круги русского общества оценивали Бородинский бой с точки зрения лишь непосредственно следовавших за ним событий. Если рассуждали в русском обществе, и после Бородина армия продолжала отступать и Москва была сдадена, то, следовательно, Кутузова нельзя считать победителем Наполеона. На самом деле это было вовсе не так. Кутузов был совершенно прав, когда в письме к жене от 29 августа (10 сентября), отнюдь не предназначенном для опубликования, писал: «Я, слава богу, здоров и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием»⁴. В самом деле, русская армия сохранила свою боеспособность, и сила сопротивления ее не была сломлена. Артиллерия, штабы, обозы — все это сохранилось в полной мере. Моральное состояние армии не оставляло желать ничего лучшего. Более того, о нее, как говорил Ермолов, расшиблась французская армия. А это при данном соотношении сил нельзя было рассматривать

иначе, как серьезную победу. Нужно было обладать всем опытом и искусством Кутузова, чтобы понять это сразу. Уже много позднее, когда неприятель был изгнан из России, все значение Бородинского боя стало ясно и широким общественным кругам. В 1813 г. в Москве вышла книжка некоего автора, скрывавшегося под псевдонимом «Московский житель», озаглавленная «Русские и Наполеон Бонапарте». В ней следующим образом говорится о Бородинском бое: «Можно поздравить с победой сею не только знаменитое российское воинство, но и весь человеческий род. На Бородинском поле погребены дерзость, мнимая непобедимость, гордость и могущество избалованного счастливица»⁵. Наполеон в своем известном отзыве о Бородинском бое вынужден был признать непобедимость русских войск: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Если Кутузов еще до Бородина считал участь Москвы предрешенной, то теперь, после боя, он не сомневался в неизбежности ее оставления. Армия, начав отступать на рассвете 27 августа (8 сентября), отходила на восток и 31 августа (12 сентября) была уже в Мамонове, т. е. в одном переходе от Москвы. За все это время Кутузов не раз говорил о своем намерении не отдавать Москву без боя. Главнокомандующий не мог открыто говорить о своих намерениях: армия и народ были полны желанием отстоять Москву. Когда 1 (13) сентября в деревне Филях Кутузов созвал военный совет для обсуждения вопроса, сдавать ли Москву без боя или дать под ней бой, у него уже было готово решение. На совете голоса разделились. Часть присутствовавших во главе с Бенингсеном настаивала на сражении. Барклай, поддержанный несколькими командующими, предлагал отдать Москву без боя. Кутузов встал и, подойдя к столу, за которым сидели участники совета, произнес: «Властью, вручаемую мне государем и отечеством, приказываю отступить»⁶. С ясным и твердым сознанием всей огромной ответственности перед страной за принятое решение Кутузов оставлял Москву. Положение его было исключительно тяжелым: он не мог не знать, какое потрясающее впечатление произведет оставление Москвы на армию и народ. Но ведь вся его цель была

⁵ «Русские и Наполеон Бонапарте или рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнанию его из древней Российской Столицы, с присовокуплением многих любопытных анекдотов и плана Москвы, в коем означены горевшие и оставшиеся в целости части города. Писано Московским Жителем», стр. 52. 1813.

⁶ Богданович М. Указ. соч. Т. II, стр. 251—252.

¹ «Русский архив» за 1879 г. Кн. 3-я, стр. 191.

² См. «Русский архив» за 1873 г. Кн. 7-я, стр. 01337.

³ Богданович М. «История Отечественной войны 1812 г.». Т. II, стр. 229—230.

⁴ «Русская старина» за февраль 1872 г., стр. 269.

«устремлена на истребление французской армии». Быть может, только один Кутузов в этот момент предвидел роковые для Наполеона последствия занятия Москвы.

Перед рассветом 2 (14) сентября армия снялась с позиций и двинулась через Москву на Рязанскую дорогу. К вечеру главные силы армии находились в 17 верстах от Москвы, у деревни Панки, где была назначена ночевка. Отступающую армию прикрывал арьергард Милорадовича. Конница Мюрата была так близко от Милорадовича, что Кутузов разрешил ему вступить в переговоры с Мюратом о перемирии на несколько часов, чтобы дать возможность армии выйти из Москвы. В случае несогласия Мюрата Милорадович грозил, что бой будет происходить на улицах города. Мюрат согласился на перемирие, и Милорадович в ночь на 3 (15) сентября ушел из Москвы. Следуя за ним по пятам, авангард Мюрата вступил в Москву.

Московское население отнеслось к оставлению Москвы без боя, как к великому несчастью. А. Бестужев-Рюмин рассказывает, как еще 31 августа (12 сентября) народ с оружием в руках: пиками, вилами, топорами — устремился в предместье Три Горы, «чтобы спасти от наступающего врага Москву». «Малейшая поддержка этого патристического взрыва, — замечает он, — и, бог знает, взошел ли бы неприятель в Москву»¹. Эти люди собрались под Москвой, привлеченные воззваниями Растопчина, который обещал им, что если неприятель приблизится к Москве, то он вооружит народ и сам станет во главе его на защиту города. «Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет», — возвещал Растопчин в своей афише 18 (30) августа. В день Бородинской битвы Растопчин открыл арсенал для бесплатной выдачи оружия населению. Народ искренне хотел отстоять город и собрался к Трем Горам, ожидая, как поведет его в бой сам генерал-губернатор. С. Глинка, при отступлении армии приставший к Любавскому полку и вместе с ним уходивший из Москвы, видел, как народ нес оружие, с помощью которого намеревался «бить французов»².

Не довелось, однако, народу дожидаться своего «вождя», так как Растопчин был в это время занят важным делом спасения собственной жизни. Когда народ узнал, что Наполеон стоит на Поклонной горе, он, естественно, озлобился: бесстыдная демагогия Растопчина сразу же стала ясна. Наиболее горячие головы явились к дому генерал-губернатора и пребывали, чтоб он вышел к собравшимся, «не то доберемся до него», — кричали в толпе. Растопчин велел привести купеческого сына Верещатина, сидевшего в тюрьме и осуж-

денного на каторгу за составление прокламаций в сочувственном Наполеону духе. Как только Верещатин был приведен, Растопчин закричал, указывая на него: «Вот изменник! От него погибает Москва». Толпа стояла неподвижно. Тогда Растопчин приказал двум унтер-офицерам своей охраны убить Верещатина. Пока его терзали и волочили по улице, Растопчин вошел в дом, вышел через задние ворота к ожидавшим его дрожкам и ускакал.

Днем 2 (14) сентября Наполеон, окруженный свитой, въехал на Поклонную гору. Здесь он остановился в ожидании депутации «бояр» с ключами от города, того города, овладение которым, по его убеждению, обозначало конец войны. Во всяком случае, его истощенная армия получит теперь те «удобные квартиры», которые ей были обещаны в приказе Наполеона в день Бородинского боя. Но депутации Наполеон так и не дождался: скоро ему сообщили, что Москва покинута всем ее населением. Изумленный этим сообщением, Наполеон отказывался ему верить, но, тем не менее, пришлось въезжать в город без всякой торжественности. Начало не предвещало ничего хорошего. Виды на будущее стали еще более мрачными, когда в первую же ночь пребывания Наполеона в Москве начались пожары. Их грандиозные размеры не могли не внушить самой серьезной тревоги. Начавшись в ночь на 3 (15) сентября, пожары, усиливаясь, продолжались до 6 (18) сентября. За четверо суток выгорело почти три четверти города. Огнем был охвачен и Кремль, где поселился Наполеон, вынужденный оттуда перебраться в Петровский дворец.

Московский пожар вначале явился результатом прежде всего оставления Москвы ее жителями: достаточно было случайной искры, чтобы деревянный город, брошенный обитателями, загорелся. Не подлежит сомнению, что и сами французы немало способствовали возникновению пожаров, когда они в неистовом грабеже, охватившем армию в первые часы ее пребывания в Москве, разбивали склады со спиртными напитками. Но, несомненно то, что Москву поджигали оставшиеся в ней жители. Пусть лучше сгорит город, чем достанется в руки врагу — такое рассуждение является психологически правдоподобным. Французские власти по понятным причинам усиленно обвиняли население Москвы в умышленных поджогах. Наполеон отдал приказ о расстреле пойманных поджигателей без суда. Большое число расстрелянных еще не дает, однако, оснований считать, что все они действительно были поджигателями. Главным виновником московского пожара французы называли Растопчина, приказавшего увести из Москвы пожарное снаряжение. Сам Растопчин, однако, в брошюре, изданной в 1822 г. в Париже, отрицал свою роль в этом деле. Так встретила Москва завоевателей. О каких уж тут было думать «удобных квартирках»! Но положение армии Наполеона сделалось совершенно безвыходным, когда

¹ «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Ч. 2-я, стр. 83. 1859.

² Глинка С. «Прибавление к русской истории или записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов», стр. 71. М. 1818.

она стала испытывать недостаток продовольствия, ликвидировать который, как показали ближайшие события, не удалось никакими средствами. Угроза подлинного голода нависла над наполеоновской армией.

Александр I много раз публично заявлял, что он не заключит мира с Наполеоном, пока хоть один неприятельский солдат останется в пределах России. Но был ли он достаточно тверд в этом своем решении? Надо полагать, что нет. Вероятно, в кругу очень близких ему людей он проявлял некоторые колебания и полной уверенности в своей твердости внушить не мог. Иначе нельзя объяснить того кричащего письма (всего несколько строк) сестры Александра Екатерины Павловны на другой же день после оставления Москвы (3 (15) сентября). «Москва взята, — писала она Александру, — не забудьте Вашего решения: никакого мира, и Вы еще имеете надежду вернуть свою честь... Мой дорогой друг! Никакого мира, и, если бы вы даже были в Казани, никакого мира»¹. Это письмо, мосящее характер заклинания, показывает, что твердой веры в непоколебимость Александра у Екатерины Павловны не было. Кое-кто из окружавших царя, зная его колебания, также не был проникнут решимостью довести борьбу с Наполеоном до конца. В пользу мира высказывались Константин Павлович, Аракчеев, Балашов, Румянцев. Слухи о таких настроениях бродили, видимо, в довольно широких кругах, иначе не было бы нужды Винценгероде беспокоиться по поводу «вельмож».

И если «вельможи» во главе с царем не пошли на мир с Наполеоном, то только потому, что народ и армия не простили бы такой измены. Мир с врагом, занявшим Москву, мог стоить царю короны, и Александр знал об этом. И так за все неудачи кругом бранили царя, считая его виновником всего перенесенного страной горя. Об этом с беспощадной откровенностью писала Александру Екатерина Павловна, не щадя его болезненного самолюбия: «И не один какой-нибудь класс, но все классы объединяются в обвинениях против Вас». При таком отношении к царю малейшая попытка заключить мир с Наполеоном привела бы к лишению Александра престола. Письма Екатерины Павловны носили характер грозного предостережения. Очень прозрачно намекал на последствия заключения мира для Александра и Раstopчин, писавший царю 13 (26) сентября: «О мире ни слова: то было бы смертным приговором для нас и для вас»². Народ и армия хорошо понимали, что не царь и не «вельможи» будут организаторами победы над врагом: можно было рассчитывать только на самих себя, и народ вместе с армией горячо принялся за дело изгнания врага из родной земли.

Московский пожар не уничтожил всех запасов, находившихся в городе. Но, как было указано выше, недостаток продовольствия начинал беспокоить командование наполеоновской армии. Особенно тревожно дело обстояло с фуражом. Немедленно после занятия Москвы начались поиски фуража в ее окрестностях, для чего в подмосковные деревни были направлены фуражировочные отряды. Вместе с ними из Москвы рассыпались в разные стороны многочисленные шайки мародеров, не удовлетворявшихся тем, что им удалось натрабить в Москве.

Народ защищался. Он не только не давал фуража, но часто забирал в плен посланных за ним. Английский комиссар при Кутузове Роберт Вильсон писал 27 сентября (9 октября) английскому послу в России лорду Каткарту, что крестьяне, снабженные оружием из армии, «много нанесли вреда развезцам фуражиров и конвоям неприятельским, а строгим исполнением военного закона распространили много страха»³. А. И. Данилевский, записавший подробности о крестьянской войне, как он сам говорит, на основании опроса крестьян в присутствии Кутузова и по его приказанию в Леташевке, сообщает, что крестьяне «действовали вокруг Москвы по всем направлениям и составляли первую цель осаждающих около сей столицы»⁴. Столкновения между крестьянами и неприятельскими отрядами принимали иногда характер настоящих боевых действий. Так, например, крестьяне села Павловса, Богородского уезда, под предводительством своего односельчанина Герасима Курина 1 (13) октября вступили в настоящий бой с двумя неприятельскими эскадронами и обратили их в бегство, захватив много военного снаряжения. Вильсон писал, что во время пребывания русской армии у Красной Пахры (с 8 (20) по 13 (25) сентября) он был свидетелем того, как крестьяне брали в плен не только фуражиров, но и солдат боевых отрядов армии Наполеона, причем иногда с трофеями в виде пушек, пороховых ящиков и т. п. «Захвачено множество повозок и прочего на пути как в Москву, так и оттуда», — сообщает Вильсон. Свои наблюдения над участием народа в обороне страны Вильсон заключает таким признанием: «Никогда война тверильсов в Испании не была более успешной и, наверное, не была столь пагубна для неприятеля»⁵. Действия крестьян соединялись с действиями партизанских отрядов, формируемых Кутузовым из состава регулярной армии. Отряды Дорожова, Сеславина, Фигнера и других начинали тогда развешивать свою деятельность, достигшую

³ «Отечественная война в письмах современников», сост. Н. Дубровиным, стр. 205. СПб. 1882.

⁴ «Вестник Европы» за 1817 г. Ч. 96-я, № 21, стр. 129—146.

⁵ «Русский вестник» за 1862 г. Т. 37, стр. 154.

¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч., стр. 84.

² «Русский архив» за 1892 г. № 8, стр. 539.

особенного размаха ко времени отступления Наполеона из Москвы.

Борьба крестьян и партизан с отрядами, посылаемыми из Москвы для добывания в окрестных деревнях припасов, привела к тому, что армия Наполеона с каждым днем ощущала все острее недостаток продовольствия. Авангард Наполеона, стоявший на некотором расстоянии к востоку от Москвы, начал испытывать настоящий голод. Командовавший этим авангардом Мюрат посылал отчаянные письма в Москву с просьбами о присылке муки, «или иначе мы умрем с голоду»¹, — писал он. В Москве положение было вовсе не таково, чтобы кому-либо еще уделять из запасов, таявших с каждым днем. Разговоры о голоде становились все громче. Среди голодных солдат дисциплина стала падать, в «великой армии» явно началось разложение. Наступал перелом в героической эпопее 1812 года.

Наполеон отчетливо представлял себе весь трагизм создавшегося положения. Продолжать наступление было явно бессмысленно: Кутузов ушел на восток и притаился, не давая знать о себе Наполеону никакими серьезными действиями. Остаться в Москве зимовать было слишком опасно: это могло не только привести к уничтожению армии, но и к падению всей колоссальной наполеоновской империи. В Европе с затаенным дыханием следили за Наполеоном, ожидая лишь повода к тому, чтобы сбросить иго поработителя. Оставался, таким образом, единственный выход — заключить мир.

Во время пребывания в Москве Наполеон сделал три попытки вступить в мирные переговоры с Александром. Он просил оставшегося в Москве начальника Воспитательного дома генерала Тутолмина написать Александру о намерении Наполеона заключить мир. Тутолмин исполнил эту просьбу, но письмо осталось без ответа. Через помещика Яковлева, отца Герцена, также задержавшегося в Москве, Наполеон обратился с личным письмом к царю, в котором также предлагал ему мир. Но и на это письмо ответа он не получил. Тогда Наполеон отправил Лористона в Тарутино, где находился Кутузов. 23 сентября (5 октября) Лористон был принят Кутузовым. Донесение фельдмаршала Александру, отправленное в тот же день, передает содержание разговора между ними. Лористон более всего сетовал на «варварское» отношение к завоевателям со стороны крестьян, которые «поджигают дома, скот и хлеб, с полей собранный», и совершают нападения на французов. На это Кутузов вполне резонно отвечал, что он не может «переменить образ мыслей в народе», считающем эту войну «равно, как бы нашествием татар». После этого Лористон перешел к главному предмету своей миссии и сказал о желании Наполеона заключить мир. Кутузов заявил, что в инструкциях, данных ему, слово «мир» не

было упомянуто, а если бы он по своей инициативе завел переговоры об этом, то он «подверг бы себя проклятию потомства». Обещав Лористону сообщить Александру о предложении Наполеона, Кутузов расстался со своим гостем². На это третье обращение Наполеона к царю ответа также не последовало. Наполеону ничего не оставалось делать, как уходить из Москвы. Разыгравшийся после долгого затишья бой под Тарутиным 6 (18) октября ускорил это неизбежное для Наполеона решение.

4 (16) сентября Кутузов писал Александру, что он «делает движение к тульской дороге» для прикрытия запасов, «в обильнейших наших губерниях заготовленных». Он предпринимает операцию пересечения неприятельской линии, растянутой от Москвы до Смоленска, и надеется принудить его оставить Москву³. В осуществление этого своего намерения Кутузов 5 (17) сентября начинает свой знаменитый фланговый марш на Калужскую дорогу. Находясь на Рязанской дороге, Кутузов постарался ввести в заблуждение врага, внушив ему уверенность, что он идет на Рязань. На самом деле Кутузов свернул с Рязанской дороги и направился к Подольску, чтобы выйти на Калужскую дорогу. 8 (20) сентября русская армия, миновав Подольск, достигла уже окрестностей Красной Пахры. Гениально задуманный Кутузовым план оказался столь же гениально выполненным. Калужская дорога, на которой были сосредоточены огромные запасы для армии, была прочно занята русскими, и опасность обхода русской армии Наполеоном устранялась. Коммуникации в южные губернии Кутузов держал в своих руках.

Задержавшись на несколько дней у Красной Пахры, Кутузов начал двигаться дальше на юг. Авангард Мюрата шел вслед за русской армией. Кутузов твердо решил остановиться на ближайшей удобной позиции и оттуда уже никуда не двигаться, так как его стратегический план в основных чертах был выполнен. Офицеры квартирмейстерской части сообщили Кутузову, что у селения Тарутина позиция является наиболее удобной. Фельдмаршал отдал приказание идти к Тарутину. Во время этого продвижения Мюрат сделал попытку зайти в тыл Милорадовичу, командовавшему арьергардом русской армии. Милорадович разгадал маневр противника и несколькими удачными операциями предотвратил опасность быть отрезанным от главных сил армии. 22 сентября (4 октября) Кутузов собрал свою армию у Тарутина. Приехав туда, он осмотрел позицию и во всеуслышание заявил: «Теперь ни шагу назад»⁴.

² См. «Отечественная война 1812 г.». Отд. I. Т. XVIII, стр. 108—109. СПб. 1911 (Материалы Военно-ученого архива).

³ См. «Бумаги Щукина». Ч. 1-я, стр. 95—96.

⁴ «Вестник Европы» № 21 за 1817 г. Т. 96, стр. 131.

¹ «Отечественная война и русское общество». Т. IV, стр. 223—224.

В течение двенадцати дней русская армия простояла против французского авангарда, не предпринимая никаких решительных действий. За это время к Кутузову прибыли пополнения и подтянулись отставшие. Кутузов отнюдь не торопился с наступлением. Он не знал планов Наполеона, но считал, что самым опасным для русской армии будет продвижение Наполеона на юг. Поэтому-то он и постарался занять дорогу, чтобы помешать Наполеону двигаться в этом направлении. Александр, нерасположение которого к Кутузову все возрастало, упрекал главнокомандующего в малой заботливости по отношению к Петербургу. Для Кутузова вопрос о Петербурге, т. е. вопрос о спокойствии царя и «вельмож», играл второстепенную роль. Дело было в спасении страны, а не царской резиденции. Поэтому он молча принимал упреки царя, но планов своих не изменил ни на йоту. Вот почему русская армия не производила никаких перепропарировок, охраняя пути, от удержания которых зависел исход всей кампании.

Дав армии отдохнуть и осмотреться, Кутузов решил, что пора переходить к активным действиям. 6 (18) октября произошло сражение у Тарутина. Отдельные пехотные и кавалерийские стычки, происходившие в течение дня, привели к тому, что войска Наполеона отступили к Спас-Купле. Этот успех мог быть развит: для этого все условия были налицо. Однако Кутузов не решился на введение в бой крупных сил, несмотря на настойчивые просьбы Беннигсена: Кутузов берег армию для более серьезных дел. Тарутинское сражение было расценено в армии и в народе, как первый, хотя и незначительный по результатам успех после оставления Москвы. Оно же окончательно заставило Наполеона принять давно уже подготовленное решение о выходе из Москвы.

7 (19) октября утром потянулась «великая армия» из Москвы. Длиннейшей линией вытянулись войска, сохранявшие еще признаки боеспособной и дисциплинированной армии. Если бы не поразительно малое количество лошадей, десятками тысяч павших во время тридцатипятидневного пребывания Наполеона в Москве, можно было бы подумать, что все обстоит вполне благополучно. Но это впечатление быстро пропадало при взгляде на колоссальный обоз, тянувшийся за армией. Тысячи повозок увозили из Москвы не провиант и фураж, а имущество, награбленное в городе. Серебро, золото в слитках, церковная утварь, ковры, мебель, посуда, дорогая одежда, меха и еще множество столь же бесполезных для армии вещей наполняли собой обозные повозки, отнимая драгоценную конную силу. Вместе с армией уходили остававшиеся в Москве иностранцы с семьями.

Уходя из Москвы, Наполеон оставил в ней около 8 тысяч солдат под командованием Мортье, которому было поручено привести в исполнение совершенно бессмысленное и варварское распоряжение: взорвать Кремль. Стены и башни Кремля были минированы. В ночь на 9 (21) октяб-

ря отряд Мортье вышел из Москвы, и немедленно после этого начались взрывы. Были разрушены три башни со стороны набережной, арсенал, осыпался Владимирские (Никольские) ворота, сгорел дворец, выгорела Граповитая палата, сильно пострадали соборы. К счастью, шел проливной дождь, подмочивший фитили, и поэтому уцелели Спасские ворота и колокольня Ивана Великого. Взрывы произвели колоссальное смещение среди жителей Москвы и унесли среди них немало жертв. Варварская жестокость врага, неощадившего национальных реликвий, вызвала к нему во всей стране новый прилив ненависти и вооружила народ еще большей решимостью бороться с ним до полной и окончательной победы.

Уходя из Москвы, Наполеон заявил, что он идет на Калугу. Из Калуги, дав своей истощенной армии возможность отдохнуть и подкормиться собранными здесь для русской армии запасами, Наполеон рассчитывал двинуться на Смоленск. В Смоленске должны были заготовить для «великой» армии огромные склады продовольствия и фуража. Добираться до Смоленска по разоренной и выжженной Смоленской дороге — значило погубить армию. Поэтому марш на Калугу представлял для Наполеона единственно мыслимое в данной обстановке движение. Наполеон сперва пошел по старой Калужской дороге, но затем внезапно свернул на новую Калужскую дорогу. Это резкое изменение направления угрожало левому флангу Кутузова и его сообщениям с Калугой. Кутузов должен был во избежание обхода с левого фланга быстро продвигаться от Тарутина на югозапад. Узнав, что Наполеон держит направление на Малоярославец, Кутузов поспешил к этому городу. На рассвете 12 (24) октября авангарды обеих армий столкнулись у Малоярославца. Постепенно к ним подошли главные силы, и завязался кровопролитный бой. Восемь раз город переходил из рук в руки, наконец к югу горящий и усеянный трупами сражавшихся Малоярославец остался в руках французов.

Ночью Наполеон собрал военный совет, на котором предложил обсудить вопрос о дальнейшем наступлении на Кутузова. Маршалы настаивали на необходимости прекратить наступление, причем Бессьер произнес такие многозначительные слова: «Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»¹ Было совершенно ясно, что Кутузов станет защищаться всеми силами. Пойдет ли он на генеральный бой или не пойдет — все равно, каждый шаг Наполеона будет стоить дорого. К такому заключению после совещания с маршалами пришел и Наполеон. Но, перед тем как вынести окончательное решение, он заявил о необходимости еще раз осмотреть поля сраже-

¹ «Французы в России». Ч. 2-я, стр. 151. М. 1912.

ния и поехал со свитой по направлению к Малоярославцу. Во время этой рекогносцировки Наполеон наткнулся на казачий разъезд, производивший вместе с другими отрядами казаков под общим командованием Платова диверсию в тыл противника. Казаки уже возвращались домой с 11 пушками, отбитыми у французов. В это время на них наткнулся Наполеон. Он едва избежал плена. Вернувшись после объезда позиций, Наполеон принял решение прекратить наступление. Оно не поколебалось в нем даже и тогда, когда Кутузов 14 (26) октября ушел из-под Малоярославца к Полотняному заводу. Это отступление Кутузова нельзя было расценивать иначе, как уклонение от генерального боя. Наполеон понял это сразу, понял также, что отступление Кутузова отнюдь не является признаком его слабости, и на наступление не решился. Наполеон ничего другого не мог предпринять, как отступить на Смоленскую дорогу. Одновременно с отступлением Кутузова к Полотняному заводу началось отступление Наполеона от Малоярославца к Можайску. С этого дня Наполеон окончательно отказался от наступательной тактики и все свое внимание устремил на то, чтобы вывести «великую армию» из России с наименьшими потерями. В ходе войны наступил крутой перелом.

Кутузов решил отступить от Малоярославца потому, что опасался обхода своего левого фланга Наполеоном. Мудрая осторожность старого полководца одержала верх над призывами некоторых чинов его штаба к немедленному наступлению. Особенно настаивал на этом Вильсон. Вильсон, как и другие противники Кутузова, опять пустил в ход интригу, опять клеветал на фельдмаршала, стараясь всячески очернить его в глазах царя. А достигнуть этого при глубокой антипатии Александра к Кутузову было очень нетрудно. Но Кутузов еще со времени оставления Наполеоном Москвы понял, что дело идет к развязке, т. е. что Наполеон уходит из России. Ускорять развязку — это значит пожертвовать лишними тысячами жизней русских солдат. Гибели «великой армии» можно достигнуть и с гораздо меньшей затратой живой силы. Для этого нужно не наступать на противника, а его преследовать. При умелой организации преследования (было бы величайшим заблуждением думать, что Кутузов предполагал оставаться при преследовании Наполеона в роли стороннего наблюдателя) армии Наполеона можно было нанести не меньший вред, чем в открытом бою, сохранив при этом драгоценную жизнь многих тысяч русских солдат. Таково было глубочайшее убеждение Кутузова, никакие просьбы, угрозы, интриги не могли его с этого пути сдвинуть. Свой план на будущее в этот переломный момент всего хода войны Кутузов с исчерывающей ясностью изложил в письме к Витгенштейну от 16 (28) октября, когда до него уже дошли сведения об отступлении Наполеона из-под Малоярославца. «Неприятель, повидимому, — писал Кутузов, — берет направление

обратно к Боровску, пробираясь фланговым маршем к Ежакатку. Полагаю ему нанести величайший вред параллельным движением и, наконец, действовать на его операционную линию»¹.

Одним из самых верных способов организации преследования Наполеона Кутузов считал широкое вовлечение народных масс в борьбу с врагом. Кутузов не боялся народа, как многие из «вельмож». Он верил, что народ проникнут искренним и горячим желанием отстоять страну от всяких попыток ее порабощения. Порыв народных масс нужно поддерживать, а не гасить его подобно тому, как это делали Растопчин и другие. Взгляды Кутузова на ту пользу, какую может принести армии народная война, целиком раскрываются в его предписании Сеславину. Посылая его для операций по дороге от Боровска к Москве, Кутузов приказывал: «Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, от чего наш отряд весьма усилиться может, пленных доставлять сколько можно поспешнее, давая им прикрытия регулярных войск и употребляя к ним в добавок мужиков, вооруженных вилами или дубинами. Мужиков ободрять подвигами, которые оказали в других местах, наиболее в Боровском уезде»². Широко развернувшаяся с начала отступления Наполеона народная война и партизанские действия регулярной армии привели к окончательному уничтожению войск Наполеона и изгнанию их из России.

В этот период войны народ выдвинул немало подлинных героев. Одним из наиболее известных деятелей народной войны был гусар Елисаветградского полка Федор Потапов, по прозвищу Самусь. Раненый в одном из арьергардных боев на Московской дороге, Самусь отстал от своей части и скрывался в окрестных деревнях. Лечась от ран, он все время говорил с крестьянами о бедствиях, постигших отечество, и убеждал их выступить на его защиту. Слова Самуся находили широкий отклик среди крестьян. Окончательно выздоровев, он организовал отряд, с которым начал действовать, преследуя отступающую французскую армию. Действия его были столь успешны, что он скоро приобрел широкую известность. Количество участников его отряда непрерывно росло и составило внушительную цифру в 2 тыс. человек.

Самусь был не одинок. Еще в период отступления русской армии к Москве солдат драгунского полка Ермолай Четвертков организовал отряд в несколько сот человек крестьян. Действия его были весьма успешны. Обосновавшись в д. Бас-

¹ Богданович М. Указ. соч. Т. III, стр. 52.

² Бычков Л. «Крестьянское партизанское движение против Наполеона в России в 1812 году». «Исторический журнал» № 11 за 1938 г., стр. 73—74.

манах, он превратил их в укрепленный лагерь, расставил пикеты, организовал разведку и повел правильные военные действия. Однажды отряд Четвертакова, подкрепленный несколькими тысячами крестьян, напал на французский батальон с орудиями и заставил его отступить. В Сычевском уезде, Смоленской губ., громкую славу приобрел крепостной Паниных Семен Емельянов. Старый солдат, участвовавший еще в походах Суворова, он стал начальником крестьянского отряда, успешно оперировавшего в Сычевском уезде. В одной из стычек с французами Емельянов погиб, пронзенный шестью пулями. В Калужской губ. народная война приняла такие размеры, что, по выражению современника, «губерния походила более на воинский стан». Военное положение особенно чувствовалось в пограничных с Московской и Смоленской губерниями уездах. Жители этих уездов несли кордонную службу, организовывали отряды, производили разведки, уничтожали отдельные партии неприятеля. В свете этих фактов становится понятным тот порыв, в увлечении которым некий неизвестный корреспондент из Москвы писал 20 октября (2 ноября) Оденталю: «Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими»¹.

Вместе с народной войной широко развились и партизанские действия отдельных частей регулярной армии. Отряд Давыдова действовал между Можайском и Вязьмой, Саславин держался между Боровском и Москвой, Фигнер партизанил в окрестностях Москвы, Кудашев не выпускал из виду Серпуховской дороги. Партизанские отряды, состоявшие из лихих наездников, были неуловимы. Молниеносно обрушиться на неприятеля, произвести в его рядах панику, уничтожить возможно большее количество живой силы (пленных партизаны не брали), поджечь склады с продовольствием и снаряжением — все это партизаны умели делать превосходно. Около каждого отряда группировались добровольцы и помощники из крестьян, главным образом поддерживавшие связь между отдельными отрядами. При постоянной подвижности партизан, что являлось одним из важнейших условий успеха их, наладить связь между отрядами без помощи крестьян было бы невозможно. Крестьяне охотно брались за организацию связи и оказывали этим существенную помощь армии. Во время отступления Наполеона партизанские отряды держались на флангах неприятельской армии. Своими быстрыми и всегда внезапными налетами они доводили до совершенного изнеможения измученные, с каждым днем таявшие войска Наполеона. Вред, нанесенный партизанами противнику, не поддается никакому учету.

Народная война и партизанские действия регулярной армии — вот те средства, оперируя которыми Кутузов, как он сам писал в приведенном письме Витгенштейну, осуществлял свое предположение «действи-

вать на операционную линию неприятеля». Эффективность этих средств превзошла все ожидания: через два месяца армия Наполеона была почти полностью уничтожена.

Вышедшая на Смоленскую дорогу армия Наполеона подвигалась к Смоленску. 17 (29) октября Наполеон с гвардией прошел через Бородинское поле, сплошь усеянное еще не убранными трупами. Глядя на проходящие мимо полки, Наполеон все более и более убеждался в том, что дисциплина в армии катастрофически падает. Толпы мародеров отделялись от полков и грабили собственные обозы. Голодные и озлобленные солдаты перестали слушать офицеров, бросали оружие, взрывали зарядные ящики, не будучи в состоянии их увезти. Русских пленных, падавших от изнурения, приспеливали. Кутузов шел параллельным маршем, имея в авангарде Милорадовича. 20 октября (1 ноября) Наполеон был в Вязьме. Здесь он получил известие об оставлении Сен-Сиром Полоцка и об успешных действиях Чичагова против Шварценберга. Это заставило его ускорить отступление. Попытка Милорадовича и Платова атаковать армию Наполеона под Вязьмой стоила французам больших потерь, но была отбита. Отступающую армию прикрывал Ней, отражая наседавшего на него Милорадовича. Но за исключением этих удачных для французов арьергардных боев французы не могли похвастаться успехами в других местах. Марш корпуса Евгения Богарне из Дорогобужа через Духовщину, откуда он надеялся установить сообщение с Витебском, кончился весьма печально. Богарне, атакованный Платовым, бросил при переправе через реку Волзь 60 орудий. Узнав, что Витебск занят Витгенштейном, он двинулся снова на Смоленск, куда его измученный корпус добрался с великим трудом. Пехотная бригада Ожеро в количестве 2 тыс. человек была взята в плен Орловым-Денисовым. Казаки отбили у французов 1500 быков, согнанных к Смоленску, чем нанесли колоссальный удар голодающей армии противника. В довершение всех несчастий при подходе Наполеона к Смоленску начались морозы, доходившие до 12° по Реомюру при сильном ветре, «великая армия» погибала.

В Смоленск Наполеон прибыл 28 октября (9 ноября). Здесь армию постиг новый удар: заготовленного продовольствия оказалось значительно меньше, чем рассчитывал Наполеон, и армия продолжала голодать. Дав ей кое-как отдохнуть и подтянуть оставших, Наполеон двинулся из Смоленска на запад. Приходилось очень торопиться: в Смоленске Наполеон узнал о движении армий Чичагова и Витгенштейна к Березине с целью отрезать ему путь. 1 (13) ноября авангард Наполеона подошел к Красному. Здесь с 3 (15) по 6 (18) ноября произошли ожесточенные бои с подошедшим вплотную Кутузовым. Русская армия была разделена на две части: одна — под командованием Голицына должна была атаковать Наполеона, другая — с Торма-

¹ «Отечественная война в письмах современников», стр. 266.

совым во главе стала между Красным и Оршей, чтобы отрезать Наполеону отступление. Атаки русских были отбиты, хотя и с огромными для французов потерями. Тормасов же не был вовремя поддержан Кутузовым, и Наполеон ушел.

Арьергард Нея, последний вышедший из Смоленска, после того как взорвал в нем все, что не было разрушено еще во время августовских боев, оказался отрезанным от армии Наполеона. На предложение сдаться Ней ответил отказом и решил пробиваться. Он дошел до деревни Сырокоренье и здесь по едва замерзшему Днепру перешел на другой берег. Почти весь его отряд погиб при переправе: тонкий лед проломился. К Наполеону Ней пришел с 700—800 человек. Наполеон радостно приветствовал своего «храбрейшего из храбрых» маршала.

Бой под Красным явился одним из самых тяжелых ударов по отступавшей французской армии. Свыше 220 орудий (вместе с брошенными при марше от Смоленска), более 20 тыс. пленных, до 6 тыс. убитых и раненых — таковы были потери Наполеона. Численность его армии уменьшилась после этих боев до 30—35 тыс. годных к бою людей, остальные 30—40 тыс. состояли из больных, слабосильных, безоружных.

Жалкие остатки «великой армии» продвигались дальше на запад. Смерть от голода и мороза подстерегала на каждом шагу те силы, какие еще сохранились у Наполеона. Кутузов следовал за ним по пятам, постоянно тревожа его короткими ударами с флангов. Крестьянские отряды продолжали свою губительную для уходящей армии деятельность, все усиливающуюся по мере продвижения ее к границам России. Наполеон торопился, так как с севера и юга к Березине подвигались Витгенштейн и Чичагов, прозвямшие отрезать ему путь отступления. 4 (16) ноября Чичагов занял Минск, а 10 (22) вошел в Борисов. Наполеон немедленно послал приказание маршалу Удино выбить Чичагова из Борисова. После короткого боя Чичагов стал на правом берегу Березины. Удино было поручено организовать переправу армии, причем Наполеон непосредственно руководил всеми приготовлениями к ней. Он решил переправиться у д. Студянки — выше Борисова на 18—19 километров. Но, для того чтобы обмануть Чичагова, Наполеон приказал производить демонстрацию ниже Борисова и усиленно собирать сведения о дорогах, ведущих к Минску южнее Борисова. Поддавшийся обману Чичагов был уверен, что Наполеон выбрал этот путь, и двинулся на юг, к Шабашевичам, куда он прибыл в ночь на 14 (26) ноября. Почти в тот же час к Студянке пришел Наполеон, и оба противника оказались разделенными друг от друга 40 километрами. Поняв свою ошибку, Чичагов быстро пошел на север и прибыл к Студянке 16 (28) ноября, на следующий день после того, как Наполеон со старой гвардией перешел Березину по только что наведенным мостам. Бешенству царя, узнавшего о том, что Наполеон ускользнул, не было границ. Весь план Березинской опера-

ции был задуман и разработан в Петербурге без всякого участия Кутузова.

Через Березину успели переправиться лишь те части армии Наполеона, какие еще сохраняли боеспособность. Десятки тысяч безоружных и отсталых солдат в момент переправы были застигнуты казаками. Прозойшла невообразимая паника, во время которой люди гибли тысячами. Березина оказалась запружена множеством людских и конских трупов. Страшное, незабываемое зрелище представилось глазам русской армии, когда части ее дошли до места переправы Наполеона.

Наступали последние дни «великой армии». После Березины начались морозы, доходившие до 20—25°. Совершенно измученные и голодные французы массами гибли от холода. По пятам за ними следовал Кутузов, не давая ни часу отдыха. После Березины Наполеон решил покинуть армию и ехать в Париж. Поражение, нанесенное ему — в этом теперь уже не было никакого сомнения, — требовало от него энергичных действий для организации новой армии, с помощью которой можно было удержать Европу в повиновении. 23 ноября (5 декабря) в Сморгони Наполеон простился с маршалами, передал командование Мюрату и уехал. Отъезд его усилил хаос, царивший в армии, если только можно назвать армией те жалкие отряды, которые бежали к границам России. Когда в Вильне герцог Бассано задал Наполеону вопрос об армии, то получил короткий, но выразительный ответ: «Армии нет».

Отряды Наполеона, преследуемые Кутузовым, бежали на запад. Вытесненные из Вильны, они ринулись на Ковенскую дорогу. В 6 км от Вильны их задержала Понарская гора. Потратив много времени на безуспешные попытки взобраться на обледенелую возвышенность, войска решили ее обойти. Русские шли по пятам, и ради спасения французам пришлось бросить обоз и артиллерию. Русским досталось все, что уцелело от вывезенных из Москвы драгоценностей. 30 ноября (12 декабря) французы подошли к Ковно. Оставалось несколько километров до границы. 2 (14) декабря вечером арьергард Нея, состоявший из нескольких сот человек, последним перешел через Неман и вступил на прусскую территорию. В течение декабря кучки отставших и уцелевшие части корпусов Макдональда и Шварценберга переходили еще границу. Всего из России ушло около 30 тыс. человек — все, что осталось от «великой армии».

Русская армия также понесла значительные потери: из 100 тыс., находившихся в распоряжении Кутузова к моменту выхода его из Тарутина, в Вильну пришло около 30 тысяч. Жертвы, понесенные русским народом, были велики. Но когда последний неприятельский солдат покинул пределы России, народ мог почувствовать глубокое удовлетворение: целостность и независимость родины были сохранены его мужеством, его волею к победе и беспримерными подвигами. Вся страна с чувством радости и гордости читала воззвание Кутузова к ар-

мни, изданное 21 декабря 1812 г. (2 января 1813 г.). Оно начиналось такими словами: «Храбрые и победоносные войска! Наконец, вы на границах империи! Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем! Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу...»

Война 1812 г. имела огромное значение как во внутренней истории России, так и в истории международных отношений эпохи.

Она явилась прежде всего важным этапом в развитии народного сознания. Декабрист Якушкин недаром отмечал новое в поведении русского солдата: «В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»¹. Велико было влияние войны и на народные массы. Естественно предположить, что война 1812 г. оказала известное влияние на последующее развитие массового движения. А. С. Грибоедов, оставивший набросок плана пьесы о 1812 г., сделал центральным ее лицом крепостного-ополченца, героически боровшегося за родину и надеявшегося получить свободу, но вынужденного вернуться в крепостную деревню «под палки господина» и кончившего жизнь самоубийством. Образ этот, очевидно, навязан наблюдением реальной жизни. Вопрос о борьбе против крепостного угнетения, таким образом, был для народа дополнительно заострен событиями войны 1812 г. и той ролью, которую он в ней играл. Война 1812 г. послужила также первым толчком, пробудившим политическое сознание будущих революционеров-декабристов, недаром называвших себя «детьми двенадцатого года» (слова декабриста Матвея Муравьева). Воспоминания о героической национальной борьбе народа, об Отечественной войне были органически соединены в последующем развитии общественного движения с идеологией передовых общественных революционных кругов. «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей», — писал Герцен в «Былом и думах»².

В «Исторических очерках о героях 1825 года» (написанных по-французски) Герцен выставлял и общее положение: «La nouvelle Russie date de 1812» («Новая Россия начинается с 1812 года»)». Новое поколение революционеров-разночинцев, пришедшее на смену дворянам-революционерам, продолжало чтить память 1812 года. «Не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию, — ее пробудили

славные опасности 1812 года»⁴, — писал Н. Г. Чернышевский. Один из крупнейших демократических художников-обличителей, П. А. Федотов, оставил картину «Маршеры в русской деревне в 1812 году», изобразив один из эпизодов борьбы русских крестьян против иностранных захватчиков⁵.

Война 1812 г. явилась крупнейшим этапом в развитии международных отношений, приобрела огромное международное значение. «Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»⁶, — писал Энгельс. В крупных, жизнеспособных государствах, национальное развитие которых было подавлено Наполеоном, усилилось после 1812 г. национально-освободительное движение.

Существенно изменилась и вся картина международных отношений после того серьезного удара, который нанесло Наполеону поражение в войне с Россией. «С 1812 г. начинается упадок военного могущества Н[аполеона] I»⁷, — отметил Ленин.

Гитлер, как и Наполеон, пытается стать господином Европы и всего мира. Избалованный легкими победами над малыми народами, германский фашизм начал разбойничью войну против Советского Союза. Так же как и против Наполеона, русский народ поднялся на Великую отечественную войну против фашистских разбойников. Однако Отечественная война против Гитлера никак не является простым повторением Отечественной войны против Наполеона. Сегодня мы имеем совершенно иное соотношение сил: если во время войны против Наполеона русское крестьянство было задавлено крепостнической кабалой, то в современной войне против Гитлера народы Советского Союза выступают как полноправные хозяева великой и прекрасной социалистической родины; если в начале войны 1812 г. военный перевес был на стороне Наполеона и поэтому русская армия в целях выравнивания сил держалась тактики отступления в глубь своей территории, то сейчас в результате правильной и предусмотрительной политики партии и правительства советский народ встречает зарвавшегося врага во всеоружии и готов нанести фашизму сокрушительный удар.

В 1812 г. русский народ вдребезги разбил прославленную «великую» армию Наполеона и изгнал его со своей территории. Нет никакого сомнения, что русский народ в союзе с многочисленными народами СССР под руководством коммунистической партии и любимого вождя товарища Сталина уничтожит зарвавшуюся фашистскую гадину.

⁴ Чернышевский Н. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 257. 1906.

⁵ Ранее была неизвестна, недавно найдена в фондах Государственного музея русского искусства в Киеве.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 20.

⁷ Ленинский сборник XI, стр. 50.

¹ Якушкин И. Записки, стр. 11. М. 1926.

² Герцен А. Полное собрание сочинений. Т. XII, стр. 18.

³ Герцен А. Полное собрание сочинений. Т. XX, стр. 214 (217).

РУССКИЕ СОЛДАТЫ

Н. Коробков

★

Короли феодальной Европы брали у подданных деньги на содержание войска, но не требовали от них солдат. Армия являлась не государственным, а собственным королевским аппаратом; она служила стране лишь постольку, поскольку это входило в цели монарха. Посредством разветвленного вербовочного аппарата король нанимал солдат. Как представитель интересов феодального землевладения, он находил при этом более выгодным набирать в армию не собственных подданных, а подданных соседних государств. Тем не менее он не отказывался от вербовки, притом иногда даже посредством насилия, и в собственной стране.

В солдаты шли люди, для которых доступ к иным занятиям был закрыт преследованием закона; люди, не желавшие работать; авантюристы, искавшие в военном ремесле наживы и обогащения; озлобленные неудачники; воры, убийцы, беглые каторжники; люди из подонков общества прикрывали свое темное прошлое королевским мундиром.

Лучшую часть наемной армии составляли профессиональные солдаты и офицеры, закаленные в службе под многими знаменами, выработавшие определенные традиции своего сурового ремесла. Пока король им честно платил, они ему служили. Это было ядро армии, вокруг которого группировалась остальная масса сброда, стремившаяся использовать выгоды солдатского ремесла в мирное время и во все не желавшая жертвовать жизнью на войне: «... бедные рабы военщины, с урчащими желудками и окровавленными спинами... они распевали при огне своих бивуаков:

«Иной желает умереть за отечество, но я желаю бы лучше получить в наследство 10 000 талеров. Отечество неблагоприятно. И за него погибнуть? Эх ты, дурак!»¹

¹ Мериинг Ф. «Очерки по истории войны и военного искусства», стр. 255. М. 1923.

Нужна была жесточайшая дисциплина, чтобы из этих людей составить армию. Предпосылкой военного искусства полководца являлось правильное понимание качеств солдата, которому нельзя было доверять, который склонен был к измене, к побегу, к грабежу и насилию над мирными гражданами. Полководец создавал поэтому суровую систему надзора за солдатом. Капралы и младшие офицеры жестокими наказаниями заставляли точно выполнять приказания: секрет дисциплины заключался в том, чтобы солдат больше боялся палки капрала, чем пули врага.

Тщательно обученная военным движениям, механически выполнявшая приказания своих командиров, равнодушная к целям войны, армия составляла боевой аппарат полководца, в лучших своих образцах (как например в прусской армии) оказывавшийся вполне пригодным для решения поставленных перед нею ограниченных задач. Такую армию нельзя было дробить на самостоятельно действующие мелкие соединения, в ней не было возможности применять другие формы строя, кроме сомкнутого линейного, ее нельзя было снабжать посредством реквизиций, так как все это ослабляло надзор и приводило к падению дисциплины, грабежу, дезорганизации и массовому дезертирству.

Отправляя полки в атаку, генерал размещал позади них линии, которые должны были встречать штыками и пулями каждого пытавшегося отступить, бежать, скрыться с поля сражения. Шедшие сзади командиры подгоняли солдат палками.

Внимательно наблюдая за тем, чтобы его боевая машина не пришла в расстройство, полководец, добившись хотя бы частичного успеха в борьбе с противником, довольствовался этим, так как считал необходимым строго сохранять целостность своего строя. Как только этот строй разбивался, пропадал контроль над солдатом, последний, спасая свою жизнь, бежал с поля битвы и из армии.

Очень яркий пример подобного положе-

ния даст сражение под Кунерсдорфом (1 августа 1759 года). Вопреки выработанным практикой правилам Фридрих II не пожелал удовлетвориться здесь частичным успехом и невзял на советы своих генералов хотел повторными усилиями уничтожить уже ослабленных первой неудачей русских. Это стоило ему полного разгрома. «Я несчастлив, что еще жив... — писал король после сражения своему министру Фипкельштейну, — из армии в 48 тысяч человек у меня не останется и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми...»¹.

Понадобилась французская революция, чтобы создать первое в Западной Европе национальное войско, преимущества которого перед наемными армиями ярко проявились в войнах Франции конца XVIII века и последующих победах Наполеона.

В противоположность западноевропейским русское войско никогда не было наемным. Практика найма полков иноземного строя хотя и существовала, но значительного развития не получила. Петр I, заново реорганизовавший свое войско, построил его на принципе рекрутских наборов, т. е. отверг западноевропейское начало найма. Заимствуя у Запада лучшее, что было там выработано в области организации военного дела и военного искусства, он брал только то, что отвечало особенностям русской вооруженной силы. «В Военном уставе своем... он определял обязанности каждого лица, с солдата до фельдмаршала, но не принял ни оделяния, ни внутреннего полкового хозяйства, которые были при нем в войсках Прусском и Австрийском. Чтобы солдаты больше полюбили знамена, под которыми они сражались, он дал русским полкам имена Русских земель, и в полку было знамя с гербом той земли, именем которой назывался полк. Через это солдат почитал себя принадлежностью государства, так как он служил в полку, носившем имя одной из частей государства»².

За долгое время своей истории русский народ постоянно и упорно боролся за свою национальную независимость. Еще во времена племенного быта он со свирепым упорством защищал свою свободу и, отбрасывая нападавших на него соседей, переходил в наступление, стремясь сражаться на чужих землях. Византийские монархи, опасаясь за судьбы своей империи, заботи-

лись о том, чтобы разрозненные славянские племена не объединились, и всемерно старались поселить вражду между их вождями. Это им удавалось, но уже на заре русской истории, еще до сложения того великого Киевского государства, которое Маркс называет «империей Рюриковичей», народ «Рос», объединив вокруг себя другие племена, обрушился на Константинополь и сделался одним из опаснейших противников Византийской империи.

Борьба со скандинавами на севере, с кочевниками на юге, с дунайскими болгарами на югозападе и камскими болгарами на востоке, с натиском рыцарских орденов на северозападе вырабатывала в восточных славянах черты, получившие столь полное выражение в фигурах былинных богатырей и в прекрасных образах «Слова о полку Игореве». Русские этого времени были «опытные витязи: под трубами повиты, под плечами взлелеяны, концом копья вскормлены; пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сами скачут словно серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы»³.

Князь и дружина с шахарами-смердами, собранными в ополчение, выступали в поход, углублялись в степь навстречу хищным вражеским отрядам. «...Орлы клеткотом на кости зверей зовут; лисицы лают на красные щиты. О Русская земля, уже за курганом ты!»

Долго ночь тянется. Заря свет заронила, мгла поля покрыла; щебет соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русские широкие поля красными щитами перегородили».

Кровопролитные битвы вели русские, защищая свои рубежи, за которые часто, пользуясь княжескими усобицами, прорывались степняки, все разоряя, грабя, выжигая на своем пути, захватывая пленных, чтобы обратить их в рабство. «Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую...», — восклицает автор «Слова», оставивший чудесное описание сражения воинов Игоря со степняками: «...с утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые; гремят сабли о племь, трещат копья харалужные в степи незнаемой, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами копытными была посеяна и кровью полита; горем взносили они по Русской земле... Тут кровавого вина нехватило; тут пир dokonчили храбрые русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости и древо с печалью к земле приклонилось».

Ослабленная феодальными войнами, кня-

¹ «Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen». В. XVIII. Abt. 2, S. 481.

² «Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске». «Русский архив» № 11 за 1876 год, стр. 346—347.

³ Цит. с незначительными изменениями по переводу С. Шамбинаго и В. Ржиги. «Academia». 1934.

жескими усобицами, на которые так горько сетует автор «Слова». Русь не могла противопоставить сплоченного единства натиску хлынувших в Европу монгольских орд. Сопротивление этому сокрушающему потоку было героическим, но разрозненным.

Подавленная тяжким гнетом, русская земля, разоренная, обращенная в ханский улус, трудно и медленно изживала разгром. Открытое сопротивление было невозможным, надо было долго накалывать силы. Борьба была длительной и упорной. В ней сформировался облик русского воина, знакомого со всеми ужасами чужеземного ига, настойчивого, упорного, не ожидающего пощады.

Приняв на себя всю тяжесть борьбы с монгольским нашествием, послужив барьером, через который лишь последние волны татарского потока докатывались до Западной Европы, русские должны были в то же время продолжать войны и со своими соседями, наславшими на ослабленные татарами области. Длительная борьба с Литвой, Польшей, Ливонией, Швецией, с ханствами Поволжья, Сибири, Крыма — вот обстановка, ускорившая образование многонационального русского централизованного государства, в котором роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы.

Чтобы отстоять свои жизненные интересы, русскому народу предстояло позднее сломить господство Швеции в Прибалтике, сокрушить могущество Турции в Черноморье, проливать свою кровь во многих местах и побеждать. Столь упорно и самоотверженно бороться мог лишь народ, который уже на заре своего исторического существования, как об этом свидетельствуют византийские и арабские историки, чувствовал отвращение к чужеземному игу, народ, который предпочитал бросать свою землю и жилища и уходить на новые, неизвестные места, лишь бы не подчиниться завоевателю. Вынужденный долго сносить гнет татарщины, а затем не только свергнув, но и подчинив себе своих поработителей, этот народ позднее самостоятельно, без руководства центральной власти создал ополчение и изгнал со своей земли поляков и шведов; двумястами лет позднее он истребил вопиющие в его пределы армии величайшего из завоевателей нового времени — Наполеона Бонапарта. А немногим более столетия спустя, в новых исторических условиях, во главе других народов, населяющих территорию бывшей царской России, он отстоял только что завоеванную свободу, отражая натиск враждебных сил, кольцом окруживших Страну Советов.

Успешность борьбы прежде всего обеспечивается сплоченностью, и в моменты

большой государственной опасности народ развивал в себе те замечательные черты, которые, например, в «смутное время» помогли возникнуть и добиться успеха ополчению Минина и Пожарского. Если в период развала «разделившаяся на двое вся человекы» и «перелеты» были обычным явлением, то все возраставшая опасность закабаления русских земель Польшей, вторжение шведов и «всеконечное разорение» уже скоро вызвали стремление «соединенными душами своими и головами» стать на защиту отчизны.

Внутренняя борьба в первом ополчении не могла обеспечить его сплоченности, но возмущение против «воров» (изменников) быстро возрастало. Как рассказывает Авраамий Палицын в сказании об осаде Троицко-Сергиевской лавры, монастырский слуга Оска Селевин перебежал к полякам. Его брат Данило пожелал собственной смертью искупить это преступление. Во главе своего отряда он бросился на врагов, в жестокой схватке убил многих и, наконец, упал, обессиленный мужеством ран. Товарищи вынесли его из сечи, и он умер среди своих.

Нарушение верности, измена родине всегда вызывали жестокую кару народа. Среди многих выдающихся фактов Отечественной войны ее современник А. Н. Оленин отметил, например, «наказание смертью 18-ти крестьян села Булькова (г-на Рюмина) собственными их товарищами за то, что торговали с французами. Убиение крестьянами села Гуслиц (г-жи Жеребцовой) пришедших русских купцов из Москвы покупать припасы для французов и отбитие у них денег. Наказание Русских Русскому за то, что пошел в солдаты к французам: четверо француза были просто штыками убиты, а русского закопали живого»¹. Это соответствует тому, что былина повествует об Илье Муромце, убившем своего сына-изменника Сокольника, тому, что рассказывает Гоголь о смерти Андрия, сына Тараса Бульбы.

Если характер народа определил его способность к борьбе, то боевой путь развивал его военные качества, и, по единогласному свидетельству тех, кто сражался с ним, тех, кого он защищал, и тех, кто его изучал, русский солдат, безусловно, один из лучших в мире.

Упорство, мужество, стойкость, инициативность всегда были присущи ему. Эти качества оставались постоянными, хотя формы проявления их менялись в зависимости от многих причин. На протяжении XVIII века они сказались в войнах Петра I, сделали армию победоносной даже в тяже-

¹ «Рассказы из истории 1812 года» «Русский архив» № 12 за 1868 год, ст. 1984, 1985.

льный период послепетровского упадка и с необычайной яркостью проявились в войнах второй половины XVIII и начала XIX века.

Рекрутировавшаяся почти исключительно из крестьянской среды, русская армия отличалась внутренней спайкой, обусловленной общностью условий труда и быта людей, выросших в условиях сельской общины, крепким сцеплением частиц военного организма в одно целое. Солдат создавал свою силу в силе коллектива, с которым он органически сливался. Он «так же окружен, ограничен и влеком своим полком, как моряк кораблем, на котором он находится. Как бы далеко он ни прошел, в какие бы страны, неведомые и опасные широты ни вступил он, вокруг него — как для моряка всегда и везде те же палубы, мачты, канаты своего корабля — всегда и везде те же товарищи, те же ряды, тот же фельдфебель Иван Митрич, та же ротная собака Жучка, то же начальство»¹.

Убеждение в могуществе, силе, численности коллектива давало солдату чувство спокойствия и уверенности в себе, как бы труден и опасен ни был поход. «Каждому солдату приятно становилось на душе оттого, что он знал, что туда же, куда он идет, то есть неизвестно куда, идет еще много, много наших»².

Сознание органической связи со своей частью и с армией, вообще с «нашими», колоссально увеличивает стойкость батальонов. Если наемные войска, составленные из людей, лишь механически между собой связанных, рассыпались тем легче, чем сильнее был обрушивавшийся на них удар, то спаянность русских частей увеличивалась пропорционально силе натиска. Это ярко наблюдалось, например, в жесточайших боях с немцами. «Расстрелявши свои патроны, — говорит Архенгольц об атакованных под Корндорфом (1758 год. — Н. К.) русских, — они стояли твердо... Свежие полки заступали ряды убитых и, казалось, желали иметь одинаковую участь с своими товарищами. Легче было их убивать, нежели принуждать к бегству»³. «Сам король (Фридрих II. — Н. К.) ужаснулся, — рассказывает об этом же эпизоде другой современник, — увидев, с какой непоколебимостью и неустрашимостью дрались наша пехота, и пруссаки сами в рядах своих писали, что нас легче побивать, нежели принуждать к бегству... и

что простреливали человека насквозь еще недостаточно к совершенному его излощению»⁴.

В русской военной истории весьма многочисленны примеры, свидетельствующие о стремлении помогать «своим» и не оставлять «своих» в опасности. Достаточно напомнить хотя бы о сражении при Гросс-Егерсдорфе (19 августа 1757 года), когда солдаты, не получавшие никаких распоряжений от растерявшегося высшего командования, по собственной инициативе присоединились к тем полкам, с которыми мелодой в то время, будущий фельдмаршал Румянцев «продирался» сквозь лес на поддержку полуразбитого русского фронта.

Не менее обычно для русского солдата и личное самопожертвование ради спасения товарищей и успеха сражения. Общеизвестен эпизод из обороны Троицкой лавры (1608 год), когда защитникам ее угрожал подкоп под стены и башни, которые поляки намеревались взорвать. Сделав вылазку, русские сбили врага и нашли отверстие подкопа, который был еще не закончен и не доведен до стен. Двое крестьян — Никон Шилов и Слота — бросились в подкоп с горящей смолой, взорвали порох и погибли, уничтожив всю работу противника.

Известно немало фактов, аналогичных этому подвигу⁵, и случаев, близко его напоминающих, относящихся к более позднему времени: «Во время сильной палубы с крепости Свеаборга (в 1808 году. — Н. К.) один брандскугель, шущенный неприятелем с крепости, проломил в действующей противу оной... нашей полевой подвижной батарее зарядный ящик, наполненный боевыми зарядами, начиненными бомбами и брандскугелями, в самом том месте, где находилась кипа пакли. Окружающие оный артиллеристы ожидали, что ящик сей будет взорван и следствия, от того произойти молушие, нанесут вред для всей батареи; но в самое то время бомбардир 17-й бригады Иван Фелотов, с полной неустрашимостью, кинулся на ящик, сорвал паклю с брандскугелем и, опасаясь какого-либо вреда от загоревшегося ящика, поспешно с оным отъехал в отдаленное место, а чрез сие спас людей и самые снаряды»⁶.

Вера в необходимость, величие и святость задачи защиты родины, чувство товарищеской спайки тесно переплетаются. К этому товариществу в значительной мере приложимо определение запорожского каза-

¹ Толстой Л. Н. «Война и мир». Тома I—II, стр. 304—305. Изд. «Academia». 1935.

² Там же.

³ Архенгольц, И. «История Семилетней войны в Германии с 1756 по 1763 год», стр. 103. М. 1841.

⁴ Болотов А. Д. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков». Т. I, стр. 791—792. СПб. 1870.

⁵ «Русский архив» № 11 за 1876 год, стр. 377.

⁶ Там же, стр. 375.

чества, которое Гоголь вложил в уста Тараса Бульбы: «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести была земля пана: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брама червоныи, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля пана! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей»¹.

Между вольной казачьей организацией и регулярной армией, строящейся на принудительном наборе, конечно, большая разница. Приведенное определение, однако, потому приложимо и к армии, что моральная движущая сила ее совершенно та же, что в характеристике Гоголя. Энгельс и Мериинг были совершенно правы, когда характеризовали внутреннюю дисциплину русской армии как явление, близко напоминающее дисциплину добровольных ополчений, «милиции»².

Конечно, наряду с этой внутренней дисциплиной в армии существовала и внешняя. Шоштроенная на суровых наказаниях, она часто доводилась до нечеловеческих. В тех же случаях, когда она оказывалась разумной, твердость ее оценивалась как необходимость и самими солдатами. Такой была дисциплина суворовской армии.

В тех случаях, когда внутренняя и внешняя дисциплина сливалась в одно целое, армия приобретала устойчивость, которая далеко превосходит возможности нерегулярных формирований: ополчений, «милиции», казачьего «товарищества».

Армейские части обычно проявляли большее упорство в бою, чем даже наиболее доблестные нерегулярные войска. Так например запорожцы, храбрость которых общеизвестна, во время штурма Измаила были так морально подавлены артиллерийским и ружейным огнем противника, что их нельзя было заставить высадиться на берег, как это было предусмотрено планом атаки. Ту же задачу спокойно осуществила

регулярная пехота. Сохраняя полный порядок, она тотчас двинулась на приступ несмотря на сразу же понесенные огромные потери и быстро сломила упорство противника. В самых трудных, сложных, опасных условиях солдаты выполняют свое дело «так просто, так мало-напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать»³.

В основе этой мощи лежит моральный комплекс идей родины, товарищества, дисциплины. Эти идеи, претворенные в чувство, составляют силу, которая создает «людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бедения и грязи»⁴. В бесконечной веренице случаев, так же как в примере обороны Севастополя, они проявляют себя «героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти... за родину»⁵.

При этом высшее выражение получал принцип взаимной поддержки. Выдать «своих», не поддерживать их в опасности хотя бы ценой собственной жизни для русской солдатской массы было не только великим позором, но и органической невозможностью.

Чем тяжелее обстановка, чем сильнее и упорнее враг, тем настойчивее стремление преодолеть его натиск любой ценой. Чувство страха и самосохранения не только отпадало при этом, но смерть в победном сражении иногда воспринималась как радость:

«Смерть не испугала Козельцова...

— Что, выбиты французы везде? — твердо спросил он у священника.

— Везде победа за нами осталась, — отвечал священник, говоривший на о, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

— Слава богу, слава богу, — проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело. Мысль о брате мелькнула на мгновение в его голове. «Дай бог ему такого же счастья», подумал он»⁶.

Армия, состоящая из таких солдат, непобедима. В тех случаях, когда ей при-

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. II, стр. 133. Изд. Академии наук СССР. 1937.

² См. Мериинг Ф. «Очерки по истории войны и военного искусства», стр. 449.

³ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. IV, стр. 16. ГИХЛ. 1932.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 114—115.

ходилось терпеть поражения, это зависело даже не от превосходства сил противника, а главным образом от дефектов технически отсталого вооружения, которого к тому же часто бывало недостаточно, от недостатков организации снабжения, от неумелого управления высшего военного начальства.

В XVIII и начале XIX века армию обессиливали чуждыми реорганизациями, введением чуждых и вредных порядков, заставляли пользоваться несвойственной ей тактикой, парализовавшей действительные способности войска. Войско России, «так же как и другие служебные ведомства этой обширной империи, имело несчастье подвергаться беспрестанным изменениям со времени копчины своего главного учредителя,— писал в 1802 году граф С. Р. Воронцов.— В царствование императрицы Анны фельдмаршал Миних сделал некоторые изменения в составе оного, а в 1763 году новые воинские штаты, изменив его состав, хозяйственную часть и ход службы, более и более удалили наше военное ведомство от первоначального учреждения, созданного Петром Великим... Но смертельный удар нанесли нашему войску беспрестанные преобразования..., а в особенности перемены, наставшие после покойной государыни. Наше войско не есть уже войско Петра Великого: того нельзя даже назвать Русским войском при этой амальгаме нововведений, вызванных подражанием Пруссии и не имеющих никакого отношения к нашей земле»¹.

Начиная с царствования Анны в состав русской армии просочилась масса офицеров-иностранцев, захвативших почти все высшие командные должности. Была введена жесточайшая палочная дисциплина, и нужна была поистине разительная моральная устойчивость солдата для того, чтобы в этих условиях сохранить свои качества, не обратиться в бездушный автомат, каким его хотели видеть начальники. «Военные специалисты» — немцы — культивировали привезенную из Пруссии доктрину, вовсе негодную в условиях русской армии. Живой, способный к гибкости организм превратили в косную, инертную массу. Только в царствование Елизаветы намечалось постепенное раскрепощение от этих чужеродных принципов, хотя еще в Семилетнюю войну именно они наряду с предательством генералов-немцев и неспособностью главнокомандующих (за исключением Салтыкова) приводили к нулю военные успехи русской армии.

Громадный вред наносили ей систематические хищения. Широта власти и бесконтрольность полковых командиров в екате-

риницкое время приводили к тому, что за счет экономии в средствах, отпускаемых на содержание солдат, полковник ежегодно получал от 10 до 25 тысяч рублей дохода, в то время как годовое жалованье поручика не превышало 120 рублей. Эти беззакония были столь широко распространены, что из них даже не делали секрета.

Хищническое хозяйничанье полковых командиров и жестокость телесных наказаний нередко доводили солдат до отчаяния. Армию ослабляла широко распространенная практика брать из полков рядовых, особенно знавших ремесла, и отсылать их в поместья начальствующих лиц. При численности армии в 400 тысяч человек в конце царствования Екатерины до 50 тысяч было «растаскано» таким образом по имениям.

Части очень несправно снабжались довольствием, жалованье задерживалось, а то и вовсе не выдавалось. Провиантский департамент был известен невообразимыми хищениями и беспорядком. Нигде негодной была санитарная часть. По справедливому замечанию француза генерала Ланжерона, служившего в русской армии, она по распространенным в ней злоупотреблениям, беспорядкам и неустройству должна бы быть худшей из европейских армий, а между тем она была одной из лучших. «Я могу скорее настаивать на действительности этого факта,— пишет Ланжерон,— чем представить удовлетворительное ему объяснение»².

Объяснение, которое он предлагает, однако, совершенно правильно, а именно: прекрасные боевые качества армии проистекают главным образом из качеств и свойств русского солдата.

Широко раскрыться они могли лишь при условии их правильного тактического использования, а это мог осуществить лишь великий полководец, который создал бы национальную русскую стратегию, как это сделали Суворов и его сподвижники.

Сын злополучного Петра III Павел снова свернул армию на путь тупой прусской муштры. Но абсурдность ложных теорий, как бы упорно их ни поддерживали, тотчас проявляется на войне и приводит к поражениям и катастрофам. Увлечение военными теориями Булова, Ллойда, Ласса стоило русским и их союзникам Аустерлица, подготовленного планом австрийского генерала Вейротера. План генерала Ифуля, построенный на тех же теориях и намечавший концентрацию значительной части русских сил в укрепленном лагере на Дриссе, при недостаточности сил, которые Россия могла противопоставить великой наполеоновской армии, позволил бы французам уже в на-

¹ «Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске». «Русский архив» № 11 за 1876 год, стр. 346.

² Петрушевский А. «Генералиссимус князь Суворов», стр. 446. СПб. 1900.

чале наступления истреблять живую русскую силу. В последнюю минуту от плана, однако, отказались, и великая наполеоновская армия погибла в борьбе с русским народом и его войском.

Если бездарное командование часто обесценивало армию, то в тех случаях, когда оно было достойно ее, мощь русской вооруженной силы оказывалась непреодолимой. Армия проявляла подвижность, маневренность, способность к быстрым переходам, она преодолевала любые климатические и топографические препятствия. Войска шли по болотам Полесья, по зараженным чумой полям Молдавии, переправлялись через Дунай, переходили Сен-Готард, высаживались на островах Ионического моря.

Полутолодные солдаты армии Румянцева (всего 38 тысяч человек) разгромили 80-тысячное турецко-татарское войско в укрепленном лагере при Ларге (7 июля 1770 года), а несколько дней спустя (21 июля) та же армия силами в 27 тысяч человек одержала победу над 150 тысячами турок, укрепившихся у озера Кагула, в то время как 11-тысячный отряд русской армии, прикрывавший ее тыл, сдерживал давление 80-тысячного татарского войска.

Это было началом длинной серии блистательных подвигов, которые русская армия совершила затем под руководством Суворова. К старым победам при Полтаве, Вильманстранде, Гросс-Егерсдорфе, Пальците, Зунерсдорфе скоро присоединились победы под Лашкраной, Сталовичами, Турлукаем, при Козлуджи, под Кинбурном, при Фокшанах и Рыспике, Крупчицах и Кобылке, на реках Аде, Тидоне, Треббии, Нуре и при Нови.

Атакующие русскими, палают укрепления Шлессельбурга и Выборга, Данцига, Краков, Бендеры, Журжа, Очаков, Измаил.

Славные традиции и воспоминания оведают знамена полков, гордых своими подвигами. «Имя полка не менялось¹, и от этого возникало соревнование между полками; славные подвиги, совершенные в полку такого-то имени, сохранялись по преданию во всем войске и возбуждали другие полки к таковым же. Кто не знает, что полки Астраханский и Ингерманландский всегда отличались перед прочими во время войн Петра Великого? Все русское войско знает, что мы победили в сражении при Гросс-Егерсдорфе благодаря 1-му

гренадерскому полку, что этот же полк и 3-й гренадерский наиболее отличались в сражении при Цорндорфе, что Ростовский полк оказал чудеса храбрости в пальцигской битве, что 1-му гренадерскому полку принадлежат честь победы в сражениях при Франкфурте и Кагуле. Все эти полки, по преданию, знали славу своего имени и ревностно оберегали ее. Я сам был свидетелем, как на другой день после одного дела под Силистрией, где отличился 1-й гренадерский полк, когда фельдмаршал Румянцев, проезжаясь вдоль этого полка, благодарил гренадеров за их героическую храбрость, они ему закричали в ответ: «Чему ты дивишься, когда мы инако были?»²

Знамя полка становится его гордостью и святыней. Его берегут, его защищают последним напряжением сил, за него умирают. Вот один из многочисленных случаев преданности знамени, отмеченный приказом Барклая-де-Толли от 4 марта 1806 года: «Старичков, находясь в сражении против Французских войск, носил знамя своего полка и когда, покрытый ранами, в ослаблении сил, увидел уже неизбежную потерю оного, то решился снять с дровка и сохранить при себе. После сего взят он был неприятелем в плен, в коем оберегал знамя до того времени, пока не почувствовал последних минут своей жизни. Тогда, призвав бывшего с ним Бутырского мушкетерского полка рядового Чуйку, умолил его беречь при себе оное до возможного случая и доставить своему полку. Приняв уверение своего товарища, что он в точности исполнит таковое верное поручение, Старичков с спокойствием духа вскоре умер. Рядовой Чуйка с равным усердием тщился скрывать знамя, и, наконец, сей священный залог единодушия верных и храбрых воинов вручил отъезжающему из Брюна Бутырского мушкетерского полка подполковнику Трескину, который представил оное начальству»³.

Западные военные историки, в том числе и такие, как Меринг, утверждают, что для русской армии характерно лишь действие большими сплоченными массами. Следует указать также на высокую инициативу русского солдата и блестящие результаты действий небольшими военными соединениями и мелкими группами. Вот один из примеров, отмеченный приказом от 22 октября 1810 года: «Знаменитая победа, одержанная на границе Картали-

¹ Наименование полков было изменено в царствование Павла, когда им по прусскому образцу были присвоены имена шефов. Это нововведение, вызвавшее возмущение армии, было отменено при Александре I.

² «Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске». «Русский архив» № 11 за 1876 год, стр. 347.

³ «Унтер-офицер Старичков». Сообщ. Г. Александров. «Русский архив» № 6 за 1877 год, стр. 166 (из дел Моск. отд. общ. арх. пл. шт. оп. 152, кн. 476, № 250).

нии, в 5-й день сентября, над 10 тыс. корпусом Персиян и Турок, едва ли не одним российским воинам была возможна. Два батальона 9-го и 15-го егерских полков, с двумя легкими орудиями и частью казаков, в холодную и ненастнейшую погоду, идут трое суток чрез снеговую гору, которую жители тех мест и неприятель считали непроходимой, и в самую полночь приближаются в таком порядке и тишине, что неприятельские караулы открыли их во ста шагах от своего лагеря. Неожиданное появление, залп из ружей и артиллерии и быстрое стремление в штыки распространяют непреодолимой ужас между многочисленного неприятеля. Храбрые Российские воины пролетают обширный лагерь от одного конца до другого, и уstraшенные Персияне и Турки, без оружия и одежды, спасаются бегством, бросаясь стремглав в глубокой каменистой ров. Весьма богатый лагерь достался в добычу победителям; все оружие, множество лошадей, лучшие драгоценности, золото и серебро разделено между нижними чинами; прочее же богатство в экипажах и палатках, по невозможности поднять и половины оно, истреблено»¹.

Оставшись без командиров, солдаты не теряются. Среди них находятся люди, которые тотчас же берут инициативу в свои руки, воодушевляют остальных, продолжают бой и часто добиваются решающего успеха. «6-го числа прошедшего июля (1810 года.— Н. К.) толпа Турок, собравшись в лесах Силистрийских, сделала печальное нападение в тесной дефиле на команду провоздавшую в Базарджик выздоровевших нижних чинов в Булгарския каруцы, на которых доставлен был в Силистрию порох, снаряды и пр.

По долгом и упорном сопротивлении офицеры изражены, несколько рядовых убито, и победа казалась уже сомнительною как внезапно 32-го Егерского полка рядовой Василий Пестряков, исполненный храбрости и отваги, с 43 человеками приверженных к нему сотрудников, заступает место начальника, пробивается сквозь толпы неприятельские, поражает их и, нанеся последний удар, вселяет ужас и принуждает Турок обратиться в бегство»².

Удержав за собой поле сражения, Пестряков «совершает похоронение тел своих сотоварищей, собирает все оставленные от страха Булгарцами их каруцы, с имуществом офицеров и солдат и, воздев на себя отбитое у неприятеля оружие, в

сем виде, как герой украшенный трофеями, окруженный израженными воинами, является к начальству в Базарджик»³.

Таких случаев множество, примеры их можно найти во всех войнах, которые вели русские. Приведем хотя бы некоторые из них:

«Углицкого мушкетерского полка рядовые: Пестр Казачок, Степан Семенов и Иван Антонов. 1807 г. января 22, у препятствий неприятелям переправы чрез реку Алле, при деревне Берфид, примером своим ободрили товарищей и с ними вместе с отличною храбростию, против моста, поракая неоднократно усиливающихся неприятелей, воспрепятствовали их намерению... Того ж года, мая 24, при деревни Шарних, увидя неприятельскую многочисленную колонну, при неустрашимом стремлении, напав с товарищами, истребили оную поражением штыков и способствовали взять в плен одного генерала, одного штаб, четырех обер-офицеров и ста пятидесяти человек нижних чинов; а 29 и 30 числ, в генеральном сражении под Гейльсбергом, были в охотниках и удержали на правом фланге неприятельское стремление на наши батареи, отразили оное с отличною храбростию»⁴.

«Л. пв. Финляндского батальона батальонный барабанщик Тимофей Миздрюков, 2 июня 1807 года при городе Фридланде, ударил егерский поход, посредством коего собрал около ста человек рядовых, кои с мужеством ударили на неприятельских стрелков и прогнали их»⁵.

«Низовского мушкетерского полка фельдфебель Петр Сонцев, 14 июня 1808 г., когда услышал, что началось сражение, будучи неустрашим и рачителен к службе, выпросился на место битвы, и придя туда, собрав к себе некоторую часть расстроенных охотников, с отличною храбростию способствовал прочим сотоварищам поражать неприятеля и отбил храбрым и мужественным своим поступком с тою частью охотников захваченных неприятелем в плен передового нашего пикета пять человек рядовых и во все время сражения находился впереди, обороняя от неприятеля и поощряя товарищей своих»⁶.

Закаленный русский солдат не боялся лишений и успешно переносил такие трудности, которые оказывались непосильными для его западноевропейских собратьев.

³ Там же.

⁴ «Подвиги русских солдат в царствование императора Александра». «Русский архив» № 11 за 1876 год, стр. 375.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 374.

¹ «Приказы военного министра Барклая-де-Толли». «Русский архив» № 12 за 1876 год, стр. 521.

² Там же.

Близкий к природе, сильный и мужественный, он не мог не находить интереса и даже радости в напряженности борьбы. Она увлекала, поглощала его. Он видел опасность, грозившую его жизни, но не думал о смерти и не боялся ее. Так, старики рассказывали про кровопролитный штурм Измаила: «...никто из нас не думал о смерти, но никто же не думал и остаться живым»¹.

Напряженность борьбы, увлечение ею, заставляющее забывать об опасности, прекрасно изображены Л. Н. Толстым в известном эпизоде с капитаном Тушиным:

«...Вследствие этого страшного шума, потребности внимания и деятельности Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха; и мысль, что его могут убить, или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось все веселее и веселее... Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра»².

Беспечельная лихость пехарактерна для русского солдата, хотя случаев ее известно достаточно. Этим больше отличались казаки, любившие рискованные проделки. «При отбитии под Красным обоза маршала Нея, козак, которому при разделе сей богатой добычи достался собственной маршальской мундир Москворецкого принца, задумал из онаго сделать забавное употребление; он, с черною длинною бородою, надел на голову маршальскую шляпу, а на себя напялил шитый его мундир и в таком наряде, как стрела, ударился прямо к шервому французскому отводному караулу; доехав до онаго в нескольких шагах, на всем скаку остановил свою лошадь и перед изумленными французами, караульным офицером и его отрядом, вытянул язык как можно длиннее, — стремглав обратился назад к своим товарищам, не дав даже времени по нем выстрелить»³.

Русский солдат, как правило, сдержан и серьезен. Он лужд рисовки, показной храбрости; он делает только то, что нужно.

Наполеон говорил о своих солдатах, что они дерутся ради славы, отличий, награды. Русские солдаты дрались ради родины. «Что нас уговаривать быть бесстрашными! — отвечали солдаты своему начальнику, пытавшемуся поднять их дух после отступления из Москвы. — Стоит на матушку

Москву оглянуться, так на чорта полезешь»⁴.

Главная опасность того момента заключалась в падении духа армии, подавленной отступлением и потерей древней столицы. Этого, однако, не случилось, так как огромность принесенной жертвы искупалась в сознании солдата пониманием, что либель Москвы явится ценой спасения родины. «...наши войска, оставив французам Москву, находились в крайнем унынии. Но в тот же вечер, 2 сентября 1812 года, на первом ночлеге, солдаты увидели, как зарево в нескольких местах поднялось над Москвою. При первом говоре о том, что Москва горит, отряд, которым начальствовал Бенкендорф, самопроизвольно выстроился, и оборотясь к Москве прокричал ура! С этой минуты солдаты снова сделались бодрь и охотны к службе...»⁵.

Будучи непосредственно заинтересован в успехе войны, солдат не мог не интересоваться качествами командования и его планами. Эту черту прекрасно учитывал Суворов, считавший необходимым постоянно информировать солдат о развитии событий. Армейская масса всегда быстро и верно реагировала на деятельность высшего начальства, то порицая и даже обвиняя его в измене, то одобряя его и восхищаясь его действиями. «Ворон ворону глаза не выклюет»⁶, — говорили солдаты о своих генералах-немцах в 1758 году, во время войны с Пруссией. «Повсюду слышно было только роптание и ругание наших главных командиров. Многие вяльв почти кричали, что измена и измена очевидная... Что это деется с нами? Где девался ум у всех наших генералов?»⁷ — говорили в войсках во время нелепого апраксинского отступления 1757 года.

Общезвестно то обожание, с которым относились солдаты к Суворову, Кутузову и другим талантливым и близким им полководцам.

Присутствие Суворова воодушевляло войска, заставляя их совершать чудеса. Нельзя не вспомнить при этом случая из итальянской кампании, когда атакующая рота, услышав крик: «Суворов здесь!», — ринулась вперед несмотря на убийственный огонь неприятеля и легла чуть не поголовно. Фукс рассказывает, что сам он видел во время сражения на Треббии, как появление белой рубашки Суворова на наиболее ответственных и упрямых участках тотчас меняло обстановку, и там, где войска только что были в замешательстве,

¹ «Рассказы старого воина о Суворове», стр. 376. М. 1847.

² Толстой Л. Н. «Война и мир». Томы I—II, стр. 217—218.

³ «Рассказы из истории 1812 года». Рассказ полковника Ф. С. Уварова. «Русский архив» № 12 за 1868 год, ст. 1996.

⁴ Там же, ст. 1984.

⁵ «Два рассказа из истории 1812 года». «Русский архив» № 10 за 1868 год, стр. 1676.

⁶ «Архив Воронцова». Т. VII, стр. 500.

⁷ Болотов А. Цит. соч. Т. I, стр. 560.

они переходили в наступление. Известный генерал Дерфельден рассказывал Фуксу, что солдаты так любят Суворова и так верят в него, что его, как талисман, достаточно развесить по войскам, чтобы обеспечить победу.

Рассказывают, что когда солдаты Кутузова увидели в первый раз «медаль с оком провидения на 1812», то они о ней говорили следующее: «Надпись то: не нам, не нам, мы знаем, она еще при государе Павле Петровиче была на рублях, а вот уж за глаз-то спасибо! Ведь это в память покойного фельдмаршала: у него, у батюшки, один глаз был, да он им более видел, нежели иной с двумя»¹.

Когда во главе русской армии оказывались такие люди, как Петр I, Румянцев, Суворов, Кутузов, Багратион, она приобретала мощь, соответствовавшую силе породившего ее народа. Это был организм, упругость, сила, стремительность которого выражались в смелой наступательной тактике. «Действовать только наступатель-

но!» — было ее девизом. Суворов, так всесторонне обучавший своих солдат, вовсе не «экзерцировал» их обороне и был убежден, что они, считая отступление и оборону последним позором и несчастьем, в случае необходимости сумеют обороняться лучше, чем солдаты, специально обученные этому.

Все знают, как трудно было русским полководцам во время Отечественной войны заставить свою армию отступать. Когда Кутузов с мудрой твердостью приказал войскам оставить Москву, полки в первый раз проходили мимо него молча, не глядя на него, не приветствуя фельдмаршала, которого так любили.

Напряжение народных сил во время борьбы с вторгшимся в пределы России противником разрешилось не только изгнанием Наполеона и уничтожением его армии, но и предопределило решительное наступление, которое русская армия повела на Париж, освобождая по пути подавленные Наполеоном нации. Столица императора, повелевавшего Европой, скоро увидела в своих стенах победоносно развевавшиеся русские знамена.

¹ «Рассказы из истории 1812 года». Рассказ полковника Ф. С. Уварова. «Русский архив» № 12 за 1868 год, ст. 1996—1997.

СООБЩЕНИЯ

СИРИЯ

(Краткая историческая и библиографическая справка)

В. Луцкий

В мае 1941 г. кровожадный германский фашизм, несущий народам гибель и порабощение, вовлек в сферу войны Сирию. Эта небольшая арабская страна (население ее, не считая кочевников, — 3 млн. человек, площадь — 200 тыс. кв. км, из которых около половины приходится на пустыню) имеет крупное стратегическое значение. Она расположена на восточном побережье Средиземного моря, на подступах к Суэцкому каналу и к мосульской нефти. Через нее проложены железная дорога и автомобильные магистрали, соединяющие зону Средиземного моря с Мосульским округом и с Персидским заливом. Над территорией Сирии проходит кратчайший воздушный путь из Европы в Индию и Индокитай. В сирийском порту Триполи заканчивается один из двух нефтепроводов для иракской нефти (открыт в 1934 г.). Сирийский порт Бейрут, значительно расширенный в последние годы, был одной из крупных французских военно-морских баз и может быть использован как первоклассная стоянка для флота.

Задолго до первой империалистической войны капиталистические государства Европы стремились захватить эту область, входившую тогда в состав Османской империи. Французская буржуазия начала подготавливать захват Сирии в XIX веке. Французские капиталисты, вывозившие из Ливана (прибрежная часть Сирии) шолк-сырец для лионских фабрик, создали в Сирии свою торговую и политическую агентуру в лице маронитских купцов и помещиков¹. В XIX в. в Сирии были основаны многочисленные французские монастыри и миссии, духовные школы и госпитали. Это были очаги французского влияния и шпионажа. Фальсифицируя историю, французские буржуазные ученые создали легенду о многовековой связи Франции с Сирией. Сирия рассматривалась ими как «младшая сестра» Франции: историческую традицию «родства» они возводили ко временам крестоносцев и Готфрида Бульонского.

В августе 1860 г. Наполеон III сделал попытку захватить Сирию. Разжигая религиозную рознь между различными группами арабского населения — маронитами и друзами Ливана, мусульманами и христианами Дамаска, — его агенты спровоцировали в стране «политико-религиозную драку»², которая была использована как предлог для высадки французских войск. Однако по настоянию Англии французские войска спустя десять месяцев были отозваны из Сирии. В результате французской экспедиции 1860—1861 гг. горная часть Ливана была выделена в автономный округ с губернатором-христианином, подчиненным непосредственно турецкому правительству.

В 1892 г. французские капиталисты получили концессию на постройку первой в Сирии железной дороги Бейрут—Дамаск. Тогда же ими была получена концессия на строительство порта в Бейруте. В начале XX в. были сооружены железные дороги Алеппо—Райяк и Триполи—Хомс, принадлежавшие также французскому капиталу. Французские компании получили ряд концессий в области коммунального хозяйства (трамваи, водопровод и газ в Бейруте и Дамаске, электрические станции и т. д.).

В тайных дипломатических переговорах о будущем разделе Османской империи Франция всегда выдвигала свои притязания на Сирию. В 1912—1913 гг. Франция открыто требовала от турецкого правительства автономии для арабских вилайетов Сирии, с тем чтобы органы автономии находились под контролем французских советников.

В то же время в Сирию начал проникать и германский капитал. В 1903 г. немецкий концерн, образованный «Дейче Банк», получил концессию на строительство Багдадской железной дороги (Кония—Багдад), которая в значительной своей части проходила по северной окраине Сирии. На трассе этой дороги лежал важнейший экономический центр Сирии — Алеппо; этот же концерн получил в 1911 г. концессию на строительство порта в Александретте.

¹ Марониты — католическая секта, признающая главой церкви папу и подчиняющаяся Ватикану; в Ливане, по переписи 1932 г., насчитывалось 228 тыс. арабов-маронитов.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 109.

В 1905—1914 гг. в Сирии возникло арабское национальное движение. Одни арабские национальные организации добивались автономии арабских вилайетов Сирии в рамках Османской империи; другие — отделения от Османской империи, полной независимости. К первой группе относились партия «Лямарказия» («Децентрализация»), основанная в конце 1912 г. сирийскими буржуазными эмигрантами в Каире, и бейрутская «Лига реформ», основанная в начале 1913 г.; ко второй группе принадлежали тайное общество «Аль Аравия аль Фата» («Молодая Аравия»), основанное в 1911 г. арабскими студентами в Париже (в 1913 г. центр этой организации был перенесен в Сирию), и тайный военно-террористический союз «Аль-Ахд» («Завет»), основанный в октябре 1913 г. в Стамбуле. В состав союза «Аль-Ахд» входили арабские офицеры, служившие в турецкой армии. В июне 1913 г. в Париже был проведен «Первый арабский конгресс» с участием представителей «Лямарказии», «Лиги реформ» и «Молодой Аравии». Руководители конгресса при посредничестве французского правительства заключили соглашение с младотурецкой партией «Единение и прогресс». В соглашении предусматривалась автономия арабских вилайетов Сирии и участие арабов в центральном правительстве Османской империи. Однако соглашение не было реализовано вследствие начавшейся мировой империалистической войны.

В ноябре 1914 г. военным губернатором Сирии был назначен один из младотурецких триумфиров — Джемаль-паша, проводивший политику репрессий в отношении сирийских националистов. В июне 1916 г. в Хиджазе вспыхнуло арабское восстание против Турции. Подготавливая это восстание, Англия обещала правителю Мекки шерифу Хусейну образовать после войны независимое арабское государство, охватывающее почти все арабские страны Азии.

В сентябре — октябре 1918 г. вся Сирия, включая Палестину и Трансиорданию, была занята английскими и арабскими войсками, поставлена под власть английской военной «Администрации оккупированных территорий противника» и разбита на три зоны. Южная зона (Палестина и Трансиордания) находилась под непосредственным управлением английских оккупационных властей. Западной зоной (Ливан и Латакия) управлял французский администратор, подчинявшийся английскому командующему. Восточная зона (внутренняя Сирия) управлялась также от имени британской «Администрации оккупированных территорий» эмиром Фейсалом¹ и арабскими военными властями.

Арабские национальные организации протестовали против оккупации и раздела Сирии. Арабская делегация на Парижской

мировой конференции, возглавляемая Фейсалом и лидерами «Молодой Аравии», требовала создания в Сирии (включая Ливан и Палестину) независимого арабского государства. Она отвергла план передачи Сирии Франции в качестве подмандатной территории. В июне 1919 г. в Дамаске собрался Генеральный сирийский конгресс, который также высказался за независимость и единство Сирии и против мандата². Однако требования арабской делегации и Генерального сирийского конгресса были оставлены без последствий.

Осенью 1919 г. в результате соглашения между Клемансо и Ллойд Джорджем, достигнутого после долгой дипломатической борьбы, английские войска были эвакуированы из Сирии и заменены в Ливане и области Бикаа французами. Во главе французской оккупационной армии был поставлен генерал Гуро, назначенный «верховным комиссаром Франции на Востоке». Генеральный сирийский конгресс призвал арабов Сирии к обороне отечества. Французские войска при своем продвижении наталкивались на сопротивление арабских партизанских отрядов.

В марте 1920 г. Генеральный сирийский конгресс провозгласил независимость Сирии и избрал ее королем эмира Фейсала.

В апреле 1920 г. на конференции Верховного совета Антанты в Сан-Ремо было решено передать всю Сирию Франции в качестве подмандатной страны. В ответ на это решение 3 мая 1920 г. в Дамаске было образовано «правительство национальной обороны». Во главе его стоял председатель Генерального сирийского конгресса Хашим аль-Атаси. Сирийская армия, пополненная множеством добровольцев, начала готовить отпор французским захватчикам.

14 июля 1920 г. генерал Гуро, сосредоточив под Дамаском 60-тысячную армию, потребовал от арабского правительства признания французского мандата на Сирию, передачи французам городов Алеппо, Хама, Хомса и железной дороги Алеппо—Райяк, а также разоружения арабской армии, угрожая в противном случае занять Дамаск. Фейсал принял ультиматум. Тем не менее генерал Гуро двинул свои войска на Дамаск. Отряды арабских патриотов во главе с военным министром Юсуфом Азма пытались оборонять столицу. 24 июля 1920 г. у горного прохода Майсалун, являвшегося подступом к Дамаску, французы сломили народное сопротивление и на следующий день вошли в город. Арабское правительство было распущено, Фейсал низложен и выслан из страны, участники национально-революционной борьбы подверглись суровым репрессиям. Сирия перешла под непосредственное управление французских военных властей.

² В крайнем случае конгресс соглашался допустить временный мандат США или Англии, причем подразумевал под этим термином «техническую помощь». Но конгресс категорически отверг мандат Франции.

¹ Сын шерифа Мекки Хусейна, провозглашенного осенью 1916 г. королем Хиджаза. Стоял во главе арабских войск, сражавшихся в Сирии под английским командованием.

Генерал Гуро расчленил Сирию на ряд карликовых «государств», или штатов: Великий Ливан со столицей в Бейруте, Дамаск, Алеппо, область алавитов. В 1921 г. внутри штата Алеппо был образован автономный санджак Александретта. В 1922 г. был образован штат Джебель-Друз. В 1923 г. штаты Алеппо, Дамаск и область алавитов образовали вместе «сирийскую федерацию», которая распалась в 1925 году. Область алавитов выделилась из федерации (впоследствии она была переименована по имени главного города в Латакию). Штаты Дамаск и Алеппо были объединены в штат Сирию (со столицей в Дамаске). В 1926 г. Ливан был провозглашен «республикой». Полновластным правителем всех штатов был французский верховный комиссар, резиденция которого находилась в Бейруте. Во главе штатов были поставлены либо французские губернаторы либо французские наместники, которым и подчинялись местные правительства.

Расчленение Сирии было произведено по религиозному признаку. Население Сирии при всей своей национальной однородности (свыше 90% его составляют арабы) делится на множество религиозных групп. Около 55% населения Сирии — мусульмане-сунниты, они преобладают в округах Алеппо, Дамаска, Хамы, Хомса и Триполи; около 5% — мусульмане-шииты, или, как их называют в Сирии, мутуалы, сосредоточенные в округах Бикаа и Сайды; около 11% — алавиты¹, или ансары, населяющие район Латакии; около 4% — друзы, живущие в Джебель-Друзе, Хауране и Ливане; около 25% — христиане, преимущественно католики (марониты, армяне, униаты), а также православные, протестанты и другие, живущие главным образом в районе Бейрута и в горном Ливане.

Осуществляя принцип «разделяй и властвуй», разжигая рознь между различными религиозными группировками населения, французские империалисты образовали христианский штат Великий Ливан (присоединив к нему некоторые мусульманские округа), мусульманские штаты Алеппо и Дамаск, область алавитов и область друзов. Что касается Александретты, то она была выделена в автономный санджак по соглашению с Турцией; здесь наряду с арабским большинством имелось значительное турецкое меньшинство. В результате такого расчленения Сирии основной очаг арабского национально-освободительного движения — внутренняя Сирия — был ослаблен и отрезан от моря.

Верховными комиссарами Франции в Сирии были: Пико (1918—1919 гг.), генерал Гуро (1919—1923 гг.), генерал Вейган (1923—1924 гг.), генерал Саррайль (1925 г.), сенатор де Жуверель (1925—1926 гг.), Понсо (1926—1933 гг.), де Мартель (1933—1938 гг.), Пюо (1938—1940 гг.) и генерал Денц (1941 г.).

Экономический и политический гнет французского империализма вызвал в Сирии

ряд антиимпериалистических выступлений и восстаний. В июле 1925 г. вспыхнуло большое национально-освободительное восстание, охватившее почти всю страну. Оно началось в области Джебель-Друз, откуда французы были изгнаны партизанскими отрядами, возглавленными Султаном Атрашем. В сентябре 1925 г. партизанское движение развернулось также в округах Дамаска, Хамы, Хомса, Алеппо. Партизанские отряды формировались из рабочих, ремесленников, крестьян, бедуинов. В Джебель-Друзе было образовано временное национальное правительство Сирии, призвавшее народ бороться «за независимость и единство Сирии, за принципы французской революции и декларации прав человека». В состав правительства вошли Султан Атраш и руководители основанной в 1925 г. в Дамаске «Партии народа» («Шааб») д-р Шахбендер, Н. Бакри и др.

18 октября 1925 г. в Дамаске началось восстание, поддержанное партизанами. В результате 48-часовой бомбардировки Дамаска, открытой по приказу генерала Саррайля, город был превращен в груды развалин. В декабре 1925 г. французам удалось остановить продвижение партизанских отрядов к Ливану, но партизанская борьба продолжалась до июня 1927 года.

Рабочий класс Сирии поддерживал партизанскую борьбу многочисленными стачками. В годы восстания была основана коммунистическая партия Сирии. Коммунистическая партия Франции выступила на защиту сирийского народа, требуя отмены мандата и эвакуации французских войск из Сирии.

В ходе восстания французским империалистам удалось отколоть от движения большую часть буржуазии и помещиков. Временное правительство, образованное в Джебель-Друзе, вскоре распалось. Раскололся на две части и сирийско-палестинский комитет в Каире, снабжавший повстанцев деньгами и оружием. Многие феодальные вожди партизанских отрядов капитулировали перед империализмом. Но массы выдвинули новых вождей из своей среды и продолжали борьбу.

В результате восстания 1925—1927 гг. арабские националисты Сирии добились созыва Учредительного собрания, в котором большинство принадлежало партии «Кутла Ватания» («Национальный блок»), образованной в 1928 году. Эта партия ставила своей задачей достижение национальной независимости Сирии. Но, находясь под руководством буржуазно-помещичьих элементов, она предпочитала добиваться этой цели мирными, реформистскими средствами. Председателем Учредительного собрания был избран лидер «Кутла Ватания» Хашим аль-Атаси.

В августе 1928 г. Учредительное собрание приняло конституцию Сирии, вызвавшую резкие возражения со стороны верховного комиссара Понсо. Конституция провозглашала Сирию независимым суверенным

¹ Алавиты и друзы — мусульманские секты.

государством, парламентской республикой. Послевоенное расчленение страны было признано недействительным. Законодательная власть передавалась палате депутатов, исполнительная власть—президенту, избранному палатой. Конституция предусматривала создание национальной армии и самостоятельность сирийской внешней политики. Понсо потребовал от Учредительного собрания внести в конституцию ряд «поправок» и, не добившись их, распустил Учредительное собрание. В мае 1930 г. он опубликовал эту конституцию с желательными для французского империализма «поправками». В частности к ее 115 статьям была добавлена 116-я, «переходная» статья, предусматривавшая, что впредь до отмены французского мандата на Сирию конституция будет применяться лишь в той мере, в какой она не противоречит мандату.

В июне 1932 г. собрался первый сирийский парламент, избравший президентом Сирии Мухаммеда аль-Абида. В состав правительства вошли представители «Кутла Ватания». Понсо начал переговоры с новым правительством о замене мандата франко-сирийским договором, который обеспечил бы французский военный контроль над формально независимой Сирией. Правительство отказалось подписать такой договор и вышло в отставку. В ноябре 1933 г. новый верховный комиссар—де Мартель—еще раз попытался навязать Сирии этот договор, но натолкнулся на сопротивление сирийского парламента. Последний был распущен, и действие конституции приостановлено.

В 1934—1935 гг. в Сирии начался новый подъем национально-освободительной борьбы. В пролетарских центрах Сирии происходили массовые стачки, в деревнях—крестьянские волнения. В Ливане все население было охвачено кампанией бойкота против восстановленной де Мартелем французской табачной монополии.

10 января 1936 г. на митинге, созванном в Дамаске партией «Кутла Ватания» в память одного из умерших вождей национально-освободительного движения, был принят «Национальный пакт», выдвигавший ряд требований:

1. Освобождение сирийских территорий из-под чужеземного гнета, их полная независимость, суверенитет и единство.

2. Совместные действия с другими арабскими странами. Арабское единство.

3. Свобода и равноправие всех граждан без различия вероисповедания. Повышение социального, экономического и культурного уровня всех классов народа.

4. Единство действий всех национальных организаций и др.

В ответ на последовавшие репрессии против руководителей движения, 19 января 1936 г. в стране началась всеобщая стачка протеста. Были закрыты все предприятия, учебные заведения, рынки, магазины. В городах шли массовые демонстрации. Французские войска расстреливали демонстрантов. Стачка продолжалась 42 дня. 1 марта французские власти были вынуждены принять требования, выдвинутые пар-

тией «Кутла Ватания»: восстановить конституцию, объявить выборы в парламент, амнистировать политических заключенных и ссыльных, допустить сирийскую делегацию во главе с Хашимом аль-Атаси в Париж для переговоров о франко-сирийском договоре.

Франко-сирийский договор, заключенный 9 сентября 1936 г., предусматривал, что в течение трех лет мандат на Сирию будет отменен; Сирия, получив независимость, вступит при содействии французского правительства в Лигу наций. Верховный комиссар будет заменен французским послом. Вся Сирия, за исключением Ливана, будет единой. Латакия и Джебель-Друз войдут в ее состав. Между Францией и Сирией будет заключен военный союз. Франция сохранит в Сирии две военно-воздушные базы и оставит на 8-летний срок юговойска в Латакии и Джебель-Друзе. В Сирии будет создана национальная армия; для ее обучения в Дамаск будет приглашена французская военная миссия.

Такой же договор был заключен в ноябре 1936 г. с Ливаном, с тем отличием, что французские войска оставались в Ливане в неограниченном количестве на неопределенный срок. В Ливане развернулось движение за единство с Сирией, подавленное французскими штыками.

После заключения франко-сирийского договора Турция выдвинула свой притязания на автономный санджак Александретты. В мае 1937 г. между Францией и Турцией был достигнут компромисс: Александретта, оставаясь формально в составе Сирии, переходила под совместный франко-турецкий контроль. В июле 1938 г. Турция ввела в санджак свои войска, которые обеспечили победу турецкой партии на выборах в парламент Александретты. На санджак были распространены турецкие законы, была введена турецкая валюта, он был включен в таможенные границы Турции. В июне 1939 г. Франция окончательно передала Турции санджак Александретты.

В ноябре—декабре 1936 г. в Сирии на выборах в парламент победила партия «Кутла Ватания». Президентом Сирии был избран Хашим аль-Атаси; ватанисты образовали правительство во главе с Джамилем Мардамом. Латакия и Джебель-Друз вошли в состав Сирии. В 1937 г. была легализована коммунистическая партия Сирии, развернувшая борьбу за образование народного антиимпериалистического фронта.

Французские империалисты все время вели в Сирии подрывную работу, направленную против нового правительства. Они разжигали национальную и религиозную рознь, поощряли сепаратизм феодалов Ливана, Латакии, Джебель-Друза. В области Дезири они спровоцировали мятеж курдских феодалов против правительства (июль 1937 г.).

Наряду с французскими реакционерами подрывную работу в Сирии вели также агенты германского и итальянского фашизма. Подготавливая почву для захвата Сирии, они стремились ослабить ее оборону и сорвать осуществление франко-

сирийского договора. С этой целью они поддерживали реакционные течения внутри страны, занимались шпионажем, организовывали диверсионные акты.

В 1939 г. в Бейруте состоялся народный антифашистский конгресс, направленный против происков германского и итальянского фашизма в арабских странах.

В начале 1939 г. французский парламент отказался ратифицировать договоры с Сирией и Ливаном. Вопреки обязательствам Франция сохранила свой мандат на Сирию и Ливан. Национальное правительство было удалено в отставку. Вслед затем была отменена конституция Сирии, распущен парламент, правительство заменено «кабинетом директоров», подчиненных непосредственно заместителю французского верховного комиссара в Дамаске. Такие же меры были проведены и в Ливане. Компартия Сирии и Ливана были запрещены. Их центральный орган «Саут-аш-Шааб» («Голос народа») был закрыт; лучшие люди рабочего класса Сирии были преданы военному суду и осуждены на многолетнюю каторгу.

2 сентября 1939 г. Сирия и Ливан были объявлены военной зоной и поставлены под власть генерала Вейгана, назначенного «главнокомандующим французскими силами на Средиземноморском Востоке» (на этом посту он оставался до мая 1940 г., когда был назначен верховным главнокомандующим и отозван во Францию). В Сирии была сосредоточена «армия Вейгана», численностью в 150—200 тыс. человек. Вейган предполагал использовать Сирию как плацдарм войны против Советского Союза.

После поражения Франции вопрос о Сирии приобрел особую остроту. Англия, опасаясь, что державы оси используют Сирию для операций против Суэцкого канала и Мосула, тотчас же закрыла сирийскую ветвь нефтепровода и предупредила, что не допустит оккупации Сирии и Ливана какой бы то ни было враждебной державой. В то же время англичане поддерживали движение де Голля среди французских чиновников, офицеров и солдат, находившихся в Сирии. Многие из них были демобилизованы, удалены в отставку и вернулись на родину, другие бежали к англичанам в Палестину. Численность французской армии в Сирии сократилась до 30—40 тыс. человек, и они состояли теперь почти целиком из колониальных войск.

В сентябре 1940 г. в Сирию прибыла итальянская подкомиссия по перемирию. Она требовала передать Сирию, особенно ее морские и воздушные базы, под конт-

роль Италии. В связи с прибытием итальянской подкомиссии в Сирии произошел ряд массовых антиитальянских демонстраций. Демонстранты, протестуя против захватнических притязаний Италии, требовали национальной независимости.

В январе 1941 г. французский верховный комиссар в Сирии генерал Денц был подчинен чрезвычайному уполномоченному правительства Виши по делам Северной Африки генералу Вейгану.

В марте 1941 г. в Сирии начались крупные волнения в связи с острым недостатком продовольствия. Вскоре волнения приняли политический характер и переросли во всеобщую стачку. Предприятия, рынки, магазины, учебные заведения были закрыты. Стачки и демонстрации продолжались в течение месяца. По приказу Денца демонстранты (в том числе женщины и дети) расстреливались из ружей и пулеметов. Лидеры «Купла Ватания» потребовали от Денца восстановить конституцию, объявить немедленно выборы в парламент, образовать новое национальное правительство. Однако Денц заявил, что Франция «намерена продолжать свою миссию в Сирии» и что независимость Сирии может быть предоставлена лишь «при соответствующей международной обстановке». Вместо национального правительства генерал Денц в начале апреля 1941 г. образовал кабинет Халида Азима из профранцузских элементов.

В мае 1941 г. немецкие фашисты при потворстве правительства Виши перебросили в Сирию свои самолеты и использовали сирийские аэродромы для воздушных налетов на Ирак. Чтобы помешать германской агрессии на арабском Востоке, английские войска и части генерала де Голля вступили 9 июня 1941 г. на территорию Сирии. Английское правительство и генерал де Голль гарантировали Сирии независимость. Однако холуй немецкого фашизма генерал Денц, по указанию правительства Виши, оказал вооруженное сопротивление союзникам. В результате непродолжительной борьбы английские и деголлевские части сломали основные силы Виши, заняли Дамаск и Тадмор, подошли к Бейруту. Развернувшееся к этому времени народное движение в Бейруте против ставленников правительства Виши и их фашистских хозяев вынудило генерала Денца согласиться на перемирие с Англией.

Благодаря этому важнейшая база германского фашизма в Сирии оказалась быстро ликвидированной.

Литература по новейшей истории Сирии

Гранкур. Тактика на Ближнем Востоке (1919—1922). Перевод с французского. М. Воениздат. 1928.

Автор, французский генерал, дает тактический анализ операций армии генерала Гуро в Сирии.

Джемаль-паша. Воспоминания. Тифлис. 1923.

Перевод воспоминаний одного из лидеров младотурецкой партии, бывшего в 1914—1916 гг. наместником Сирии. Автор пытается доказать связь арабских национальных организаций с иностранными разведками и оправдать свою политику репрессий.

Конституции Сирии и Ливана. Помещены в сборнике «Конституции буржуазных стран». Т. III. Соцэкгиз. М. и Л. 1936.

Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы. Сборник документов под ред. Е. А. Адамова. Изд. Литиздата НКВД. М. 1925.

Раздел Азиатской Турции. Сборник документов под ред. Е. А. Адамова. Изд. Литиздата НКВД. М. 1927.

В этих двух сборниках содержится ряд дипломатических документов 1914—1917 гг. из архивов царского и Временного правительств относительно послевоенного раздела арабских стран, в частности Сирии (притязания Франции на Сирию, переговоры Сайкса и Пико с Сазоновым, проект сепаратного мира с наместником Сирии Джемаль-пашою, вопрос о Палестине и сионизме и т. д.).

Лиддель-Гарт. Полковник Лоуренс. Перевод с английского. М. 1939.
293 стр.

Автор — видный английский военный писатель, редактор военного отдела газеты «Таймс». Дает апологетическую биографию известного английского разведчика Лоуренса. Ряд глав посвящен палестинской и сирийской кампаниям 1917—1918 годов.

Луцкий В. Национальная революция 1925—1927 гг. в Сирии. Сборник «Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г.». Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1937, стр. 63—93 (Стенограмма доклада, прочитанного на сессии арабистов 15 июня 1935 г.).

В докладе дается характеристика причин и движущих сил восстания 1925—1927 гг., краткое описание событий, подчеркивается международное значение восстания.

Некора А. С. Арабские политические общества в период 1908—1916 гг. (по документам военного суда 4-й турецкой армии). «Новый Восток» № 1 (7) за 1925 год, стр. 177—187.

Рамзи. Рабочее движение в Сирии на современном этапе. «Революционный Восток» № 3 за 1935 год.

Автор — сирийский коммунист. В статье дается характеристика политического положения Сирии, стачечной борьбы рабочего класса, участия рабочего класса в национально-освободительной борьбе, задач коммунистической партии Сирии.

Саид Амин. Великое арабское восстание. Подробная история, охватывающая арабское движение за четверть века. Т. I. Борьба арабов с турками. Вып. 2-й. Перевод с арабского Х. И. Кильберг, под ред. Х. К. Баранова. Предисловие В. Б. Луцкого. Стеклографированное издание Московского института востоковедения. 1940.

Трехтомный труд арабского буржуазного историка А. Саида охватывает историю арабского национального движения в Сирии, Палестине, Ираке и Аравии за период с 1908 по 1927 год. В книге приводятся ценные данные об арабских тайных обществах и политических партиях Сирии, об их программных требованиях и деятельности, об арабском правительстве 1918—1920 гг. о вооруженной борьбе арабских народных масс Сирии с французским империализмом в 1919—1920 и 1925—1927 годах. Автор — сторонник арабского национального движения. Однако он сочувствует реакционным феодальным элементам движения (Фейсал и его группа). Изданная в русском переводе часть книги Амина Саида охватывает события 1916—1918 годов. Переведена также и подготовлена к печати часть книги, относящаяся к событиям 1908—1916 годов.

На русском языке имеется ряд буржуазных работ по экономике и географии Сирии в довоенный период:

Аугаген. Очерки природы и сельского хозяйства Сирии и Палестины. Перевод с немецкого. 1918. 94 стр. Немецкое издание вышло в 1907 году.

Зеленой. Географическое описание Сирии. 1883. (Сборник географических и топографических материалов по Азии. Вып. 4-й.)

Петкович. Ливан и ливанцы. (Сборник географических и топографических материалов по Азии. Вып. 19-й.)

Руппин. Современная Сирия и Палестина (Syrien als Wirtschaftsgebiet). Перевод с немецкого. П. 1919. Немецкое издание вышло в 1916 году. Автор книги— немецкий сионист.

В советской литературе экономика Сирии освещена в справочниках «Страны Востока». Т. I (1934), «Современный Восток» (1937). «Аграрный вопрос и крестьянское движение». Т. IV (1937).

Из наиболее значительных буржуазных работ на иностранных языках следует отметить:

Antonius George. The arab awakening. The story of the arab national movement. L. 1938.

Антониус Джордж. Пробуждение арабов. История арабского национального движения.

Лучшая из буржуазных книг по истории арабского национального движения в Сирии, содержит чрезвычайно ценные данные о раннем периоде арабского национального движения. Послевоенный период освещен более бегло и поверхностно. Автор—палестинский араб—сочувствует национальному движению, но в то же время проявляет склонность к компромиссу с империализмом. Лейтмотив книги—развитие арабской национальной идеи. Автор не в силах научно объяснить этот процесс, так как он игнорирует экономический базис и социальное содержание национальной идеологии.

Andrea. La révolte druze et l'insurrection de Damas. Paris. 1937.

Андреа. Друзский мятеж и восстание в Дамаске.

Книга о восстании 1925—1927 гг., написанная палачом этого восстания генералом Андреа, который командовал в тот период французскими войсками в Сирии.

Bougon Henri. Les druzes. Histoire des druzes et de la montagne haou-ganaise. 424 p. 2-e, éd. 1930.

Бурон Анри. Друзы. История друзов и Хауранской горы.

Автор книги—французский офицер, служивший в Сирии, апологет французского империализма. В книге имеются ценные фактические данные о друзах и особенно о восстании 1925—1927 годов.

Brockelmann C. prof., dr. Geschichte der arabischen Literatur. Dritter Supplementband. Lieferungen 6, 7. Leiden. 1939.

Брокельман К. История арабской литературы. 3-я дополнительная часть. Вып. 6 и 7-й.

Сводная работа библиографического типа по истории арабской литературы и культуры XX века. В указанных выпусках даются библиографические и библиографические данные об арабских писателях Сирии.

Carbillet. Au Djebel-Druze. Choses vues et vécues. Paris.

Карбилье. В Джебель-Друзе. Виденное и пережитое.

Мемуары капитана Карбилье, губернатора области Джебель-Друз; его произвол и издевательства над населением послужили толчком к восстанию 1925—1927 годов. Цель книги—самооправдание. Вопреки неопровержимым фактам автор пытается изобразить себя «цивилизатором», а вождей восстания—реакционными феодалами, отстаивающими свои старинные привилегии.

Jung Eugène. La révolte arabe. Vol. I. 1906—1916. Vol. II. De juin 1916 à nos jours. La lutte pour l'indépendance. Paris. 1925.

Юнг Е. Восстание арабов Т. I. 1906—1916. Т. II. От июня 1916 г. до наших дней. Борьба за независимость.

Автор, написавший ряд книг по арабскому вопросу,—бывший французский резидент в Индо-Китае. По поручению французской разведки связался в 1905 г. с арабскими эмигрантами в Париже; издавал вместе с одним из видных арабских публицистов журнал «L'Orient Arabe» («Арабский Восток»). Впоследствии был удален в отставку, но сохранил прежние связи с арабскими националистами, подвергал резкой критике политику французского правительства в арабском вопросе, требовал независимости арабских стран. Книга представляет собою набор газетных вырезок, писем и документов, подобранных с целью изобразить в явно преувеличенных размерах роль автора книги и его арабских друзей в сирийском национальном движении. Некоторые из этих материалов все же представляют большой интерес.

Himadeh S. (ed.). Economic organization of Syria and Lebanon. Beyruth. 1935.

Экономическая организация Сирии и Ливана. Сборник статей под редакцией Саида Химаде. Издание Американского университета в Бейруте.

Kampfmeyer G. prof., dr. Damaskus. Dokumente zum Kampf der Araber um ihre Unabhängigkeit. Vorabdruck aus «Welt des Islams». Bd. 8, H. 2—4. 1925. S. 85—144.

Кампфмейер Г. проф., доктор. Дамаск. Документы борьбы арабов за свою независимость. Отрывок из журнала «Мир ислама».

Программные требования, воззвания, петиции и другие документы арабских национальных организаций Сирии за период с 1904 по 1925 год.

Mas-Callum E. Nationalist crusade in Syria. N. Y. Foreign policy Association. 1928.

Мак-Коллэм. Национальный крестовый поход в Сирии.

Монография о сирийском восстании 1925—1927 гг. Автор — научная сотрудница Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке — добросовестно подобрал факты, характеризующие внешнюю сторону восстания, ход военных событий, переговоры и т. д., однако буржуазная ограниченность мешает ему понять сущность и значение восстания.

Morgan Jones, Jone. La fin du mandat français en Syrie et au Liban. Paris. 1938.

Морган-Джонс, Дж. Конец французского мандата в Сирии и Ливане.

Автор — лектор Высшей школы права в Париже. В книге дается исторический очерк франко-сирийских отношений под юридическим углом зрения.

Samné George. La Syrie. 733 p. Paris. 1920.

Самне Ж. Сирия.

Автор книги — ливанский эмигрант, генеральный секретарь, а затем председатель «Центрального сирийского комитета» в Париже — организации, связанной с французским правительством, сторонник французского мандата. Наибольший интерес в его книге представляют главы об арабском национальном движении в Сирии в 1908—1914 и в 1914—1918 годах.

Temperley. A history of the peace conference. Vol. VI. London. 1924.

Темперлей. История мирной конференции. Т. VI.

В книге известного английского буржуазного историка Темперлея дается описание переговоров о разделе арабских провинций Турции во время войны 1914—1918 гг. и на Парижском мирном конгрессе. Освещаются деятельность арабской делегации в Париже и события в Сирии до взятия Дамаска французами.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

К КАПИТУЛЯЦИИ БЕРЛИНА 9 ОКТЯБРЯ (н. ст.) 1760 ГОДА *

Военная экспедиция на Берлин была выполнена по плану, выработанному «конференцией при высочайшем дворе», все время руководившей из Петербурга действиями русского главного командования. В связи с передвижением русской армии в направлении к Померании, где шла осада прусской крепости Кольберга, было предложено захватить Берлин и, взяв контрибуцию с города, несколько пополнить военную казну и поднять дух армии и престиж Российской империи. Этим заранее определялся кратковременный и «проходной» характер берлинской экспедиции. Ее начальником был назначен оказавшийся изменником наемный немец генерал-майор граф Тотлебен; в его распоряжении был отряд в 8—9 тыс. чел., состоявший преимущественно из регулярной кавалерии и казаков. Для поддержки Тотлебена был выделен более крупный отряд генерал-поручика (лейтенанта) З. Г. Чернышева силой до 12 тыс. чел., главным образом пехоты. Гарнизон Берлина состоял из 3 батальонов пехоты и 2 эскадронов гусар; но там ожидали подкреплений. На требование сдачи со стороны Тотлебена, подошедшего 3 октября к южным воротам города, был получен отказ; неудачной была попытка овладеть городом силой, предпринятая в ночь на 4 октября. Тотлебен принужден был отойти от ворот. В следующие дни — 4 — 8 октября — в Берлин было введено до 12 тыс. прусских войск. К русским подошел отряд Чернышева и вызванная Чернышевым дивизия Панина. Соотношение сил получилось такое: 14 тыс. пруссаков против 37 тыс. русских. При этих условиях пруссаки уклонились от боя и вышли из города в ночь на 9 октября. Комендант Берлина послал Тотлебену предложение о сдаче, и Тотлебен начал переговоры, не предупреждая об этом старшего по чину Чернышева. Это обстоятельство, а также то, что Тотлебен был с самого начала назначен начальником экспедиции на Берлин, было причиной того, что он оказался полным хозяином в сдавшемся городе. Из пе-

чатой «капитуляции» видна вся мягкость ее условий. На деле изменническая деятельность Тотлебена сделала ее еще более мягкой. Контрибуция, первоначально назначенная в 4 млн. талеров золотом, была сбавлена Тотлебеном до 1,5 млн., частью (с долгой задержкой) она была выплачена серебром. Представителями русской военной власти в Берлине оказались только немцы: главный начальник Тотлебен, комендант Бахман и адъютант Тотлебена Брик, поселившийся на квартире одного из видных берлинских купцов — Готцковского — и бывший посредником в переговорах с берлинским бюргерством. Из сдавшегося в плен берлинского гарнизона было отправлено в русский тыл только 700 человек. Оружие, вопреки инструкции, данной Тотлебену, далеко не было сдано полностью. Были оставлены в неприкосновенности (уконная фабрика, работавшая на прусскую армию, арсенал, главный провиантский склад и монетный двор. Повидимому, против желания Тотлебена и по инициативе отдельных начальников русских частей были разорены литейные и пушечные дворы, пороховые мельницы и ружейные заводы в городе и его окрестностях, хотя Тотлебен в своих донесениях приписывал эти меры себе. В записках Готцковского есть ясные намеки на то, что Тотлебен был щедро награжден в Берлине местными банкирами и купцами. Ложный слух о приближении Фридриха с большой армией сократил оккупацию Берлина. 11 и 12 октября отряды русских один за другим оставили Берлин. Формально цели экспедиции были выполнены; во всяком случае, поднятие престижа русской армии в отношении союзников было достигнуто. Надо добавить, что в следующем, 1761 г. изменническая деятельность Тотлебена была разоблачена. Приговоренный военным судом к смерти, он, однако, был только изгнан из России с отнятием чинов и орденов. Удивительнее всего, что позднее он был вновь принят на русскую службу и получил возможность продолжать свои безобразные деяния в Грузии, куда был послан в качестве начальника отряда, назначенного охранять Грузию от турок. Ниже печатаемый текст капитуляции Берлина дается в русском переводе с подлинника на немецком языке, хранящегося в Центральном государственном военно-историческом архиве.

* Публикуемые ниже документы: текст капитуляции Берлина и рапорт фельдмаршала Апраксина о Гросс-Егерсдорфской битве представлены для напечатания дирекцией Центрального государственного военно-исторического архива (ЦВИА).

Текст капитуляции Берлина

Пункты капитуляции, которую пород Берлин из милости ее императорского величества всероссийской и по известному его сиятельству командующего господина генерала человеколюбиво получить надется.

1. Чтоб сей столицный город и все обыватели при их привилегиях, вольностях и правах содержаны, а торговля, фабрики и науки на прежнем основании оставлены были.

2. Чтоб свободное отправление веры и служба божия при нынешнем учреждении без малейшей отмены позволено было.

3. Чтоб город и все предместья от постоев освобождены, а легким войскам дозволено не было ворваться в город и в предместья.

4. Если нужда потребует несколько регулярных войск расположить в городе и в предместьях, то б сие учинено было на основании бывших поныне учреждений, а те кои прежде от того выключены и впредь свободны быть имеют.

5. Все обыватели вообще какого звания и достоинства ни были останутся в покойном владении их имения и все беспорядки и грабительства в городе и в предместьях и в магистратских деревнях допущены не будут.

6. Все церкви, школы, госпитали и все духовные учреждения с их служителями содержаны будут при их доходах и учиненных распоряжениях.

7. В здешних королевских коллегиях, также в земских и магистратских коллегиях и городских судах все архивы и регистратуры и доходы, кои с королевской казной сопряжения никакого не имеют, — оставлены будут.

8. Торговля морем и сухим путем как внутри, так и в чужих землях беспрепятственно продолжаться будет впредь.

9. Хождение почты пресечено не будет, но свободный проход и привоз везде позволяем будет.

10. Полицейские учреждения на прежнем основании останутся, а все цехи и гильдии при их привилегиях оставлены, а в рассуждении их персон и ремесленных людей и подмастерьев никакие препятствия учинены не будут.

11. Городу Берлину такое обещание дается, что сия капитуляция в рассуждении всех союзных с ее императорским величеством всероссийскою державой и их войск действительность имеет и впредь никаким

образом какие-либо требования учинены не будут.

12. А как еще некоторые пункты следующие к сущей пользе города и почитаемые за следствие всемилоштивейше обещанной от ее императорского величества всероссийской протекции здесь еще довольно не показаны, то его сиятельство командующий господин генерал в таких пунктах по прощению магистрата також в даче потребного иногда покровительства особливо позволяет.

13. А на против того от города Берлина вместо требованной муки рационов и порционов за немением пахотных земель или прочих к тому потребных способов завтра по утру заключено быть имеет состоящему под командою его высокографского сиятельства корпусу 100/т талеров, да на корпусу господина генерала графа Лессия 100/т талеров же, а тогда уже никаких претензий какого звания они не были впредь учинены не будут.

Что ж касается до императорской контрибуции, то город по случаю требованного на последок числа полутора миллионов единственно подвергает себя в том прославленной во всем свете ее императорского величества всероссийской милости в рассуждении известной скудости всех жителей и надеется многомогущим от российский генералигета заступлениям в сей не малой сумме получить милостивое упущение и облегчение.

А между тем обязуется здешнее купечество на всю сумму дать вексель в шесть дней его высокографскому сиятельству, представляя себе однако при том, что все то, что в помянутых шести днях в уплату собрано будет серебряными деньгами в уплату ж принять быть имеет, а на остальную сумму векселя даны будут на червонные, считая каждый по четыре талера и платеж учинен будет в два месяца.

В прочем городу такое обнадеживание дано, что сверх поставленных всей капитуляции денежных сумм, от прочих, стоящих в городе или за городом или же приближающихся еще австрийских войск никакие контрибуции или подарки деньгами ниже поставка провианта и фуража, впредь требованы не будут.

Берлин, 9 октября 1760 г.

Президент, бургомистры и ратман Кирххен, Рейхгелм, Редигер, Диперих граф Тотлебен.

Репорт фельдмаршала Апраксина о Гросс-Егердорфской битве

Гросс-Егердорфская битва была первым сражением 7-летней войны, в которой участвовала русская армия. Она произошла 19 августа ст. ст. (30 августа н. ст.) 1757 года.

Русская армия вследствие очень длительных приготовлений и чрезвычайно медленного передвижения из Курляндии

через Литву в собственно («Восточную») Пруссию начала участвовать в военных действиях очень поздно. Главнокомандующий русской армией фельдмаршал Степан Федорович Апраксин принимал близкое участие в придворных интригах, связанных с болезнью императрицы Елизаветы и с подозрительными действиями канцлера Бе-

стужева и вел. княгини Екатерины, жены наследника престола (будущего Петра III), в частности в сношениях последних с английским послом Уильямсом, и поэтому не торопился. Хотя Апраксин и двигался навстречу прусским войскам, но непосредственная инициатива встречи двух армий принадлежала пруссакам. В битве обе стороны допустили немало ошибок, но победа после жаркого боя решительно осталась за русскими. Русские потери: 1348 убитых и 5129 раненых, по другим сведениям — 1486 убитых и 4494 раненых. Прусские потери: 1817 убитых и 2337 раненых, по другим сведениям, число подобранных и похороненных трупов пруссаков превышало 3 тыс.; орудий пруссаки потеряли 26.

Величайшей ошибкой Апраксина было неиспользование одержанной победы и последующее отступление к Тильзиту и Мемелю. Причиной был явный недостаток военных талантов у Апраксина и зависимость его от петербургских интриг, оживившихся в связи с обострившейся болезнью Елизаветы. Апраксин был отставлен, арестован и умер под судом в 1758 году.

Публикуем текст рапорта фельдмаршала Апраксина о Гросс-Егерсдорфской битве¹.

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу коим образом руководством всемогущаго бога и щастием вашего императорскаго величества вчерашняго числа над гордым неприятелем совершенная между местечком Наркитиним и деревнями Гросс-Егерсдорф и Амелсгоф одержана победа разбитием и прогнанием всей его армей до самой Велавы.

¹ ЦВИА, ф. ВУА, д. 1657, л. 609.

Оная после трех часном из мелкого ружья безпрерывно продолжавшемся огнем, умалчивая о пушечном в таком безпорядке побежала, что почти всю полевую артиллерию и несколько полковых пушек в добычу победоносному вашему величеству оружие оставила. Урон с нашей стороны за краткостью времени еще неизвестен. Между убитыми находятся генерал Лапухин, генерал-поручик Зыбин и бригадир Капнистов. Между ранеными генералы Юрья Ливенов, генералы-поручики Матвей Ливенов и Матвей Толстой, генерал-майоры Дебоскетов, Вилбоэ, Иоганов, Мантейфель и бригадир Племянников, однако ни один опасности не подвержен.

С неприятельской стороны думать надобно, что урон гораздо знатен, о чем впереди всеподданнейше обстоятельно довести не премину, а в полон взято рядовых более «600» человек и несколько офицеров, из коих многие раненые померли, а дезертиров по сей час приведено только с «300» человек, которых ежечасно умножается, ибо лежкими войсками беспрестанно приводятся. Сегодня приказ отдан для погребения мертвых тел и принесения всемогущему богу искренних благодарных молитв якоже и для распоряжения марша растаян(ие) иметь.

И тако всемилостивейшая государыня держая ваше императорское величество сею от бога дарованною милостию всеижайше поздравить желая чтоб и вперед всемогущею своею десницею победоносное оружие вцелости сохранить и благословить благоволим.

Журнал за скоростью теперь не прилагается, которой впредь прислан быть имеет.

Вашего императорского величества В Главной квартире в Пруссии на месте Баталии 20 августа 1757 г.

Всеподданнейший раб
Степан Апраксин».

ПОДЛИННЫЕ ПОТЕРИ РУССКОЙ АРМИИ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

Б. Кац

Большинство историков и исследователей Отечественной войны 1812 года считает, что в результате Бородинского сражения русская армия потеряла почти половину своего состава и понесла больший урон, нежели наступавшие французы. Историк Богданович¹ исчисляет потери русских в

58 тысяч, французов — в 28 тысяч с небольшим. Один из позднейших исследователей Бородинского сражения, Скугаревский, основываясь на данных Богдановича, сделал вывод, что после сражения французская армия стала почти вдвое сильнее русской в количественном отношении².

Подобное заблуждение существует до

¹ Богданович «История Отечественной войны». Т. II, стр. 222, 223. Изд. 1859 года.

² «Бородино», стр. 79. 1912.

настоящего времени и получило свое отражение в наших учебниках¹. Оно является результатом отсутствия критического анализа и тщательной документации и проверки данных, которые в свое время опубликовал первый официальный, «по высочайшему повелению», историограф Отечественной войны Михайловский-Данилевский, определивший путем умозаключений потери русской армии в 57—58 тысяч².

Ряд современников называет другие цифры, на которые историки, к сожалению, не обратили внимания. Участник Отечественной войны Писарев определяет потери русских в 43 тысячи человек, а французов—в 52 482 человека³. В работе Неелова «Опыт описания Бородинского сражения» потери русских определены в 45 тысяч человек, а французов—в 60 тысяч человек.

Тщательное изучение документов, хранящихся в Центральном военно-историческом архиве, дает полную возможность не только определить подлинные размеры потерь русской армии, но и вскрыть ошибку, допущенную в свое время Михайловским-Данилевским. Эти же документы (ведомости потерь) устанавливают и некоторые факты Бородинского сражения, которые до сих пор были недостаточно, а зачастую и неправильно освещены.

Михайловский-Данилевский считает, что только 1-я армия документально оформила понесенные потери в виде сводной ведомости, а вторая армия вследствие ранения Багратиона и его начальника штаба Сен-При и выбытия из строя многих штабных офицеров сведений о потерях не составляла. Опись 208а, св. О, д. № 107, ч. 39-я, лл. 30—31 содержит черновик документа, озаглавленного: «Ведомость 1-й Западной армии убитыми, ранеными и без вести пропавшими в сражениях противу французских войск в течение 1812 года генералам, штаб-оберофицерским и нижним чинам июня с 6 и октября по 14 число». Ведомость составлена в декабре, но 1-я армия, которая в ней упоминается,—это уже не та по своей организационной структуре армия, которая участвовала в Бородинском сражении.

По приказу Кутузова от 16 сентября № 26 (главная квартира—деревня Мочь) произошло слияние 1-й и 2-й армий с сохранением названия 1-й⁴. Следовательно, декабрьская ведомость 1-й армии отражает потери уже объединенных армий, что подтверждается перечислением пунктов, где происходили бои с июня по октябрь 1812 года. Упоминание таких мест, как Мир и

Салтановка, окончательно рассеивает как-либо сомнения и убеждает нас в том, что в данной ведомости показаны потери объединенных армий, так как части 1-й армии под Миром и Салтановкой никогда не сражались, а действовала там армия Багратиона, стремившаяся пробиться на соединение с армией Барклая. По суммированным данным этой ведомости, относящимся к Бородинскому сражению, потери составляли 37 933 человека убитыми, ранеными и без вести пропавшими.

Не только Михайловский-Данилевский, но и позднейшие военные историки, знакомясь с этим документом, не обращали внимания на указанное нами обстоятельство и впадали в ошибку, преувеличивая тем самым потери русской армии⁵. Наконец, в делах архива нами обнаружен документ, не упоминаемый ни одним историком. Это ведомость потерь в Бородинском сражении, относящихся только к 1-й армии Барклая (2, 3, 4, 5, 6-й пехотные корпуса и 1, 2, 3-й кавалерийские корпуса), подписанная полковником Ховеном⁶. Потери 1-й армии по этой ведомости составляют 20 743 человека, но так как некоторые части (они перечислены в ведомости) не представили сведений о потерях к моменту составления этого документа, то данные эти не совсем точны. Но, пользуясь этими документами, уже можно установить приблизительные потери армии Багратиона, для чего достаточно из 37 933 (данные сводной ведомости) вычесть 20 743 (данные по 1-й армии); разница в 17 190 человек и будет составлять потери 2-й армии, по которой сводная ведомость действительно не составлялась.

Дальнейшее всестороннее изучение документов дало возможность установить, что все без исключения части, принимавшие участие в сражении, представили в главное дежурство армии сведения о понесенных потерях, в том числе и части 2-й армии, о потерях которой судили только по догадкам. Эти не использованные до сих пор историками документы дают богатейший материал и устанавливают точные размеры потерь русской армии в Бородинском сражении.

Командир сводной гренадерской дивизии, принимавшей активное участие в обороне Багратионовых флешей, Воронцов в своих воспоминаниях пишет: «Из 4-х тысяч человек приблизительно на вечерней переключке оказалось менее 300... эта горсть храбрецов не могла уже оставаться отдельной частью и была распределена по разным полкам»⁷. По ведомости же 8-го

¹ См. «Новая история». Ч. 1-я, стр. 212. М. 1939.

² А. Михайловский-Данилевский. Полное собрание сочинений. Т. IV, стр. 446. С.-Петербург. 1850.

³ «Военные письма и замечания наиболее относящихся к незабвенному 1812 году и последующим», стр. 81. 1817.

⁴ Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), ф. ВУА, № 3524, л. 27.

⁵ Никольский «Бородинская битва и ее столетний юбилей 24—26 августа 1812—1912 года», стр. 28.

⁶ ЦВИА. Оп. 208а, св. О, д. № 4, ч. 2-я, л. 2 и оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, лл. 68—73.

⁷ Харкевич В. «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Материалы военно-ученого архива, выпуск 1-й, стр. 204. Изд. 1900 года.

корпуса, составленной 6 сентября (старый стиль) на походе, в состав которого входила дивизия Воронцова, в ней после сражения оставалось 1560 человек. Потери ее составляли 2569 человек, или 63% к первоначальному составу¹.

Так же преувеличены потери артиллерийских частей, подсчитанные историками на основании воспоминаний участников сражения. «Наша резервная конная артиллерия... понесла большие потери; в особенности же рота полковника Никитина, в которой убито 93 человека...»². В действительности рота Никитина № 7 потеряла 43 человека, из них убитыми — только 7 человек³. В другом месте, на стр. 185, Богданович показывает потери 1-й гвардейской легкоконной роты полковника Козена в 60 человек, в то время как вся артбригада, в состав которой входила эта рота, потеряла 64 человека⁴.

Бородинская операция началась с боя на Шевардинском редуте 5 сентября (новый стиль). Историки и современники не выяснили потерь этого сражения, которое было упорно и кровопролитно. Их данные крайне противоречивы. Бутурлин исчисляет потери русских в тысячу человек⁵. Богданович, ссылаясь на Баркляя, определяет эти потери в 6 тысяч. Все эти цифры крайне необоснованны и не соответствуют действительности. В результате Шевардинского боя русские потеряли 2796 человек⁶. При этом нужно принять во внимание, что егерские полки отдельно потерь за 5 сентября не показывали, включив их в ведомость за 7 сентября, и поэтому фактические потери русских в Шевардинском бою не превышают 3 тысяч человек.

Военные историки, описывая день 6 сентября, канун генерального сражения, упоминают лишь о бое на левом фланге, в Утицком лесу, который вели наши егеря, и упускают весьма существенное событие, происходившее одновременно на правом фланге русской позиции, севернее деревни Горки. Там егерские части также вели бой с противником⁷. В том районе располагались 4-й и 30-й егерские полки, которые 7 сентября, оставаясь на занимаемых участках, не сделали ни одного выстрела по противнику, не предпринимавшему на правом фланге никаких действий, а поэтому наличие потерь в 144 человека, отмеченных в ведомости 2-го корпуса, в который входили эти полки, дают возможность утверждать, что потери могли быть понесены

ими только 6 сентября⁸. Но теперь действия на левом фланге в совокупности с действиями на правом выглядят как преднамеренно задуманные Наполеоном, с целью разведки флангов русской позиции.

До сих пор оставался невыясненным вопрос об использовании русским командованием в Бородинском сражении резервной артиллерии, о ее численности и группировке. Ведомости о потерях в сочетании с другими источниками дают возможность правильно осветить и этот вопрос, опровергнув версию о том, будто «...в Бородинском сражении многие наши батареи простояли напрасно в резерве...»⁹. Скугаревский насчитывает 204 орудия, будто бы законсервированных Кутузовым в резерве¹⁰.

Резерв артиллерии состоял из артиллерийских резервных бригад, батарейных и легких рот, выделенных из состава артбригад пехотных дивизий и большинства конной артиллерии. В оперативном отношении артиллерийский резерв делился на две части: резерв правого крыла и центра (главный артиллерийский резерв) и резерв левого крыла. Первый в количестве 90 орудий (в основном гвардейская артиллерия), находясь в распоряжении командования 1-й армии, располагался у Князькова, позади 5-го корпуса. Второй в количестве 168 орудий находился в распоряжении 2-й армии и расположился за кустарником у Псарева, выделив из своего состава 5 рот конной артиллерии, которые были выдвинуты вперед и поставлены за 4-м кавалерийским корпусом. Группировка резервной артиллерии отражала общую идею оборонительного сражения, и главная ее масса была сосредоточена в наиболее важном направлении, к левому крылу армии Багратиона, которое более всего нуждалось в огневом усилении.

Русская артиллерия в Бородинском сражении являлась основой всей обороны, и только опираясь на ее огневую мощь, могли успешно маневрировать пехота и конница. Из всей массы русской артиллерии, принимавшей участие в сражении, не были использованы, оставаясь в резерве, 3 артиллерийских роты (не приняла участия в бою и донская казачья артиллерия — 2 батареи). Эти части не имели совершенно потерь, в то время как остальные артиллерийские роты имели те или иные потери, что является бесспорным доказательством их участия в бою¹¹.

В результате Бородинского сражения русская армия потеряла 42 438 человек, т. е. 38,5% своего состава регулярных войск (109 900 человек). И если 1-я армия Баркляя потеряла 22 292 человека — 28,7% (до боя было 76 700 человек), то 2-я армия Багратиона понесла потери в 20 146

¹ ЦВИА. Оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, л. 147.

² Богданович. Цит. соч., стр. 210.

³ ЦВИА. Оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, л. 94.

⁴ Там же, л. 86.

⁵ «История нашествия императора Наполеона на Россию», стр. 264, изд. 1823 года.

⁶ ЦВИА. Оп. 208а, св. О, д. № 107, ч. 37-я, и оп. 209а, св. 11, ч. 1-я.

⁷ Глинка Ф. «Очерки Бородинского сражения». Ч. 1-я, стр. 40. Изд. 1839 года.

⁸ ЦВИА. Оп. 208а, св. О, д. № 107, ч. 41-я, лл. 39, 40, и оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, л. 159.

⁹ Богданович. Цит. соч., стр. 199.

¹⁰ «Бородино», стр. 22.

¹¹ ЦВИА. Оп. 208а, св. О, д. № 107, ч. 34-я и оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, лл. 44—108.

человек, что составляет 58,4% к ее первоначальному составу (34 100 человек). Вся тяжесть сражения и главного удара французской армии обрушилась на армию Баграциона, которая к концу боя находилась в исключительно расстроенном состоянии и была усилена, а частично и заменена частями 1-й армии.

Из трех родов войск русской армии, принявших участие в сражении, наибольшие трудности и жертвы пришлось на пехоту. Она провела многочасовой бой в непрерывных рукопашных схватках и, будучи подавлена превосходством сил противника, уступив ему укрепления, полностью сохранила свою боеспособность. Ее потери огромны — 37 058 человек, что составляет 33,4% регулярных войск русской армии, участвовавших в бою, или 51,4% всей пехоты. Из общего числа потерь 82,3% ложатся на пехоту (1-я армия потеряла 19 161 человека пехоты, 2-я армия — 17 907 человек).

Кавалерия действовала в тесном взаимодействии с пехотой при энергичной поддержке артиллерии, развивая успех стремительностью своих атак. Ее потери составляют 3153 человека, т. е. 20,6% первоначального состава (17 тысяч), или 3,1% всей армии. К потерям в людях нужно добавить потери конского состава — 2752 лошади. 1-я армия потеряла 1956 человек и 1579 лошадей, 2-я армия — 1567 человек и 1173 лошади¹. Из 14 тысяч сражавшихся русских артиллеристов выбыло из строя 1867 человек, 13,3%, или 1,6% всего состава армии. Потери артиллерии в конском составе составляют 1500 лошадей². Сравнительно небольшие потери конницы и артиллерии можно объяснить тем, что русское командование правильно использовало свою кавалерию, не заменяя ею пехоты, как это было у французов, а артиллерийская прислуга умело применялась к возведенным, хотя и наспех, укреплениям.

Размеры потерь чрезвычайно ярко выявляют боевую значимость отдельных участков поля боя. Наибольшие потери русская армия понесла в боях за флеши — 18 958 человек, или 47%, — и на батарее Раевского — 14 540 человек, или 35% от общих потерь. На остальных участках бородинской позиции потери значительно меньше.

Русская армия могла получить те же тактические результаты, избежав столь опранных потерь, которые объясняются большой плотностью ее боевых порядков, несообразных с силой огня, особенно артиллерийского, от которого страдали части, стоявшие в резерве. Близость Преображенского и Семеновского гвардейских пол-

ков, не принимавших непосредственного участия, к передовым линиям стоила им напрасных потерь: Преображенский полк потерял 165 человек, Семеновский — 127 человек³. Клаузевиц подчеркивает, что большая плотность построения русской армии является причиной ее излишних потерь⁴.

Русское командование очень быстро сделало разумные выводы из этого обстоятельства, и уже на новой позиции, под Можайском, где предполагалось сражение, боевой порядок русской армии полностью отражал идею глубокого построения. План позиции под Можайском показывает, насколько эта группировка отличалась от бородинской. Часть пехотных корпусов, находясь в третьей линии, могла развивать достигнутый успех, а в случае неудачи эти корпуса служили опорой первым линиям, прикрывая их отход. 2-я армия, располагаясь уступом позади на левом фланге, могла парировать попытки обхода и охвата со стороны французских частей. Эта позиция была оставлена Кутузовым, так как ожидаемые из Москвы подкрепления не подошли.

О потерях французской армии, понесенных ею в Бородинском сражении, нам сообщил В. А. Афанасьев, который на основании французских документов, опубликованных в 1813 г., сделал самые точные подсчеты (эти документы были захвачены русскими при бегстве французов и озаглавлены: «Подробный список всех корпусов, составивших французскую армию, выступившую в поход против России в 1812 году, с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании в разных сражениях до вступления в Москву». Этот документ можно видеть на выставке, посвященной войне 1812 г., в Историческом музее). По подсчетам В. Афанасьева, урон французской армии несравненно выше, чем урон русской, и составляет 58 478 человек. Следовательно, армия Наполеона (130 тыс.) потеряла 44% своего состава.

Бородинское поле справедливо считается могилой французской кавалерии, потерявшей 16 358 человек, т. е. 58,3% своего состава. Такие опранные потери являются результатом надлома наступательного порыва у французской пехоты, которую заменила конница, бросавшаяся в атаку на укрепления и на стойкую русскую пехоту. Пехота и артиллерия французской армии потеряли 42 120 человек.

Михайловский-Данилевский сообщает, что по изгнании французов из России на Бородинском поле было сожжено 58 521 человеческих и 35 478 конских трупов⁵. Это-

¹ ЦВИА. Оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, лл. 86, 90, 94; оп. 160, св. 124, д. № 75, л. 3; оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, лл. 133, 137—142; юп. 208а, св. 0, д. № 107, ч. 37-я, лл. 5, 9, 22, 26, 27, ч. 39-я, лл. 9, 10, ч. 41-я, л. 18.

² ЦВИА. Оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, лл. 100—108, 155.

³ ЦВИА. Оп. 209а, св. 11, ч. 1-я, л. 86.

⁴ Клаузевиц. «1812 год», стр. 89. Воениздат. 1937.

⁵ Михайловский-Данилевский. Цит. соч., стр. 447.

го никак не могло быть, так как во всем Можайском уезде было убрано «56 811 трупов, падали 31 664»¹.

Если к концу сражения у Наполеона в резерве остался 20-тысячный корпус гвардии, то у Кутузова оставалось лишь несколько полков, которые понесли незначительные потери и не были расстроены боем: 5 егерских полков, 2 гвардейских (Преображенский и Семеновский) и Псковский пехотный полк, что составляло своего рода резерв в количестве около 8—9 тыс. человек (к этому нужно добавить 7 тыс. ополченцев, вооруженных в большинстве деревянными пиками). При дальнейшем наступлении и преследовании русской армии французы не проявляли прежней активности. Арьергардные бои в большинстве случаев не носили напряженного и настойчивого характера. Когда французский авангард пытался насадить, он встречал самое упорное сопротивление со сто-

роны русского арьергарда, отбрасывавшего французов. Общие потери русской армии в арьергардных боях от Бородина до Тарутина составляют всего 1835 человек², а не 4 или 5 тыс., как это считают историки.

В результате Бородинского сражения соотношение сил в количественном отношении было в пользу русской армии: из 120 тыс., бывших перед сражением в строю, после сражения осталось 77 тыс., в то время как у Наполеона от 130 тыс. осталось 72 тысячи. Но самым важным результатом Бородинского сражения была стратегическая обстановка, изменившаяся в пользу русских. Основная цель была Кутузовым достигнута: армия захватчиков была ослаблена и обескровлена, нанесенный удар был сокрушителен. Поэтому решение Кутузова уклониться от нового сражения и расчетливо отойти было разумно и соответствовало создавшейся обстановке. Дальнейшие события полностью оправдали тонкие расчеты осторожного и мудрого русского полководца.

¹ Апухтин «Московская губерния в Отечественную войну». По архивным материалам, стр. 16. М. 1912.

² ЦВИА. Оп. 208а, св. 0, д. № 147, ч. 39-я, л. 31.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

САВО МЕДЕНИЦА «Россия и славянство». Издательство «Славия». Нови-Сад. 1940.

Вопрос о судьбах славянских народов поставлен историей во всей остроте, во весь рост. Злейший враг человечества — германский фашизм — сделал своей целью порабощение славянских народов, истребление миллионов, десятков миллионов славян. Группа одержимых, сорвавшихся с цепи бешеных псов звериной фашистской диктатуры бросила самые совершенные средства военной техники на порабощение всех народов, в особенности народов славянских. Польша, Чехо-Словакия, Югославия, Литва, значительная часть областей Белоруссии и Западной Украины уже попытались на себе тяжесть фашистского сапога, придавившего оккупированные им страны. Нет необходимости здесь повторять всем известные факты фашистских зверств, издевательств, совершаемых над славянскими народами.

Больше всего германский фашизм ненавидит народы Советского Союза во главе с великим русским народом, ибо германский фашизм знает, что пока живет русский народ, все славянские народы имеют могучую опору, все они будут жить надеждой на то, что Красная Армия советского народа придет им на помощь, поможет им освободиться от власти германских людоедов, издевающихся над славянскими народами.

Слова товарища Сталина о том, что целью «всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма», обращены и ко всем славянским народам, ограбленным, поработанным германскими фашистами. Пусть не думают болгарские правители, что если они сейчас впрягли Болгарию в качестве вьючной клячи в колесницу германского фашизма, она избегнет участи, какая постигла Югославию и другие оккупированные германскими фашистами страны. Уже сейчас Болгария ограблена, разорена; уже сейчас немцы хозяйничают в ней как в завоеванной стране; уже теперь болгарский народ ненавидит германских захватчиков и его союзников — верхушку болгарской знати. К антифашистскому фронту, который создан могучим союзом советского

народа и народом Великобритании, присоединяются и будут присоединяться самые разнообразные слои славянства. Выражением этого стремления к объединению всего славянства с русским народом, выражением неумержимой тяги к русскому народу является книга Саво Меденица.

Автор — не коммунист и очень далек, видимо, от симпатий к коммунизму. Но он глубоко убежден в том, что «Россия является крупнейшим представителем славянской расы и поэтому, несомненно, без России нет славянства». Он отмечает, что это относится не только к прошлому, но что и «наиболее авторитетные представители нашей русской политики высказали такие мысли, которыми может быть доволен всякий хороший славянин».

Фашистские «историки» постарались немало для того, чтобы показать, будто славянство переживает свой закат. С другой стороны, гитлеровцы стараются запугать угрозой «славянской опасности». Они цинично заявляют, что славян надо истребить как насекомых, быстро плодящихся.

Что же так пугает германских фашистов? Швейцарский ученый А. Райтингер, которого цитирует Саво Меденица, дал такую картину роста отдельных рас Европы:

В Европе было: в 1810 г. в 1910 г. в 1930 г.

	(в миллионах)		
германской расы	59	152	149
романской	63	108	121
славянской	65	187	226

По этим вычислениям швейцарца Райтингера и немца Бургфера, такой рост славянства может привести к тому, что в 1960 году славянская группа будет иметь 303 миллиона, или 51% всего населения Европы. Этого одного достаточно гитлеровцам для того, чтобы объявить «крестовый поход» против славянства, чтобы изобретать все новые и новые дьявольские меры для уничтожения славянского населения. Какое дело германским людоедам, что славянство дало великих корифеев общественной мысли: Толстого, Достоевского, Пушкина; величайших ученых: Ломоносова, Менделеева, Мечников, Павлова; величайших художников,

артистов! В глазах фашистов это является лишь дополнительным «стимулом» к тому, чтобы уничтожить культуру славянских народов, сжечь величайшие произведения славянского искусства. Эти новые вандалы не останавливаются ни перед какими разрушениями для достижения своих гнусных, захватнических, каннибальских целей.

Саво Меденица видит, что славянство может рассчитывать только на СССР. Известная черногорская шутка «Нас вместе с Россией 150 миллионов» получила сейчас новый смысл.

Саво Меденица приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что правительство Советского Союза не раз выступало в качестве защитника славянства. Он приводит многочисленные факты выражения симпатий к Советскому Союзу в Югославии, Болгарии, Хорватии, Буковине.

Саво Меденица дает обзор взаимоотношений славянских народов с русским народом начиная с возникновения Византийского государства до последнего времени. Мы не останавливаемся на этой части книги Саво Меденица, содержащей немало фактов, подтверждающих, что не будь России, давным-давно многие славянские народы просто перестали бы существовать: «Из этого, хотя и сухого изложения исторического развития отношений России и Балкан видно, что Россия приносила многие жертвы за свободу балканских народов. Благодаря помощи, защите и сотрудничеству России балканские народы захватили национальную свободу, культуру, выросли и укрепились в военном и политическом отношении. Балканские народы подняли свою национальную культуру, питающуюся из культурных источников великой славянской расы».

Саво Меденица указывает на огромную роль русского, восточного славянства, которое является самым крупным и типичным представителем славянской расы. «На огромном пространстве в 21 272 тысячи квадратных километров¹ живет русский народ, характернейший представитель славянского рода, который заключил дружбу с землей и работой уже в древнее время. Это народ, полный сил и выносливости, с широкой славянской душой и добротой, человеколюбивый и с житейским здоровьем, мышлением и напористостью. И что более важно: на этой территории имеется еще место почти для 100 миллионов человек, которые могут найти достаточно жизненных средств,

не боясь нищеты и недостатков. Это — весьма важное обстоятельство для сегоднешнего дня, когда всюду выражают боязнь перенаселенности, говоря, что в скором времени на земле не будет места для ее жителей».

Автор указывает на то, что именно в советском государстве созданы такие благоприятные условия жизни для народов, что рождаемость населения в 1931—1935 годах была в среднем 44 человека на тысячу жителей, а смертность — всего 20 человек на тысячу. Таким образом, каждый год в среднем естественный прирост на тысячу человек был (без смертей) равен 24 человекам. Эти данные автор черпает из книги швейцарского исследователя А. Райтингера «Экономическое лицо Европы».

Дав беглый обзор различным общественным течениям в славянстве: панславизму, славянофильству, народничеству, марксизму, мессианизму и крестьянскому социализму, — автор заканчивает книгу перечислением ряда фактов и высказываний, характеризующих общность славянства. Среди этих высказываний обращают на себя внимание слова известного деятеля хорватского крестьянства Степана Радича: «Мы, хорваты и остальные южные славяне, в большой международной политике должны быть, безусловно, на стороне России» — и высказывание доктора Секула Дрлевича: «Без России нет и славянства». Книга заканчивается славянским гимном: «Гей, славяне».

Саво Меденица не принадлежит к большевистскому лагерю. Но он, как и тысячи других интеллигентов Европы, Америки и других стран, понимает, какую огромную роль играет Советский Союз в борьбе против сил фашизма. Он, как и большинство общественных деятелей славянских народов, хорошо понимает, что русский народ, украинский народ, белорусский народ в СССР защищают не только свою собственную свободу, но защищают свободу всех других народов.

Вопрос о том, быть ли славянским народам свободными, решается в наши грозные дни на полях сражений. И в этих боях все теснее будут спланиваться славянские народы для борьбы с гнуснейшим врагом человечества — Гитлером — и его фашистской бандой. Нет никакого сомнения в том, что в этой борьбе гитлеровская тирания будет раздавлена и земля очистится для творчества новой жизни освобожденных от фашизма народов, объединенных еще более тесными узами дружбы и сотрудничества.

Ем. Ярославский

¹ Автор пользуется цифровыми данными из книги В. Манохорьяна «Народы Советского Союза».

«The American Historical Review». New York. 1939—1940 (vol. XLIV, №№ 2—4; vol. XLV, №№ 1—4).

«Американский исторический журнал». Нью-Йорк. 1939—1940. Т. XLIV, №№ 2—4 и Т. XLV, №№ 1—4.

«Американский исторический журнал» — орган «Американской исторической ассоциации» — выпускается известным издательством МакМиллан (MacMillan). Журнал выходит 4 раза в год. Содержание каждого номера обычно таково: три—четыре статьи, несколько кратких сообщений, один—два исторических документа, библиографический отдел, занимающий около половины номера и состоящий из критических статей, а также кратких библиографических заметок, и небольшой хроникальный отдел под названием «Исторические новости» (в этом отделе освещается деятельность «Американской исторической ассоциации» и регулярно сообщается о новых поступлениях в американские архивы).

Подавляющее большинство статей, помещаемых в журнале, посвящено конкретным историческим вопросам. Но встречаются также и статьи историографического характера, например статья Чарльза Науэлла «Вопрос о Колумбе» (Charles Nowell «The Columbus question», 1939, № 4, p. 802—822) и др. Журнал уделяет большое внимание «Американской исторической ассоциации», деятельности которой, помимо хроник, посвящен ряд редакционных статей: «История и историки в Чикаго» («History and historians at Chicago», 1939, № 3, p. 481—507) и др.

Хотя журнал освещает все разделы истории, однако преобладают статьи, тематика которых относится к истории нового времени.

Вопросам древней истории посвящены статьи У. Фергюсона «Полис и идея в Афинах эпохи Перикла» (W. Ferguson «Polis and Idea in Periclean Athens», 1940, № 2, p. 269—278) и Роберта МакДауэлла «Индо-парфянская граница» (Robert McDowell «The Indo-Parthian frontier», 1939, № 4, p. 781—801). В статье Фергюсона анализируется соотношение между общественной и частной деятельностью афинян эпохи Перикла (V в. до н. э.). МакДауэлл ставит перед собой задачу — дать более точное, чем это до сих пор делалось, описание изменений границ государственных образований, занимавших территорию к востоку от Парфии и между рекой Индом и Гиндукушем, в период со II в. до н. э. по II в. нашей эры.

Статья Д. Вильсона «Созыв и роспуск парламента 1603—1625» (D. Wilson «Summoning and dissolving parliament 1603—1625», 1940, № 2, d. 279—300) посвящена отношениям между королевской властью и парламентом в царствование Якова I Стюарта. Автор описывает борьбу Якова I с парламентом, подробно останавливаясь на роли Испании в этой борьбе. Эпохе английской буржуазной революции посвящена работа Е. У. Кирби «Проповеди перед палатой общин. 1640—1642» (E. W. Kirby «Sermons before the Commons», 1939, № 3,

p. 528—548). Автор анализирует содержание проповедей пуританских проповедников в начале революции и роль этих проповедей в борьбе против подерживавшей королевскую власть англиканской церкви. Э. Тарнер в статье «Королевский кабинет в XVIII веке» (E. Turner «The King's closet in the eighteenth century», 1940, № 4, p. 761—776) анализирует развитие и изменение функций английского кабинета министров в XVIII веке. Работа Роберта Пальмера «Французские иезуиты в век Просвещения» (Robert Palmer «The French Jesuits in the age of Enlightenment», 1939, № 1, p. 44—58) является статистическим исследованием, построенным на анализе газеты, издававшейся в XVIII в. иезуитами в Треву (Франция). Избирательной борьбе между сторонниками и противниками рабства в США в годы, предшествовавшие гражданской войне 1861—1865 гг., посвящена статья Фреда Гаррингтона «Фремонт и североамериканцы» (Fred Harrington «Fremont and the North Americans», 1939, № 4, p. 842—848). Фредерик Паксон в статье «Великая демобилизация» (Frederic Paxton «The Great demobilization», 1939, № 2, p. 237—251) рисует обстановку в США после окончания первой мировой империалистической войны.

Большое количество статей посвящено истории международных отношений. Так, работа Э. Г. Гарбисона «Французские интриги при дворе королевы Марии» (E. H. Harbison «French intrigue at the Court of Queen Mary», 1940, № 3, p. 533—551) посвящена борьбе между французской и испанской дипломатией при дворе королевы Марии в связи с ее выходом замуж за сына императора Карла V—Филиппа. Франция стремилась предотвратить этот брак, объединяющий Англию и Испанию, и вся дипломатическая деятельность ее посла Антуана де Ноайля была направлена к достижению этой цели. Однако де Ноайль отсюда не ограничивался дипломатической деятельностью. По словам автора статьи, карьера де Ноайля была блестящей иллюстрацией к словам его биографа аббата де Верто: «Посол — это привилегированный шпион и часто опасный враг, по отношению к которому международные законы требуют уважения». А. Г. Буффинтон в статье «Канадская экспедиция 1746 г.» (A. H. Buffinton «The Canada Expedition of 1746», 1940, № 3, p. 552—580) описывает «один из самых темных эпизодов во всей истории британского империализма» — замышлявшуюся в 1746 г. и не осуществившуюся на деле английскую экспедицию в Канаду. План этой экспедиции был, по мнению автора, «робким началом той политики, которая привела сперва к завоеванию Канады, а затем, вследствие этого завоевания, к американской революции». Гарольд Блинн в небольшой статье «Сьюард

и польское восстание 1863 г.» (Harold Blinn «Seward and the Polish rebellion of 1863», 1940, № 4, p. 828—833) разбирает позицию США по отношению к польскому восстанию в свете русско-американских отношений того времени. Вскоре после начала восстания 1863 г. французское правительство предложило США совместно с Францией и другими державами вмешаться в польские события. Однако государственный секретарь Сьюард отклонил французское предложение, заявив, что США не собираются вмешиваться в европейские и, в частности, в русские дела.

Статья Томаса Бэйлей «Дьюи и германцы в Манильской бухте» (Thomas Bailey «Dewey and the Germans at Manila Bay», 1939, № 1, p. 59—81) освещает эпизод из германо-американских отношений во время

испано-американской войны 1898 года. В центре статьи события, имевшие место летом 1898 г. в Манильской бухте в связи с осложнениями, которые возникли в результате концентрации здесь германского флота. Командующий американской эскадрой адмирал Дьюи считал, что немцы намерены вмешаться в филиппинские события. Обстановка разрядилась лишь в конце лета 1898 года.

Из имеющихся в рассмотренных нами номерах журнала документов наиболее интересен документ, посвященный позиции Германии по отношению к франко-сиамскому конфликту в 90-х годах XIX в. (1940, № 4, p. 834—841).

А. Беленький, М. Альперович

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГЕРМАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

(Аннотированный указатель литературы)

Русскому народу на протяжении его многовековой истории не раз приходилось давать отпор германским агрессорам, посягавшим на жизненные интересы Русского государства.

В XIII—XV веках русские войска отбивали нападения немецкого Ливонского ордена, захватившего Прибалтику и пытавшегося овладеть близлежащими русскими землями. Главные события этой борьбы — разгром «псов-рыцарей» Александром Невским на Чудском озере (Ледовое побоище) в 1242 году и победа русско-литовского и польского ополчений над немецкими войсками под Грюнвальдом в 1410 году.

В XVI веке царь Иван IV Грозный вел длительную войну с Ливонским орденом, стремясь вытеснить его из Прибалтики и добиться для России выхода к Балтийскому морю (Ливонская война 1558—1583 годов).

В XVIII веке Россия в союзе с Австрией, Францией, Швецией и Саксонией вела войну против Пруссии (Семилетняя война 1756—1763 годов). Русские войска нанесли сокрушительное поражение войскам прусского короля Фридриха II при Фунерсдорфе (1759 год) и в 1760 году заняли Берлин.

Много блестящих подвигов совершили русские солдаты в боях с австро-германскими войсками во время первой мировой империалистической войны 1914—1918

годов. Особенно выдающейся операцией русских войск было наступление генерала Брусилова на австрийском фронте в 1916 году.

Беспримерный героизм показали народные массы в борьбе против германских империалистов, предпринявших в 1918 году завоевательный поход на молодую Советскую республику с целью превратить в свою колонию Украину, Белоруссию, Прибалтику.

Расчеты германского империализма на то, что ему удастся поработить советский народ и после этого победоносно закончить войну на западном фронте, потерпели крах. Военная мощь Германии была уничтожена. Германские войска, морально разложившиеся и потерявшие боеспособность, бежали с советской земли, преследуемые по пятам частями Красной Армии и действовавшими в тылу оккупантов повстанческими отрядами.

Предлагаемый перечень литературы о борьбе русского народа с германскими захватчиками не претендует на исчерпывающую полноту. В перечне даны указания на отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма, на соответствующие главы из учебников и учебных пособий, книги, брошюры, отдельные главы и страницы из общих работ, произведений художественной литературы.

1. Общие работы

История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. В. Д. Грекова, члена-корреспондента Академии наук С. В. Бахрушина. Соцэкгиз. М. 1939.

В I томе курса истории СССР для вузов читатель найдет систематическое изложение событий, относящихся к борьбе русского народа с Ливонским орденом в XII—XV веках (стр. 182—193 и 261—262). Ливонской войне посвящены стр. 369—

374. О Семилетней войне рассказывается на стр. 661—662.

Проф. **Н. В. БАЗИЛЕВИЧ**, проф. **С. В. БАХРУШИН**, проф. **А. М. ПАНКРАТОВА**, доц. **А. В. ФОХТ**.

История СССР. Учебники для 8, 9 и 10-го классов средней школы. Под ред. проф. А. М. Панкратовой. Учпедгиз. М. 1940.

В учебнике для 8-го класса Ледовому побоищу посвящены стр. 82—85, битве

под Грюнвальдом—стр. 89—90, Ливонской войне—стр. 132—134 и 137—139.

О Семилетней войне рассказывается на стр. 41 учебника для 9-го класса.

В учебнике для 10-го класса помещен материал об участии России в первой мировой империалистической войне (стр. 109—116) и о борьбе Советской России с немецкими оккупантами (стр. 190—192, 199—206).

Артиллеристы. Сборник статей и рассказов. Сост. Е. А. Болтин, Л. В. Жигарев и М. М. Кашун. «Молодая гвардия». 1939.

В сборнике помещена статья полковника И. Лебедева «Семилетняя война» (стр. 35—48). В статье излагается ход войны, характеризуется состояние русской армии того времени и подробно рассказывается о битве при Гунерсдорфе. Много места уделено в статье действиям русской артиллерии, показавшей в этой войне свои высокие боевые качества. В статье А. Барсукова «Артиллеристы мировой войны» (стр. 97—118) разобраны технические свойства и боевое применение русской артил-

лерии во время первой мировой империалистической войны.

Автор подчеркивает высокий техниче-ский и теоретический уровень русских артиллеристов и приводит ряд замечательных подвигов солдат и офицеров артиллерийских частей.

В очерке Ю. Вебера «Прорыв» (стр. 119—136) рассказывается о том, как русская артиллерия после тщательно продуманной подготовки 4 июня 1916 года обратила на противника могучий поток стали и огня, совершенно лишивший австрийцев боеспособности и обеспечивший успех Брусиловского прорыва.

Государственный Эрмитаж. Центральный военно-морской музей.

Краткий очерк военной истории нашей родины с XVIII века. 2-е издание. Л. 1940.

На стр. 55—61 этой книги дан краткий очерк участия России в Семилетней войне и в первой мировой империалистической войне (стр. 170—179—сухопутные фронты и 185—189—война на море).

II. Борьба русского народа с немецкими захватчиками в XII—XV веках

Н. МАРКС «Хронологические выписки». «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 340—344.

В первой тетради своих «Хронологических выписок» Маркс кратко и необычайно ярко охарактеризовал ту разбойничью войну, которую вели в XIII веке немецкие рыцарские ордены против прибалтийских племен и их великого соседа—русского народа. «Псы-рыцари», как их называет Маркс, «распоряжались собственностью язычников, даже если их земля еще не была завоевана» (стр. 343). Тевтонский орден и орден меченосцев, для которых «постоянным подкреплением» являлись «праздность дворянства, его хищничество, суеверный фанатизм» (там же), опустошали завоеванные земли: «к концу XIII века цветущая страна (Пруссия.—С. К.) была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву» (стр. 344).

Разрозненные, плохо вооруженные прибалтийские племена были слабее немецких рыцарей, но несмотря на это неоднократно наносили им жестокие поражения. В 1225 году пруссы перебили рыцарей ордена «Добрыньских братьев», основанного «воинством Христианом». В 1236 году литовцы «жестоко отдули» «обнадевших мече-

носцев», предпринявших «крестовый поход против Литвы». Маркс замечает, что если бы прибалтийские племена «были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон» (стр. 341).

Овладеть русскими землями немецким «рыцарям» так и не удалось. В 1242 году Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы» (стр. 344). В 1250 году «псы-рыцари» были снова разбиты при Дурбене объединенным литовско-русским войском, «так что большая часть этой сволочи была истреблена» (там же).

Книга для чтения по истории СССР (Материалы и документы). С древнейших времен до конца XV века. Ч. 1-я. Для старших классов средней школы. Составил М. П. Тихомиров. Учпедгиз. М. 1941.

На стр. 140—144 этого издания помещен летописный отрывок о Ледовом побоище. Текст летописи переведен на современный русский язык. Отрывок дает замечательную по своей сжатости и красочности характеристику мужества и патриотического воодушевления русского войска: «...было у Александра множество храбрых, сильных и крепких, все наполнились воинственным духом и были у них сердца подобны львиным. И сказали: «Княже,

ныне пришло время положить свои головы за тебя» (стр. 144). Летописец так рассказывает о поражении немецкого войска: «И обратились немцы в бегство, и гнали их русские с боем, как по воздуху, и некуда им было убежать, били их 7 верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев 500, а Чути бесчисленное множество, а в плен взяли 50 лучших немецких воевод и привели их в Новгород, а другие немцы утонули в озере, потому что была весна, а другие убежали тяжело ранеными» (там же).

А. КОЗАЧЕНКО «Ледовое побоище». Госполитиздат. 1938.

Популярная брошюра, в которой рассказана история захвата германскими рыцарями прибалтийских земель, первых столкновений русского народа с германскими захватчиками, нападения рыцарей на Новгород и Псков и разгрома немецкого войска на Чудском озере. В заключительной главе говорится об успешной борьбе русского народа с германскими рыцарями в последующие столетия—со второй половины XIII по начало XVI века. В этой главе упоминается битва при Грюнвальде в 1410 году.

Н. Е. ПОДОРОЖНЫЙ «Ледовое побоище». Воениздат. М. 1938.

В этой брошюре главное внимание уде-

ляется военным вопросам: вооружению и снаряжению германских рыцарей и войска Александра Невского, тактике русского войска и его противников и характеристике Александра как полководца.

А. Я. ЛУРЬЕ «Александр Невский». Воениздат. М. 1939.

Во вступительной главе брошюры (стр. 5—12) коротко рассказывается о немецких «псах-рыцарях», завоевании ими Прибалтики и о борьбе против них прибалтийских племен и русских в 1242 году. О Ледовом побоище говорится на стр. 27—34.

В. В. МАВРОДИН «Образование русско-го национального государства». Соцэкгиз. Л. и М. 1939.

На стр. 15—21 книги излагается история борьбы Новгорода и Пскова с немецкими рыцарями.

Н. ЛАПИН, А. ТУРЧИНСКИЙ «Грюнвальдская битва». Разгром немецких рыцарей 15 июля 1410 года. Воениздат. М. 1939.

В брошюре изложена история борьбы русского народа и его союзников с немецкими рыцарями с XII по начало XV века и подробно рассказано о ходе битвы под Грюнвальдом, в результате которой немецкие войска были разбиты литовско-русскими и польскими войсками.

III. Ливонская война

Б. ВЕРХОВЕНЬ «Россия в царствование Ивана Грозного». Госполитиздат. 1939.

Общий очерк царствования Ивана IV.

Стр. 35—41 брошюры посвящены Ливонской войне.

IV. Семилетняя война

Проф. Н. КОРОБКОВ «Семилетняя война (действия России в 1756—1762 годах)». Воениздат. М. 1940.

Научное исследование о действиях России во время Семилетней войны, составленное на основе обширной литературы и архивных документов. Автор последовательно излагает причины войны, участие в ней России, состояние войск России и Пруссии, ход военных действий и наиболее значительные боевые эпизоды.

К. ОСИПОВ «Суворов». 2-е изд. «Молодая гвардия». 1939.

Великий русский полководец Суворов начал свою славную боевую деятельность

с участия в Семилетней войне. Об этом рассказывается на стр. 20—36 книги К. Осипова. Автор описывает боевые столкновения, в которых участвовал Суворов, и отмечает, что уже в то время Суворов проявил замечательные качества воина и полководца: чрезвычайную энергию, решительность, бесстрашие, быстроту действий, умение нащупать слабое место противника.

С. КАЛИНИН «Суворов. Очерк жизни и деятельности великого русского полководца». Воениздат. М. 1938.

Об участии Суворова в Семилетней войне рассказывается на стр. 9—12 книги.

V. Первая мировая империалистическая война

«Наступление юго-западного фронта в мае—июне 1916 г.». Сборник документов. Воениздат. 1940.

В книге собран документальный материал о Брусиловском прорыве, в результате которого VIII русская армия наголову

разбила германо-австрийцев. Потери противника составили 1½ миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, 580 орудий, 1800 пулеметов, 450 бомбометов и много разного военного имущества. В результате Брусиловского прорыва германо-

австрийцы вынуждены были перебросить на русский фронт значительные силы и перейти к обороне на западном фронте.

Ряд документов, опубликованных в книге, свидетельствует о замечательных подвигах русских солдат.

«Балтфлот—защитник Петрограда». Л. 1939.

На стр. 8—14 этой книги рассказывается о героической обороне Петрограда Балтийским флотом в 1915—1918 годах. В январе 1915 года отряд русских совершил смелую операцию по поставке мины у главной базы германского флота — Килья. На минном заграждении подорвались германские крейсера «Аугсбург» и «Газелле». 10 ноября 1916 года немецкая флотилия эсминцев попала на русское минное поле и потеряла 7 кораблей.

VI. Борьба советского народа против германских оккупантов в 1918 году.

История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат. М. 1938, стр. 204—207 и 217—218.

На указанных страницах четко охарактеризованы империалистическая, захватническая политика Германии по отношению Советской России в период Брестского мира, попытки германского империализма «изолировать, ослабить и погубить советскую страну» в период иностранной интервенции (стр. 217). Германия по просьбе белогвардейской Украинской рады ввела на Украину свои войска и стала «бесчеловечно грабить и угнетать украинский народ» (стр. 218), оторвала Закавказье от Советской России, всячески поддерживала вооружением и провиантом белогвардейского генерала Краснова.

В. И. ЛЕНИН «Социалистическое отечество в опасности» (напечатано в сборнике «Из эпохи гражданской войны», стр. 29—30. Партиздат. М. 1934).

Воззвание Совета народных комиссаров от 21 февраля 1918 года, опубликованное в «Известиях ВЦИК» от 22 (9) февраля 1918 года. В воззвании говорится о том, что «...германский милитаризм хочет задупить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священный долг рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии» (стр. 30).

Совет народных комиссаров постановил:

В октябре 1917 года (еще до Октябрьской революции) Балтийский флот, руководимый большевиками, дал решительный отпор германской эскадре, пытавшейся прорваться к Петрограду («Моонзундская операция»). Немцы потеряли 3 дредноута, 11 миноносцев и 5 трайшиков. 23 февраля 1918 года моряки-балтийцы отразили натиск германских интервентов под Нарвой и Псковом. В марте 1918 года германская эскадра подошла к Гельсингфорсу и высадил десант, чтобы потопить в крови революцию в Финляндии. Корабли Балтийского флота, стоявшие в Гельсингфорсе, пробивались сквозь льды Финского залива к Кронштадту, чтобы не попасть в руки интервентов. Ни один корабль не достался врагу.

предоставить на дело революционной обороны все силы и средства страны; защищать каждую позицию до последней капли крови; всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания, а вагоны и паровозы направлять на восток, в глубь страны; продовольственные запасы и ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, уничтожать.

Трудящееся население по всей линии нового фронта образовывало батальоны, которые рыли окопы. Под надзором красновардейцев работали в порядке обязательной трудовой повинности работоспособные представители буржуазных классов. Тех из буржуазии, кто оказывал сопротивление важнейшим государственным мероприятиям, Совнарком предложил расстреливать как врагов народа. В воззвании также указывалось: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Это воззвание имело большое значение в деле сплочения всех сил советского народа в борьбе за социалистическое отечество.

И. СТАЛИН «Статьи и речи об Украине». Сборник. Партиздат ЦК КП(б)У. 1936.

Среди ряда ценнейших работ товарища Сталина, собранных в данном сборнике, две непосредственно посвящены проблемам борьбы с германскими оккупантами на Украине: «Украинский узел» (стр. 39—41) и «Украина освобождается» (стр. 67—69).

В первой из них, опубликованной в «Известиях ВЦИК» № 47 за 14 марта 1918 года, товарищ Сталин разоблачает истинные цели австро-германского империализма, который предпочел мирному договору с советским правительством союз «с мертвецами, союз со свергнутой и изгнанной Радой...» Это означало, что «австро-германское нашествие имеет своей целью не только получение хлеба, но и, главным образом, — свержение советской власти на Украине и восстановление старого буржуазного режима».

Товарищ Сталин заклеил германское нашествие, указав, что немцы «несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского, — таково смыл нашествия с Запада».

Товарищ Сталин показывает в своей статье, как Украина подняла освободительную отечественную войну против немецких насильников: «Формирование крестьянской Красной армии, мобилизация рабочей Красной гвардии, ряд удачных стычек с «цивилизованными» насильниками после первых вспышек паники, отбегание Бахмача, Комотопа, Шажина и поход к Киеву, все усиливающийся энтузиазм масс, тысячами идущих на бой с поработителями, — вот чем отвечает народная Украина на нашествие насильников» (стр. 40).

Вместо «короткого удара», которым немцы хотели сломить Советскую Украину, им предстояла затяжная борьба с двадцатимиллионным украинским народом, поддерживаемым всей Советской Россией.

Заканчивая статью о германских захватчиках, товарищ Сталин писал:

«Ободранный империалистический зверь, сломивший себе шею на Советской Украине, — не к этому ли ведет теперь немудимая логика событий?..»

В статье «Украина освобождается», напечатанной 1 декабря 1918 года в «Жизни национальностей», можно найти блестящее подтверждение предвидения товарища Сталина о крахе германской оккупации Украины.

«Бездна унижений и испытаний, пережитых Украиной за время австро-германской оккупации, — писал товарищ Сталин, — разрушение рабочих и крестьянских организаций, полное расстройство промышленного и железнодорожного дела, виселицы и расстрелы — кому неизвестны эти обычные картины «самостийности» Украины под эгидой империалистов Запада?» (стр. 67—68).

Товарищ Сталин указывает, что «разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма».

Вместе с тем товарищ Сталин предостерегает советский народ от самоуспокоенности: «По борьба еще не кончена, победа еще не обеспечена. Настоящая борьба на Украине только началась».

Статья заканчивается пламенным призывом:

«Украина освобождается — спешите к ней на помощь!»

«Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I — «Первый этап гражданской войны». Под ред. И. Милца и Е. Городецкого. Госполитиздат. 1940.

В III главе книги — «Образование Красной Армии и первые бои с оккупантами» — дан ряд документов о борьбе советского народа с германскими оккупантами (стр. 98—129). Глава состоит из введения, дающего общий очерк событий, и двух разделов: «1. Образование Красной Армии и первые бои с оккупантами»; 2. «Оккупация Белоруссии, Украины и борьба с оккупантами». Среди документов приведены декреты советского правительства, резолюции партийных организаций и советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, военные приказы, сообщения о военных действиях и т. д.

«Крах германской оккупации на Украине» (по документам оккупантов). ОПИЗ. Государственное издательство «История гражданской войны». 1936.

В сборнике дано большое количество документов о германской оккупации Украины. Документы эти, взятые из переписки германского командования и австро-германских посланцев на Украине с министерствами иностранных дел Германии и Австрии, ярко иллюстрируют преступную, коварную деятельность германских варваров на Украине в 1918 году. Колониальный грабёж, карательные экспедиции, массовые расстрелы рабочих и крестьян — вот что принесли империалистические оккупанты Украине, вот что насаждали они здесь до того, как были с позором изгнаны доблестными советскими войсками.

«Герои гражданской войны». Воениздат. М. 1938.

Очерки, помещённые в этом сборнике, посвящены отважным бойцам и командирам Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В очерках «Щорс» и «Руднев» рассказывается о том, как эти герои, пламенные патриоты социалистического отечества, боролись в 1918 году на Украине против германских оккупантов — лютого врага народов Советской страны.

Е. ГЕРАСИМОВ и М. ЗРЛИХ «Николай Александрович Щорс. Боевой путь». Воениздат.

В книге, рассчитанной на массового читателя, дано описание жизни «украинского Чапаева» — Н. А. Щорса. Несколько глав — «Первые бои», «У Ленина», «На-

родное восстание», «Формирование полка», «С гончарными обозами», «Революция в Германии», «По пятам немецких захватчиков» — посвящено самоотверженной борьбе Щорса и его боевых соратников против германских оккупантов, от первых дней наступления австро-германских войск на Украину до разгрома и изгнания чужеземных захватчиков.

НИН. ШПАНОВ «Первый удар». Повесть о будущей войне. Воениздат. 1939.

В фантастической повести «Первый удар», изданной в 1939 году, автор описывает первые двадцать часов войны Советской страны против империалистической Германии. Война здесь не показана во всем объеме, дается только одна операция, один эпизод — победоносный рейд советских военно-воздушных сил, способствовавший разгрому врага наземными частями Красной Армии.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ «Хлеб». Гослитиздат. 1938.

В талантливом произведении одного из лучших советских писателей дана яркая картина событий 1918 года и, в частности, эпизоды, показывающие хозяйничанье чужеземных захватчиков на Украине и самоотверженную отечественную войну

русского и украинского народов, руководимых партией Ленина — Сталина, против германских оккупантов и их подлой агентуры внутри нашей страны.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ «Я, сын трудового народа». Гослитиздат. М. 1937.

Этому патристическому произведению, в котором показана борьба против германских захватчиков на Украине в 1918 году, автор предпослал знаменательные слова товарища Сталина:

«Против ипоземного вга, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине» («Украинский узел» — «Известия ВЦИК» № 47 за 14 марта 1918 года).

Валентин Катаев мастерски рисует подлинный облик германских оккупантов, грабеж и кровавые издевательства, чинимые чужеземными захватчиками. Писатель показывает, как в беспощадной борьбе с лютым врагом воспитываются непоколебимые патриоты нашей родины, которые стойко дерутся за родную землю и побеждают.

ДМ. ПЕТРОВСКИЙ «Повесть о полках Богунском и Тарашанском». «Советский писатель». М. 1941.

ХРОНИКА

О КОНКУРСНЫХ РАБОТАХ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ ЛЕНИНА

На конкурс студенческих научных работ, организованный в Педагогическом институте студентами истфака, было представлено 6 работ по истории СССР и одна работа по новой истории. Все студенческие работы были допущены для участия в конкурсе. Работы написаны главным образом на основе русских и иностранных первоисточников, в них выдвинут ряд интересных проблем; работы, бесспорно, представляют научный интерес.

Студент А. А. Рудаков написал работу на тему «Развитие легенды о смерти царевича Дмитрия в Угличе».

Автор анализирует источники, на основе которых была создана легенда о виновности Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия. К этим источникам относятся: грамоты бояр, Марии Нагой и Василия Шуйского в разные города, «Иное сказание» Авраама Палицына, повесть князя Катырева-Ростовского, «Новый летописец», «Житие царевича Дмитрия из милютинских мшней», «Сказание о царстве царя Федора Ивановича» и другие литературные памятники XVII века.

На основе этих источников автор показывает, как в течение XVII в. создавалась легенда об убийстве царевича Дмитрия. Автору удалось доказать, что эти литературные памятники не отражают действительного хода событий и Карамзин и Соловьев неправильно оценивали их как неопровержимые исторические источники.

Сталинская стипендиатка Н. И. Кудрявцева написала работу «Роль русского царизма в подавлении испанской революции 1820—1823 гг.». Работа представляет собой исследование, написанное главным образом на основе неопубликованного архивного материала. Автор использовал работы классиков марксизма-ленинизма, переписку русского посла в Испании с министерством иностранных дел на французском языке и значительную часть документов, опубликованных в специальных изданиях. На примере подавления испанской революции 1820—1823 гг. автор показал и феодально-реакционную сущность «Священного союза» и его роль в борьбе с буржуазными революциями в начале XIX века.

На основе неопубликованных архивных фондов и большого количества изученной литературы студент Т. А. Савич написал работу «Участие башкир в восстании Пугачева и Салават Юлаев».

Автор тщательно обработал архивные документы и извлек из них самое необходимое и важное. В работе хорошо показаны колониальная политика царизма в Башкирии и массовое участие башкирского народа в восстании.

В результате почти двухлетней работы студент В. Иольсон написал статью «Первая русская газета».

Автор рассказывает, как появилась первая русская газета — «Ведомости» — и роль Петра I в этом деле. Основная часть работы посвящена анализу содержания газеты, ее роли в освещении внешней и внутренней политики Петра I.

Работа студентки В. Н. Ягодиной «Общества трезвости и питейные бунты» посвящена крестьянским волнениям в 1859 г., получившим название «питейных бунтов». Автор использовал ценный архивный материал Института истории Академии наук СССР. Работа является самостоятельным научным исследованием.

Студент В. Левин написал работу «Измена Дюмуре». Статья написана на основе изучения ряда французских источников, мемуаров самого генерала Дюмуре, а также на основе его политических брошюр. В работе даны краткая биография Дюмуре и характеристика его политических взглядов. Автор вскрыл обстоятельства, которые толкнули Дюмуре на путь контрреволюционного переворота, идейную связь Дюмуре с руководством жирондистской партии. В работе значительное внимание уделено тому, как Дюмуре, перейдя в лагерь врага, попытался повернуть вверенную ему армию против революционного Парижа, чтобы разгромить революцию и восстановить монархию во Франции.

Особого внимания заслуживает работа В. П. Ермоленко «Политические средства царизма в борьбе с горскими народами Кавказа». Эта работа является плодом долголетнего и кропотливого труда ее автора еще во времена его пребывания на Кавказе. Он собрал сказания местных жителей о Шамиле, хорошо ознакомился с районом восстания 1830—1850 гг., затем изучил архивные материалы музея Махачкалы (письма Шамиля и др.). Будучи студентом, он в течение 1938—1940 гг. изучил фонды Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (фонд Ермолова, около 800 дел), фонды Военного ученого архива и Департамента Генерального штаба (около 300 дел). Автор дал характеристику социально-экономического строя Дагестана и Чечни в первой половине XIX века. Ав-

тор показал, как царское правительство, чтобы облегчить себе проникновение в глубь Кавказа, применяло методы разжигания национальной розни, систему подкупа местных феодалов и старшин, используя в нужных случаях мусульманское и христианское духовенство.

Автор вскрывает причины восстания народов Кавказа против царских захватчиков и местных феодалов, останавливается на основных этапах борьбы царизма с освободительным движением горцев Кавказа под руководством Шамиля.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Из всех английских городов Лондон больше всего пострадал от систематических бомбардировок германской авиации. Это объясняется вовсе не тем, что Лондон имеет какое-нибудь особенное значение в военном отношении: методическая разрушительная деятельность германских фашистских варваров направлена главным образом против мирного населения Лондона и его художественных и научных ценностей. Особенно внимание привлекает к себе судьба Британского музея, расположенного в самом центре города. Британский музей, как известно, представляет собой грандиозное учреждение, состоящее из публичной библиотеки, хранилища, колоссальных художественно-археологических коллекций и очень богатого естественно-исторического отдела. От германских бомбардировок пострадало здание Музея: фугасными и зажигательными бомбами уничтожены отдельные части здания; разбиты все стекла, особенно на южном фасаде, и ценные художественные витражи; пострадали также некоторые перекрытия. Однако все ценное имущество Музея удалось спасти: перед началом военных действий наиболее ценные предметы были вывезены из Лондона, другие размещены в безопасных укрытиях. Часть имущества, правда, осталась в помещении Музея, и многие вещи, несомненно, пострадали. Особенно большой ущерб был нанесен коллекциям естественно-научного отдела: пожаром уничтожена часть ботанического отдела, почти совсем уничтожен большой гербарий. Однако, если германские фашистские варвары надеялись, что им удастся парализовать жизнь Лондона, то они просчитались: несмотря на германские бомбардировки Британский музей и, в частности, его прославленная читальня работают без перебоев.

Вот что пишет один английский ученый в письме, направленном в специальный орган американских библиографов «Wilson Library Bulletin» (январская книжка 1941 г., стр. 419): «Несколько бомб упало на Британский музей и повредило его... Однако жизнь идет более или менее нормально. Я попережнему несколько дней в неделю провожу в Британском музее; там никто не прекращает работу даже во время воздушных налетов, когда над голо-

Институтское жюри, созданное для рассмотрения конкурсных работ и присуждения премий, присудило II премию тов. Рудакову, III премию тов. Кудрявцевой и решило напечатать все студенческие работы в «Сборнике студенческих работ». Работу В. П. Ермоленко, который окончил Институт и уже работает преподавателем средней школы, жюри конкурса решило также напечатать в вышеупомянутом сборнике.

С. Стегарь

вами шумят самолеты... Право я не знаю, зачем мне было бы жить, если бы библиотека Британского музея была разрушена. Одно несомненно: Гитлер сделал роковую ошибку, когда он решил, что может обескуражить английский народ, если он разрушит то, что для этого народа дороже всего».

Кроме Британского музея пострадали также многие старинные здания Лондона, представлявшие большую историческую и художественную ценность. Здание лондонского муниципалитета обращено в бесформенную груду развалин, так же как и несколько старых церквей, которые были построены в XVII в. знаменитым архитектором Реном, а также едание Гольдсмитского колледжа и т. д. Такая же судьба постигла многие здания и научные учреждения ряда других английских городов. Так, часть научных учреждений Бристольского университета с библиотекой, анатомическим театром, географическим музеем и лабораториями. Бристольский музей естественной истории спорел до основания вместе со своим большим геологическим и археологическим отделами; уничтожен также Бристольский художественный музей. Подобная картина наблюдается и в Манчестере. Здесь уничтожена ценная библиотека и коллекции Манчестерского литературно-философского общества; почти все рукописи общества, в том числе хранившиеся здесь рукописи Дальтона, Джоуля и другие, погибли. Сильно пострадало также здание Манчестерского научного музея; спасена только часть коллекций, хранившаяся в упакованном виде в подвалах. Однако после года бомбардировок английских городов выясняется, что материальный ущерб от этих бомбардировок не так уж велик, а моральное воздействие еще меньше.

◆ В конце 1940 г. несколько молодых людей, любителей археологии, в окрестностях города Монтиньи (департамент Дордонь, неоккупированная зона Франции) сделали сенсационное археологическое открытие: ими была откопана пещера доисторического человека эпохи палеолита, содержавшая чрезвычайно большое количество рисунков. Молодые археологи при случайных

обстоятельствах откопали галерею, которая оказалась входом в большую, просторную пещеру; вокруг последней расположены подземные галереи. Все стены главной пещеры и прилегающих галерей заполнены рисунками, последние имеются также на многочисленных камнях, находящихся на земле.

Размеры рисунков, которых до сих пор насчитано до 80 штук, варьируются от 30 сантиметров до 5 метров; они исполнены красной, черной и коричневой краской и изображают зверей, животных и сцены охоты первобытного человека, а также различные фигуры геометрического орнамента. Многие рисунки просто нацарапаны на стене.

Несмотря на то что пещера в Дордони была открыта еще в сентябре 1940 г., до сих пор к ее систематическому изучению не приступлено; галереи, окружающие главное помещение, даже не обследованы. Конtribusiя в пользу победителя совершенно обескровила Францию. находка вызвала большой интерес в ученых кругах, однако единственный материал, которым пользуются исследователи, — это копии рисунков от руки, сделанные любителями.

Основываясь главным образом на этих копиях и на осмотре пещеры, известный исследователь палеолита Брейль подтверждает большое научное значение находки в Дордони. Брейль полагает, что рисунки делались в течение длительного промежутка времени, некоторые рисунки нанесены один на другой. Брейль обращает внимание также на следующие моменты: среди рисунков нет изображений мамонта и северного оленя; много раз встречается знак, имеющий вид гребня с пятью зубьями; копья и стрелы нарисованы лишь с одним зубцом, а стрелы — кроме того с перьями лишь с одной стороны.

На основе такого формального анализа рисунков Брейль пытается все же датировать находку: он считает, что эпоху пещеры в Дордони следует поместить между мадленско-солютрейской культурой с одной стороны и ориньяжской — с другой; по классификации Брейля, этот период называется Перигорским.

◆ Как сообщает «American historical review», временно прекратилось издание известного журнала «Isis», посвященного истории науки; последние годы «Isis» печатался в Бельгии (редакционная работа производилась в США). В связи с военными действиями на территории Бельгии и с оккупацией Бельгии германскими войсками журнал закрылся. В текущем году предполагается возобновить издание этого журнала в США. Сообщая эти факты, «American historical review» напоминает, что такая судьба уже второй раз постигает «Isis»: первый раз издание журнала было прервано в 1914 г., также в связи с оккупацией Бельгии германскими войсками.

◆ Постоянная археологическая комиссия Ньюйоркского университета в сотрудничестве с Американской школой по изучению восточных проблем ведет раскопки

в Иерусалиме; откопаны развалины большой башни, входившей в систему укреплений, опоясывавших древний Иерусалим. Ученые Мейер и Сукеник, ведущие раскопки, склонны считать, что башня составляла часть так называемой третьей стены укреплений Иерусалима, сооруженных Иродом Агриппой в начале нашей эры. Значение находки состоит в том, что теперь с большей уверенностью исследователи могут определить местоположение важнейших зданий и частей Иерусалима.

◆ В декабре 1940 г. в Нью-Йорке состоялось организационное собрание нового исторического общества — Ассоциации экономической истории. Общество ставит своей целью поощрение научно-исследовательской работы в области экономической истории и истории экономических учений, а также содействие преподаванию этих дисциплин. Подготавлиется издание журнала Ассоциации, который будет выходить под названием «Economic history journal»; первый номер журнала выйдет летом 1941 года. В журнале предполагается помещать наряду со статьями также библиографические обзоры, рецензии и списки новых изданий. Председателем новой организации избран проф. Э. Ф. Гэй, редактором журнала — проф. Э. А. Джонсон.

◆ В последних числах декабря 1940 г. в Вашингтоне (США) состоялась очередная (по счету 55-я) сессия Американской исторической ассоциации. Наряду с отчетом правления Ассоциации, на сессии был зачитан ряд докладов, группировавшихся по следующим основным темам: специфические вопросы научно-исследовательской работы в области истории; война и общество и разные вопросы. На сессии обсуждался вопрос о характере вступительного курса по истории. Профессор С. Паккард, сделавший доклад по этому вопросу, провел предварительный опрос различных американских высших учебных заведений об их взглядах на характер, тему и форму вступительного курса. Ответы дало более 100 высших учебных заведений. В своем докладе проф. Паккард суммировал эти ответы и высказал ряд своих соображений. Кроме того на сессии обсуждались следующие вопросы: работа над историческим материалом; подготовка историка; пропаганда и война; война в средние века; война и общество XVII в.; война и переход от феодализма в Японии; война и промышленная эпоха в Европе XV в.; демократизация войны; мирные договоры 1919 г.; массы и их влияние на государство в Англии в период 1820 — 1850 гг.; проблемы Австралии; негры и их роль в истории США; Латинская Америка и просвещение XVIII в. и др.

◆ В Дергэмском университете (США) в конце 1940 г. была устроена выставка, посвященная 400-летию первых испанских исследователей на территории Северной Америки (за пределами Мексики); имеется в виду главным образом известная экспедиция Коро-

надо 1540—1542 гг., посетившая районы теперешних Техаса и Новой Мексики. На выставке были представлены издания, посвященные исследованию североамериканского континента испанскими путешественниками XVI в., и показаны экономика и быт народов, населявших эти районы в тот период.

◆ В конце 1940 г. в США было создано общество по изучению истории США и отдельных штатов (American Association for state and local history). Общество ставит своей целью координировать деятельность ученых, занятых историей отдельных штатов и городов США. Новое общество намеряет издание справочника исторических обществ США и Канады (Historical societies in the United States and Canada: A Handbook); предполагается также издание периодических бюллетеней, посвященных проблемам локальной истории. Председателем нового общества избран К. Криттенден.

◆ Как сообщает «News bulletin» (1 апреля 1941 г.), библиотека Мичиганского университета (США) выпустила большое библиографическое издание на тему об отношениях между американскими республиками (Inter-American Relations. A selected bibliography). В издании освещены следующие вопросы: дипломатические отношения между США и республиками Латинской Америки, экономические взаимоотношения между ними, торговые соглашения, экономика и политика в странах Латинской Америки, страны Латинской Америки как фактор международной политики, Канада и панамериканский союз, стратегия и оборона Западного полушария.

◆ В декабре 1940 г. в Голландии умер археолог Дюбуа, известный своим открытием челюсти питекантропа в Триниле, на острове Яве, в конце прошлого века. Дюбуа в последние годы занимался педагогической деятельностью в Лейденском университете.

◆ Декретом правительства республики Коста Рика (Центральная Америка) создано Географическое и историческое общество республики Коста Рика. На новую организацию, которая будет считаться правительственной, возложена задача — наряду с ведением научно-исследовательской работы также наблюдение за сохранностью памятников старины и публикация архивных материалов и правительственных декретов.

◆ Мексиканское правительство особым циркуляром запретило губернаторам отдельных провинций, муниципальным, церковным архивам и другим

учреждениям продавать старые документы. Это постановление стало необходимым в связи с тем, что ряд архивов и официальных учреждений, нуждаясь в деньгах, начал распродажу старых документов и бумаг; пользуясь этим, агенты крупной мексиканской бумажной фирмы «Beneficiadora de papel» закупили по дешевой цене большие партии бумаг в ряде провинциальных архивов. В своем циркуляре правительство категорически запрещает продажу всяких старых документов.

◆ В связи с тем, что в 1940 г. исполнилось 100 лет со дня основания английской колонии Новая Зеландия, правительство ново-зеландского доминиона наметило издание ряда трудов по истории Новой Зеландии. Наряду с отдельными монографиями, которые должны осветить различные аспекты истории Новой Зеландии за последние 100 лет, предполагается издание исторического атласа Новой Зеландии; началось также издание многотомного биографического словаря; первый том этого словаря вышел в конце 1940 года.

◆ В Мельбурне (Австралия) в 1940 г. начал выходить исторический журнал под названием «Historical studies: Australia and New Zealand». Журнал будет помещать статьи по вопросам, связанным с историей стран Тихоокеанского бассейна, а также работы австралийских ученых на разные исторические темы. В первом номере помещены следующие материалы: К. Фицпатрик «Обстоятельства отозвания губернатора Вандименовой земли в 1856 г.»; Макдональд «Общий обзор последних работ по древней истории»; Холл «Отчет о подготовке изданий, посвященных будущему юбилею открытия Новой Зеландии» (1642); статья об архивах Австралии; ряд документов по истории Австралии и т. д.

◆ В феврале 1941 г. в Чунцине (нынешняя столица Китайской республики) открылся филиал Центральной китайской национальной библиотеки. Последняя должна была открыться в Нанкине в 1937 г., однако наступление войны сорвало это мероприятие. Таким образом, чунцинский филиал в действительности должен явиться первым шагом к созданию Всекитайской национальной библиотеки. Главной задачей, которую поставила перед собой Чунцинская библиотека, является подбор официальных правительственных изданий и пропагандистской литературы, а также создание справочного каталога о литературе, хранящейся во всех крупнейших библиотеках страны.

А. В. ШЕСТАКОВ

29 июня, в 18 часов 30 мин., после тяжелой болезни скончался старый большевик, профессор и доктор исторических наук член-корреспондент Академии наук СССР Андрей Васильевич Шестаков.

Прежде чем стать крупным советским ученым, тов. Шестаков прошел с юных лет длинный и тяжелый путь труда и революционной борьбы. Его «университетом» были заводы, шахты, лесоразработки, тюрьма и ссылка, беззаветная борьба за дело рабочего класса, за дело социализма в рядах славной большевистской партии.

А. В. Шестаков родился в 1877 г. в Архангельске, в рабочей семье, и уже в 1888 г., т. е. 11 лет, начинается его трудовая жизнь. В течение 16 лет он, рабочий-слесарь, скитался по разным углам обширной страны, Испытывая на своей спине всю тяжесть бесчеловечной капиталистической эксплуатации, этот сын рабочего класса вступает в рабочее движение и в 1898 г. подвергается первому аресту. В 1903 г. он вступает в ряды большевистской партии и начинает жизнь профессионального революционера. В революции 1905—1907 гг. А. В. Шестаков (партийная кличка «Никодим») — активный деятель Московской большевистской организации, член МК, руководитель Московской окружной организации. В декабрьские дни 1905 г. тов. «Никодим» — один из руководителей вооруженного восстания на Московско-Казанской железной дороге, активный боец на московских баррикадах.

Работая в Московской «Окружке», А. В. Шестаков уделял особое внимание работе среди крестьянства. Учение Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства он старался осуществить на практике революционной работы. Как отмечает Андрей Васильевич в своей автобиографии, именно эта практическая работа среди крестьянства пробудила в нем теоретический интерес к аграрному вопросу и к истории крестьянского движения, которым он посвятил ряд своих работ и до революции.

Октябрьская социалистическая революция, активным участником которой он был,

открыла перед А. В. Шестаковым так же, как и перед всеми трудящимися нашей страны, путь к настоящей научной работе. Обладавший исключительной трудоспособностью, Андрей Васильевич в 1921 г., будучи уже в зрелых годах, поступил в Институт красной профессуры, который он и окончил в 1924 году. С этого времени и начинается особенно напряженная научная работа А. В. Шестакова. Он ведет большую педагогическую работу в ряде вузов в Москве, Воронеже; он в течение многих лет руководит кафедрой истории СССР Московского государственного педагогического института имени Ленина. Значительная часть многочисленных — а их 150 — научных работ А. В. Шестакова посвящена истории крестьянства и крестьянского движения. Своими марксистскими исследованиями о крестьянстве Андрей Васильевич внес много ценного в советскую историческую науку. Большое научное значение имеют работы А. В. Шестакова, посвященные истории революции 1905—1907 гг. и Октябрьской социалистической революции 1917 года. Работой огромного значения является составленный под его руководством и одобренный Правительственной комиссией учебник для 3-го и 4-го классов средней школы «Краткий курс истории СССР». В Институте истории Академии наук СССР А. В. Шестаков вел большую редакционную работу по подготовке многотомника истории СССР.

...С глубокой скорбью мы отмечаем, что со смертью А. В. Шестакова советская историческая наука потеряла одного из крупных ее деятелей. Мы знаем, что в дни, когда советский народ поднялся на отечественную войну против кровавого фашизма, пытающегося поработить нашу страну, А. В. Шестаков, старый большевик, боевой товарищ, серьезный ученый, отдавший всю свою жизнь делу своей родины, делу марксистско-ленинской советской науки, дрался бы так же самоотверженно с оружием в руках против фашистских орд, как он всю жизнь боролся против врагов рабочего класса.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В напечатанной в журнале «Историк-марксист» № 4 за 1941 год «Летописи важнейших революционных событий 1917 г. в Средней Азии» имеется ссылка на «Рукописный фонд Института истории Академии наук СССР по Средней Азии», сокращенно «Рукописный фонд». Точная и полная расшифровка указанной выше ссылки должна быть такой: «Материалы к хронике революционных событий в Средней Азии» (1917—1924 гг.), сокращенно именуемые «Хроника УзНИИМЛ'а», подготовленная В. В. Ершовым.

С. Зрячкин

От редакции. Редакция считает необходимым отметить, что работа тов. Зрячкина рецензировалась и обсуждалась руководством сектора истории советского периода Института истории АН СССР и была им рекомендована к печати.

Прошу в ближайшем номере Вашего журнала поместить следующее заявление: Фактическим соавтором статьи «Великое колхозное движение», напечатанной в № 5 «Исторического журнала» за 1941 г., является тов. Л. Кудрявцева.

С. Черномордик

ОТ РЕДАКЦИИ

С настоящего номера вместо двух журналов: «Историк-марксист» и «Исторический журнал» — будет выходить один объединенный журнал под названием «Исторический журнал». Ответственный редактор Ем. Ярославский.

AVIS AUX LECTEURS

A commencer du présent numéro au lieu de deux revues HISTORIEN-MARXISTE et REVUE HISTORIQUE paraîtra une seule revue sous le titre REVUE HISTORIQUE. Rédacteur en chef I. JAROSLAVSKI.

EDITOR'S NOTE

Beginning with the present issue, the MARXIST HISTORIAN and the HISTORICAL JOURNAL will be merged under the latter title. Editor-in-chief E. YAROSLAVSKV.

VON DER REDAKTION

Beginnend mit der vorliegenden Nummer erscheint das „HISTORISCHE JOURNAL“, als vereinigte Zeitschrift an Stelle der bisherigen zwei Zeitschriften DER MARXISTISCHE HISTORIKER und HISTORISCHES JOURNAL. Der verantwortliche Redakteur J. JAROSLAWSKI.

EP_1941_OFO_251

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года	3
Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 года	8
Великая отечественная война	10

СТАТЬИ

Кляцкин С. — Рождение Рабоче-Крестьянской Красной Армии	16
Волин Б. — Пролетарская Москва в феврале 1918 г.	34
Нотович Ф. — Разгром Четверного союза в 1918 году	42
Проф. Неудлы З. — Каннибальская расистская теория в фашистской историографии	61
Мишулин А. — Историческая фантазия о «военных доблестях» «нордической расы»	75
Предтеченский А. — Отечественная война 1812 г.	81
Коробков Н. — Русские солдаты	102

СООБЩЕНИЯ

Луцкий В. — Сирия (краткая историческая и библиографическая справка)	112
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

К капитуляции Берлина 9 октября (н. ст.) 1760 г. (документы)	117
Кац Б. — ~~Подлинная~~ потеря русской армии в Бородинском сражении	122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ем. Ярославский — Саво Меденица. «Россия и славянство». — А. Беленький, М. Альперович — «Американский исторический журнал».	127
Борьба русского народа против германских захватчиков (аннотированный указатель литературы)	131

ХРОНИКА

Стегарь С. — О конкурсных работах студентов Московского государственного педагогического института имени Ленина	137
Историческая наука за рубежом	138
А. В. Шестаков	141
Письма в редакцию	142
От редакции	142

SOMMAIRE:

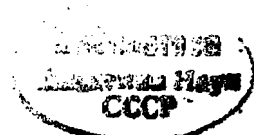
Discours radiodiffusé de J. Staline, Président du Comité d'Etat pour la Défense (3 Juillet 1941).— Discours radiodiffusé de V. Molotov, Vice-Président du Conseil des Commissaires du Peuple et Commissaire du Peuple aux Affaires étrangères (22 Juin 1941).— La grande guerre pour la défense de la Patrie.— ARTICLES: Klatskin S. La naissance de l'Armée Rouge ouvrière et paysanne.— Voline B. Moscou prolétarien en février 1918.— Notovitch F. La défaite de la quadruple alliance en 1918.— Prof. Nedyly Z. La théorie raciste des cannibales de l'historiographie fasciste.— Michouline A. Fantaisie historique sur „les prouesses militaires“ de la „race nordique“.— Predtetchenski A. La guerre pour la défense de la Patrie en 1812.— Korobkov N. Les soldats russes. COMMUNICATIONS. NOTES HISTORIQUES. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE. **A. V. Chestakov.** LETTRES A LA REDACTION. NOTE DE LA REDACTION.

CONTENTS:

Radio Address of J. V. Stalin, Chairman of the State Committee of Defence, July 3, 1941.— Radio Address of V. M. Molotov, Vice-Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR and People's Commissar of Foreign Affairs, June 22, 1941.— This Great Patriotic War. ARTICLES: Klatskin S. The Birth of the Workers' and Peasants' Red Army.— Volin B. Proletarian Moscow in February 1918.— Notovich F. The Defeat of the Quadruple Alliance in 1918.— Prof. Nedyly Z. Fascist History's Cannibal Race Theory.— Mishulin A. The Historical Figment of „Nordic Valour“.— Predtechensky A. The Patriotic War of 1812.— Korobkov N. Soldiers of Russia. COMMENTS. HISTORICAL NOTES. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. NOTES OF THE MONTH. **A. V. Shestakov.** LETTERS TO THE EDITOR. EDITOR'S NOTE.

INHALT:

Rundfunkrede des Vorsitzenden des Staatskomitees für Verteidigung J. W. Stalin vom 3. Juli 1941.— Rundfunkrede des Stellvertretenden Vorsitzenden des Rates der Volkskommissare der Union der SSR und Volkskommissars für Auswärtige Angelegenheiten W. M. Molotow vom 22. Juni 1941.— Der grosse vaterländische Krieg. ARTIKEL: Kljatzkin S. Die Geburt der Roten Arbeiter- und Bauernarmee.— Wolin B. Das proletarische Moskau im Februar 1918. Notowitsch F. Die Zerschlagung des Vierbundes im Jahre 1918. Prof. Nejedli Z. Die kannibalische Rassentheorie der faschistischen Geschichtsschreibung.— Mischulin A. Historische Phantasien über den „kriegerischen Mut“ der „nordischen Rasse“.— Predtetschenski A. Der vaterländische Krieg 1812.— Korobkow N. Russische Soldaten.— BEKANNTMACHUNGEN. HISTORISCHE NOTIZEN. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK. **A. W. Schestakow.** BRIEFE AN DIE REDAKTION. VON DER REDAKTION.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский — отв. редактор
Волин Б. М. — зам. отв. редактора
Миц И. И.
Панкратова А. М.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. комн. 809. Тел. Д-3-30-48 и Д-3-36-50

А 43531. Изд. № 861. Зак. № 1760. Тираж 40 000.
Подп. к печати 4/VIII 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л. 9 печ. лист.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.